

Письма о богослужении восточной Кафолической Церкви Андрей Николаевич Муравьев

Предисловие

Муравьев, Андрей Николаевич (1806–1874) – православный духовный писатель и историк Церкви, паломник, путешественник, драматург, поэт. В «Письмах о богослужении» А.Н. Муравьев стремится вернуть интерес просвещенного читателя из высших слоев общества к церковному обряду. Падение интереса общества XIX века к церковной жизни среди прочего крылось и в непонимании сущности обрядов и богослужений. В своей книге автор рассказывал о Литургии – важнейшей части христианского богослужения. Муравьев разъясняет содержание различных типов Литургии, ее историю, смысл всенощной службы, вечерни и утрени. Автор повествует о Великом посте и Пасхе, о семи таинствах и православных праздниках, среди которых Великие и Дванадцатые занимают центральное место. Говорит он и о значении погребения в жизни православного человека. Автор рассказывает, как следует начинать пост, в чем его цель, о чем учат притчи, читаемые в недели подготовки к посту, и с какими событиями христианской истории связаны каждая из недель Великого поста. Не только содержание богослужения, но и душевные состояния, которые должен переживать верующий, рассмотрены А.Н. Муравьевым. Он описывает духовный опыт отцов Церкви, их наставления верующим, делится собственными эстетическими переживаниями. Письма были отредактированы московским владыкой преосвященным Филаретом. Книга полезна любому, кто начинает изучать историю Православия и литургику. Сочинение А.Н.Муравьева было чрезвычайно востребовано и популярно. Изданное впервые в 1835 г., оно выдержало в течение XIX в. не менее двенадцати изданий

Предисловие

Настоящее, одиннадцатое издание Писем о Богослужении предпринято в память Андрея Николаевича Муравьева друзьями его и почитателями, как первый опыт – перепечатки наиболее назидательных и полезных сочинений покойного, с целью распространения их по возможно дешевой цене. Последнее, десятое издание, сделанное самим Муравьевым в Киеве, в 1873 году, давно уже истошилось, и составляет библиографическую редкость, хотя самая книга не только не утратила

своего значения, но и ныне, также как при первом издании отвечает на душевную потребность каждого православного читателя. В этом смысле Письма о Богослужении как были так и останутся любимой в России народной книгой.

«Письма эти, – говорит автор в предисловии к 10-му изданию, – вначале были действительно писаны для одного светского молодого человека Г**, чтобы прояснить его неведение о богослужении родной нашей Церкви; но когда таким образом вышли, одна за другою, две первые книжки о литургии и всенощной, и о великом посте и Пасхе, я был поощрен их неожиданным успехом к продолжению моего труда и издал еще две книжки о таинствах и о праздниках. – Второе издание (1836 г.) вскоре последовало за первым, составив одну полную книгу о Богослужении из четырех отдельных книжек, а в шестом издании (1855 г.) я присоединил к ней, в виде особых приложений, еще несколько статей о других духовных предметах, как то: о недели Православия, о посте, о воскресной всенощной и проч.

Письма сии, вскоре после их появления, обратили на себя внимание иностранцев, которых они знакомили с нашим православным богослужением, и постепенно начали выходить в свет переводы их на разных языках. – Прежде всех издал их в 1832 году, на Немецком языке в Лейпциге, племянник реформатского пастора Петербургской церкви, Эдуард Мюральд, и это самый лучший и полный перевод моих писем, с приложением лексикона церковных предметов, которые в них упоминаются. – Вслед за тем напечатан был, в 1841 году в Варшаве, Польский перевод первой только книжки сих писем, сделанный Эмилией Яроцкой. – Потом Князь Н. Б. Голицын, брат незабвенной Т. Б. Потемкиной, перевел их на Французский язык и напечатал в Петербурге в 1850 году. – В следующем 1851 году, Письма о Богослужении были прекрасно переведены на Греческий язык, вместе с другими моими сочинениями (Историей Русской Церкви, Правдой Вселенской Церкви, Словом кафолического Православия) и напечатаны в Афинах полковником инженерным Федором Вальяно, который, будучи воспитан в России, весьма хорошо владел русским языком, а в 1854 году они явились и на Сербском языке, в Австрии, в городе Нейзаце или Новом Саду. – Сделан был перевод Писем о Богослужении и на Английский язык в 1866 году, полковником Генерального штаба Адлером, и должен бы быть напечатан в Америке, но не известно, почему не состоялось это издание, а между тем теперь, более, нежели когда-нибудь, оно могло бы быть полезно, для сближения Англиканской и Американской Церкви с Православной.»

Книга первая. О литургии и всенощной

Письмо I

Тебя удивит письмо мое, любезный друг, потому что содержание его совершенно отлично от тех, какие ты привык получать. Ты еще более удивишься, если узнаешь, что это только начаток писем, которые все будут говорить о том же предмете: о таинственных обрядах святой нашей Церкви. Но может быть, ты спросишь: что побудило меня коснуться, в письмах, столь важного предмета? – Помнишь ли наши прогулки в окрестностях твоей деревни, Яропольца, где мы часто посещали для молитвы соседнюю обитель св. Иосифа Волоколамского? Помнишь ли нашу приятную поездку в Москву, когда дорогою остановились отслушать литургию, в день Успения, в знаменитом монастыре Нового Иерусалима, и сравнивали его чудные здания с древним образцом храма Св. Гроба? И наконец, в самой столице, помнишь ли всеобщее ангельское пение иноков Донской обители? – Ты скажешь: помню, а я прибавлю: несмотря на торжественность служения, на согласие хоров, я замечал в тебе усталость преждевременную, и она была более нравственная, нежели Физическая. Наружное величие обрядов, без их внутреннего, глубокого смысла, не могло занимать тебя; чтение же маловнятное и совершенно тебе неизвестное, хотя и прерывалось иногда гармоническим пением, но невольно продолжало для тебя всеобщую, ибо ты не знал ее настоящего хода; а незнакомый путь во мраке кажется нам всегда бесконечным. Между тем я также заметил, что всякий раз, когда до твоего слуха доходила знакомая молитва, ты с благоговением ей предавался, и это мне подало благую мысль объяснить тебе, по мере слабых сил моих, те места красноречивого и трогательного служения нашей православной Церкви, с которыми ты менее моего имел случай познакомиться. Не ожидай, однако, многого от собственной моей неопытности в деле, требующем духовных познаний. Бесплезно даже и предостерегать тебя, ибо ты довольно знаешь, сколь поверхностны мои сведения; но это самое дает мне смелость говорить с тобою откровенно о предмете близком моему сердцу. Быть может, если бы ты подозревал во мне более духовного знания, ты избежал бы меня, как скучного учителя; но ты не станешь уклоняться друга, во всем тебе равного, которого уста говорят только от избытка сердца.

Итак, я прошу у тебя не столько внимания, сколько снисхождения; нельзя много взыскивать там, где мало обещают. Правда я виноват тем, что сам добровольно вызвался, но вникни, какое чувство мною управляло, самонадеянность или любовь? – И если любовь, то прими слова мои с

такую же любовью. Может быть, при чтении сих писем, прояснится в твоей душе хотя одна темная мысль, и ты посвятишь молитве еще одно лишнее мгновение: тогда вполне вознаградится труд мой, особенно, если в сию молитву включишь те несколько слов и о душевном спасении преданного тебе друга.

1 Сентября 1835 г.

Село Ярополец

Письмо II

Ты принял благосклонно первое письмо мое, любезный друг, и я решаюсь продолжать, в надежде на благое начало. О чем же, прежде всего, стану беседовать с тобою, если не о божественной литургии, которую мы столь часто слушали вместе и конечно молясь друг за друга? – Но хотя я и слегка только намерен коснуться сего высокого предмета, однако невольно робею, чувствуя, что избрал себе труд не по силам. Одна только мысль меня поддерживает и побуждает писать: как ни слабо будет сие письмо, ты прочтешь его по любви ко мне, между тем как не будешь иметь довольно терпения и времени, чтобы вникнуть в драгоценные писания святых Отцов о литургии; сомневаюсь даже, чтобы ты решился прочесть объяснение Дмитревского, или преосвященного Вениамина в Новой Скрижали, и таким образом, по твоей собственной вине, вместо всех сих сокровищ, предлагаю тебе мое убожество.

Я уверен, что тебе часто казался непонятным или произвольным, ход торжественных обрядов литургии, которая, как некое духовное зрелище, совершается на возвышенном месте пред лицом Христиан; в особенности, на тебя должна была производить подобное впечатление обедня, совершаемая без полного благолепия в селах, где внешний взор и слух менее могут иметь удовлетворения, при недостатке разумного внимания к молитвам. Но сие неблагоприятное чувство может случиться и во время великолепнейшего служения архиерейского, если ты, в мыслях своих, разорвешь цепь, соединяющую нынешнюю обедню с первоначальным ее установлением от самого Спасителя, – цепь постепенного образования ее подробностей в течение нескольких веков, по вдохновению св. Апостолов и св. Отцов. Они узаконили, неизменными обрядами, свободное вначале, словом и действием, представление и как бы повторение тайной вечери Христовой, и таинственно изобразили всю его жизнь, течением одной божественной литургии.

В первые времена Христианства все верные, составлявшие из себя Церковь, собирались в особую храмину, определенную для общих молитв и таинодействия, и приносили с собою, смотря по своему достатку, хлеб и вино, для совершения таинства тела и крови Христовых и для общей трапезы любви, в которой бедные довольствовались обильными приношениями богатых. Епископ или Пресвитер, иногда сам, а иногда чрез Дяконов, то есть служителей Церкви, принимал сии приношения, просфоры (по Гречески), и они полагаемы были в особом месте

приготовления, что ныне жертвенник, который бывает в больших храмах отделен от алтаря. Там Пресвитер избирал и готовил один хлеб собственно для таинства, а дабы и прочие приносители и приношения равномерно были приняты и представлены Христу, в молитве и тайнодействии, – из каждого хлеба частица полагаема была к хлебу избранному для таинства, в память приносителя: самый же хлеб оставался для трапезы любви. И теперь, то же самое повторяет у жертвенника Священник, готовя для священнодействия хлеб, называемый агнцем, – именем, заимствованным от Агнца Пасхального, и вынимая из прочих просфор части, в честь и память Богоматери и всех Святых и в жертву за живых и мертвых; это составляет первую часть обедни – проскомидию, иначе приготовление.

Потом священнодействующий, один или с помощью Диакона, призывал верных к молитве, и молился во услышание всех о благах временных и вечных; следовало пение псалмов, чтение книг Пророческих и посланий Апостольских. Тогда Диаконы приносили из хранилища святое Евангелие на средину церкви, и из сего хождения образовался нынешний малый вход с Евангелием, знаменующий вместе и открытие проповеди Христовой, когда сам он явился после приготовительной проповеди последнего пред ним Пророка, Иоанна Крестителя. Евангелию следовали толкование слова Божия и молитвы о кающихся и тех, которые только были еще оглашены первоначальным учением веры, но не просвещены крещением. Их удалением оканчивалась и оканчивается ныне вторая часть обедни, называемая литургией оглашенных.

Третье отделение, – литургия верных, начиналась двумя краткими молитвами и третью безмолвною. Так и теперь, кроме того что третья тайная молитва священнодействующего, для предстоящих закрыта пением так называемой херувимской песни. В сие время священнослужителям нужно было идти за приготовленными дарами, в место их приготовления, чтобы принести оные на св. трапезу, где должно совершиться тайнодействие, – и вот основание великого входа, со святыми дарами, который ты теперь видишь в православной Церкви, с великолепием подобающим святыне; ибо сие таинственное перенесение воспоминает также и вольное шествие Спасителя на искупительное страдание. Теперь престол Христа Царя становится вместе его крестным жертвенником и гробом живоносным; возвышенность алтаря представляет Голгофу. В древние времена, сие таинственное зрелище открыто было для всех верных, потому что все или почти все приступали к причащению святых таин. По времени оно закрыто, преградою и завесою, от тех, которые сами

признали себя недостойными быть причастниками. Впрочем, и до ныне, как в первые века, в некоторых церквах Палестинских, престол остается открытым.

По освящении даров и приобщении Пресвитеров и народа, возносились общие благодарения Богу за его щедроты, и верные совокуплялись на братолюбную трапезу, в части храма, которой она и оставила свое название. Впоследствии, по вкравшимся злоупотреблениям, трапеза любви уничтожена, но память сей первобытной вечери, или общественного обеда верных, сохранилась в самом слове: обедня. Так совершалось сие служение в древности.

Некоторые подробности литургии изменялись по местам и временам, но сущность ее никогда; нам еще сохранилось несколько особых чиноположений литургии, времен Апостольских, совершенно сходствующих между собою, за исключением некоторых молитв, которые произносимы были, по особенному вдохновению великих священнодействователей. Литургия Апостола Иакова, первого Епископа Иерусалимского, весьма продолжительная, и теперь еще поется в день его памяти в Иерусалиме. В четвертом столетии, святой Василий великий, Архиепископ Кесарии, снисходя к немощи человеческой, сократил ее отчасти, и в таком порядке совершается она в воскресные дни великого поста и некоторые другие праздники. Немного лет спустя, святой Иоанн Златоуст, Архиепископ Царьграда, еще несколько сократил службу святого Василия, и обедня его осталась повседневною, ибо, после сего великого иерарха, никакая рука не дерзала и не дерзнет к ней прикоснуться, а совершенство молитв ее достигло высшей степени, какая только доступна человечеству.

10 Сентября 1835 г.

Село Осташево

Письмо III

Вначале я кратко говорил о древнем образовании литургии; теперь прошу тебя быть внимательным к порядку, в каком ее видим ныне. Я не буду входить во все подробности священнодействия, и особенно в те, кои доступны только участвующему в служении, но коснусь только молитв и обрядов, которые более открыты вниманию всякого предстоящего и опишу тебе служение архиерейское, чтобы ты имел ясное понятие о полноте литургии.

Первое приготовление Архиерея к священнодействию есть тихая молитва, пред вратами алтаря, затворенными вначале и закрытыми завесою для самого Святителя, в знак того, что таинства веры закрыты для обыкновенного человека, доколе по молитве не отверзет их благодать.

Потом является он среди церкви и народа, на возвышенном месте, потому что служение его должно быть видимо всей Церкви для ее назидания, но в одежде простой, обыкновенной, напоминая тем неузнанное вначале явление Христово, в смиренной одежде человечества. Как однакоже Святитель, в священнодействии, должен представлять не только ближайшего служителя Христова, но частью и образ самого Христа: то ему нужно для сего облечься в Хриstopодражательные свойства и добродетели. Сие знаменуется облачением в священные одежды, которые приносят ему Диаконь из алтаря, как Ангелы из невидимых хранилищ благодати, и которыми облачают его как знаменьями; а между тем другие Диаконь возглашают таинственное значение каждой из сих одежд.

Употребление священных одежий относится к первым временам Христианства. Священнодействующие всегда облакались особенною утварью, чтобы предстать чистыми и благолепными на служенье Божие. Некоторые из Епископов надевали, в память Апостолов, Фелонь Павлову и ризу Евангелиста Иоанна и, по примеру его и Апостола Иакова, венчались митрою Первосвященников Иудейских. Другим устроили священные одежды благочестивые Цари, и таким образом составилось полное облачение Святителя.

Сперва надевают на него стихарь, одежду Левитов и Дьяконов, обыкновенно белую, в знаменье чистоты и веселия духовного. Затем следует эпитрахиль: знаменье ига Христова и благодати, изливающейся во священстве; по сему значенью, один и тот же знак приспособляется ко всем степеням священства. Если он лежит на одном плече: это есть начало

и некоторая лишь доля ига Христова, служебная диаконская степень священства, и тогда знак сей получает название ораря, от латинского слова *orare*, молиться, потому что им Диакон подает знак к молитве. Если тот же знак, под именем эпитрахили, обложен кругом шеи по обоим плечам: это есть более прямое вступление под иго Христова, – священнодейственная степень Пресвитера. Эпитрахиль присваивается и Епископу, потому что в сей высшей степени священства заключается и пресвитерская благодать. – Далее следует: пояс, знаменье силы и готовности к служению, поручи, память уз Христовых, дающие свободу священнодействовать, и наколенник, привешенный на бедре, по подобию меча, для напоминания, что духовный подвижник должен быть вооружен глаголом Божиим, и в память того лентиона, которым Господь смиренно отер ноги своим ученикам. Верхняя риза или фелонь Иерея, изображающая багряную хламиду поруганного Христа, заменяется по древнему обычаю у старейшего, а ныне и у всякого Архиерея, саккосом, который по происхождению есть или одна из одежд Еврейского Первосвященника, или царский далматик, дар Императоров Византийских Патриархам; смирение Иерархов переименовало его саккосом, то есть вретисцем покаяния. Но существенный знак архиерейства есть омофор, нарамник, знаменующий не только иго Христова, воспринимаемое служителем Христовым, но также иго, которое восприял на себя сам Христос, то есть естество человеческое, которое он, как благой Пастырь заблудшую овцу, подъял на рамена свои и принес в дом Отца небесного. По сему-то высокому значению омофор налагается, когда Архиерей священнодействует и представляет образ Христа, и снимается, когда он представляет только раба и служителя Христова, подобно прочим. Как последователь его заповеди, он приемлет на перси крест, и дабы помнил, что должен иметь в сердце, ему полагают на сердце панагию, т. е. образ всесвятии Богородицы или самого Иисуса Христа; наконец венчают митрою, как духовного владыку в своей Церкви. Орлы подстилаются под ноги архиерейские, для указания ему выпренного стремления горе и в знак паденья орлов Римских к подножью креста: ибо много было пред сими орлами пролито крови мучеников, когда не хотели они присягать по языческому обряду. В руки ему подадут свещники, с тремя и двумя свечами, трикирий и дикирий, в знамение света Троицы и света двойного естества Спасителя, Божеского и человеческого: с ними осеняет он народ осенением Св. Духа, и лики приветствуют его по Гречески: «на многия лета, Владыко!» а первый Диакон напоминает ему долг его звания, евангельскими словами: «так да просветится свете твой пред человеки,

яко да видят добрая дела твоя и прославят Отца нашего, иже на небесех».

Чем деятельнее и совершеннее облачается человек в духовные свойства и добродетели, по заповедям и примеру Христа, тем скорее отверзаются ему двери благодатных таинств; – вот мысль, которая в архиерейском служении выражается тем, что когда Святитель облачен и готов к литургии, тогда царские врата алтаря отверзаются при самом ее начале.

По прочтении часов приступают Диаконы к Епископу, тихо напоминая, что «время сотворити Господеви», и просят благословения на свое служение при литургии. Тогда первенствующий из них торжественно требует благословения к священнодействию, и литургия начинается, благословением царства Пресвятой Троицы, которое возглашает старший Пресвитер, при тайной молитве Епископа, подобно тому, как Праотцы и Пророки возвещали славу Божию и благодать Христову, прежде нежели сам Христос открыл дело спасения рода человеческого. Великая эктения, или протяженная молитва, заключаете в себе все, о чем должны мы благодарно просить для нашей жизни, начиная с вышнего мира и спасения душ наших и заключая совершенною преданностью самих себя и друг друга и всей нашей жизни, Христу Богу, при заступлении Пречистой Девы и всех Святых. Что может быть трогательнее молитвы о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и о спасении их? – Здесь не укрылось ни одно бедствие человечества от милосердного ока Церкви; далее, и невидимый мир участвует в ее всеобъемлющей любви, когда она молит: о всех прежде почивших отцах и братьях, zde лежащих и повсюду православных. На приглашение Диякона к молитве отвечает хор, в лице народа; Пресвитер же, следуя тайною молитвою за словами Диякона, возглашает всегда на конце эктении хвалу Тринединному Богу.

Между великою и двумя малыми эктениями поются на два хора антифоны, то есть попеременные песнопения, составленные частью из целых псалмов, частью из стихов избранных, относящихся к празднеству дня. Сей род пения установлен святым Игнатием, Епископом Антиохийским, которого благословил Спаситель, в числе приведенных к нему младенцев. Таинственное видение Ангелов, возглашавших друг другу славу Божию, внушило мысль сию Игнатию; он передал ее Церкви, а в шестом веке, Император Иустиниан принес ей благоговейно в дар высокий гимн свой, во славу едиnorodного Сына Божия; гимн сей поставлен на конце антифонов, чтобы, песнью о воплощении, запечатлеть истину пророческих вдохновений.

Тогда начинается торжественный вход с Евангелием, знаменующий,

как я уже говорил тебе, открытую проповедь Христову после крещения. Епископ встает со своей кафедры и, тайною молитвою, готовится ко входу в алтарь. Диакон возвышает Евангелие и восклицанием: «премудрость» подает мысль о премудрости, заключающейся в Евангелии, а вторым восклицанием: «прости» предостерегает, чтобы по важности времени священнослужения, все стояли в прямом, благоговейном положении и никто не оставался, или сидящим или небрежно опершимся. Епископ, созерцая в Евангелии присутствие самого Христа и подражая Иоанну Предтече, который, увидя грядущего Спасителя, воскликнул: «се Агнец Божий вземляй грех мира», первый призывает верных к поклонению, сими словами: «приидите, поклонимся и припадем ко Христу, спаси нас Сыне Божий».

Ближайшее действие молитвы есть духовный свет в душе, и потому, вслед за сею молитвою, Архиерей осеняет верных светильниками, как бы божественным светом, и, окруженный сослужащими, вступает в алтарь. Между тем как молитва: «спаси нас Сыне Божий», переходит из середины храма на клирос, а отсюда во внутренность алтаря, он приемлет кадило и, благоуханием фимиама, во-первых, воздаст честь престолу Христову, потом кадит церковь, изображая тем действие глубокой внутренней молитвы, – усладительное веяние Святого Духа. В ответ на каждение, Церковь приветствует Святителя желанием многих лет, по обычаю на Греческом языке, и он, вслед за тем, взаимно приветствует желанием многих лет всю Церковь, начиная с благочестивейшего Императора, которое Диакон и клир возглашают, а он запечатлевает осенением рук.

После сего, вновь приступает Архиерей к молитве, еще более внутренней, потому что она начинается в алтаре, у самого престола Христова, и отсюда переходит в церковь, еще более возвышенной, потому что она относится непосредственно к Пресвятой Троице. Святитель, в первый раз возглашает сам, прославляя святость Божию: «яко свят еси Боже наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Св. Духу, ныне и присно», и, поспешая возвратиться к своей тайной молитве, не оканчивает славословия, а предоставляет, в знак единства, довершить оное Диакону, от лица Церкви восклицанием: «и во веки веков».

Молитва Трисвятому Богу, возглашаемая на клиросе и в алтаре, в свою череду сопровождается светом светильников и, поелику свет сей исходит из алтаря, он становится уже знаменательнее нежели тот, который прежде являлся среди церкви. Архиерей берет дикирий, и крестообразно касается оным лежащего на престоле Евангелия, как источника света; потом обращается к народу и, держа в одной руке светильник, а в другой

крест, осеняет с амвона всю церковь крестообразно, с сими трогательными словами: «призри с небеси Боже, и виждь и посети виноград сей и утверди и, его же насади десница твоя»; а Церковь видит в сем осенении, не только двойственный свет дикирия, – знамение двух естеств во Христе, но и спасительную цель его воплощения – крест. Когда же Архиерей возвращается в алтарь, уже не только к престолу, но далее к востоку на горнее место: то взяв трикирий, из сей более глубокой внутренности святилища, осеняет еще раз, тройным светом Божества, живущего во свете неприступном.

Потом начинается чтение посланий Апостольских, во время коего Епископ сидит на горнем месте, как преемник Апостолов, по сторонам же его сидят Пресвитеры, в качестве сослужителей. Но пред тем, он отдает с себя омофор, дабы сей знак, некоторым образом Христов, сопутствовал Евангелию Спасителя, когда оно будет читаться, и дабы в то время представить себя смиренно стоящим наравне с прочими учениками слова Божия. – Во время эктении, так называемой сугубой, потому что в ней усугубляется или точнее сказать, утраивается воззвание: «Господи помилуй», Архиерей становится опять пред престолом, и расprostирает на нем антиминос, шелковый плат с изображением погребения Христова: он назван антиминосом или вместопрестолием, потому что по первоначальному обычаю Церкви, престол храма должен быть освящаем Епископом: но как это не всегда возможно, то Епископ совершает освящение, вместо самого престола, над антиминосом, а его торжественным внесением в алтарь и возложением на престол, довершается освящение храма. Древнее же обыкновение созидать церкви на гробах мучеников и мощи мучеников полагать в церквях, продолжается и теперь, ибо в каждый антиминос, при освящении его, полагается частица святых мощей.

После сугубых молитв, Диакон приглашает верных помолиться об оглашенных, дабы Господь открыл им Евангелие правды и соединил со своею Церковью и, по молитве Архиерейской над их преклоненными главами, высылает их вон из храма. Ты может быть скажешь: зачем теперь обряд сей, почти напрасный, когда уже нет разряда оглашенных, готовящихся к св. крещению, потому что все окрещены с младенчества, а разряд кающихся и отлученных от таинств большею частью не приметен в Церкви? – Подумай, однакоже, сколько есть между нами таких, которые только оглашены верою Христовою, но не веруют, призваны ко спасению и не идут: тщетно старается Церковь умягчить их сердце молитвою, пронзить его словом Божиим: они имеют уши, чтобы не слышать и очи,

чтобы не видеть, и стремятся к погибели, как бы на некий пир, им уготованный рукою вечной смерти, отклоняя от себя ту духовную трапезу, какую предлагает им Искупитель, в приобщении собственного тела и крови, взывая: «приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии и аз упокою вы». И что говорю я о других? взглянем на самих себя; не мы ли первые оглашенные? – Что скажешь? мы исповедуем Христа! – так, но не устами ли только? дела же наши лучше ли языческих? а по словам Писания: «вера без дел мертва». Нет, друг мой, с трепетом преклоняю я голову, при возглашении Диякона: «оглашении, главы ваша Господеви преклоните», после которого они должны изгоняться из храма: молюсь в сию минуту, столько же за самого себя, сколько и за них, чтобы не быть изгнанным страшными Ангелами из царствия небесного, подобно как из церкви изгоняются Дияконом оглашенные, и когда потом он призывает уже одних только верных к молитве, – знаешь ли, что я не всегда дерзаю молиться!

12 Сентября 1835 г.

Село Осташево

Письмо IV

Теперь приступим к важнейшему: поется Херувимская песнь, творение Императора Иустина; но может быть ее содержание темно для тебя на Славянском, – вот перевод: «Мы, которые тайно образуем Херувимов, и вместе с ними воспеваем трисвятую песнь животворящей Троице, отложим ныне попечение о всяком деле житейском, ибо готовимся торжественно поднять Царя всех, которого невидимо копыеносят Ангельские силы».

Даже и в этом переводе слово: копыеносят, вероятно поразило тебя; но ты должен знать, что оно выражает в точности, не только Славянское дориносима, но и самую картину, которую хотел изобразить в сей песни Иустин. Римские воины, при провозглашении новоизбранного Императора, обыкновенно подымали его на щите, посреди легиона, так что он являлся поверх окружавших его копий. В церкви как бы повторяется та же картина; после слов: отложим попечение, является Диакон, как бы один от невидимого легиона Ангелов, подъемлющий над главою, на дискосе как на щите, Царя всех, в смиренном виде Агнца.

О как кстати, пред самым ходом, поражает всегда слух благодетельное слово: отложим попечение, как кстати извлекает грубый ум из помыслов житейских! Тогда Архиерей, омыв очи и руки, дабы чисто созерцать и действовать, и трижды простерши руки на молитву пред престолом, идет сам творить молитвенное воспоминание живых и мертвых над жертвенником, и отпускает приуготовленного таинственного Агнца, для страшного его принесения в жертву на престоле, за грехи людей; а Христиане ожидают сего торжественного шествия и втайне молят, с преклонением главы, идущих мимо Пресвитеров: чтобы помянули их пред Господом, что исполняют они громко, начиная с властей.

Песнь Василия Великого на сие же мгновение, которую поют однажды только в год, в великую субботу, еще умильнее: «да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет: Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным. Предходят же сему лица Ангельстии, со всяким началом и властью: многоочитии Херувими и шестокрылатии Серафими, лица закрывающе и вопиюще песнь: аллилуйя».

И вместе со звуками сей песни, ты видишь ее изображение в лицах: Диаконы, в образе Ангелов, предъидут со свечами, опустив орари свои как

крила; другие веют над сосудом рипидами, с изображением Херувимов; еще иные облакают все шествие облаками фимиама, как бы приготавливая ему воздушную стезю; один несет на плече своем воздух, память погребальной плащаницы Христовой, другой несет омофор, знак вочеловечения, с сияющим на нем крестом, который, как знамение Сына человеческого, предъидет ему на небесах, в день страшного суда. Старший Диакон высоко держит, над главою, дискос или блюдо, на коем лежит покровенный Агнец; за ним старший Пресвитер с потиром, чашею, готовою скоро исполниться крови Спасителя; далее следуют постепенно, в руках иерейских, орудия Божественного страдания: крест, копие, губа, которая напоила его желчью и лжица, дающая вкушать кровь его верным. Архиерей, без митры и омофора, раболепно встречает сие изобразительное шествие, в дверях царских, и поставляя дискос и чашу на престол, как бы во гроб, подобно Иосифу Аримафейскому, воспоминает его подвиг, говоря: «благообразный Иосиф, с древа снем пречистое тело твое, плащаницею чистого обвив и благоуханьи, во гробе нове, покрыв положи».

Опять выходит Диакон к народу и приглашает исполнить молитву Господеви; но уже прошения его не касаются благ земных и временных, а простираются единственно к духовным и небесным: он молит о Ангеле хранителе, о том, что добро и полезно душам нашим, о прощении грехов, провождении нашей жизни в мире и покаянии, и о Христианской ее кончине, с добрым ответом пред страшным судилищем Христовым. Какие назидательные молитвы! Потом, услышав со всею Церковью желание мира из уст святительских, приглашает нас возлюбить друг друга, дабы мы могли единомысленно исповедовать, – и хор договаривает за всех нас: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную», показывая тем, что мы сохраняем взаимную любовь и с любовью исповедуем истинного Бога. Прежде, во время сей песни, все Христиане целовались между собою; теперь одни только Священники в алтаре целуют Архиерея и друг друга.

Потом взывает Диакон: «двери, двери, премудростию вонмем». В древности это служило знаком для верных, заключать наружные врата церкви, чтобы никто из неприобщенных к таинствам Христианским, или гонителей Христианства, не мог войти во время тайнодействия. Ныне Церковь не имеет причины к подобному опасению и потому напротив, при восклицании: «двери, двери», отдергивается завеса от царских врат, заключенных при служении простого иерея, и сие означает, что тайна готова открыться и сообщиться каждому чрез веру. То же знаменует и поднятие воздуха с сосудов, который, во все время пения символа веры,

колеблется над преклоненною главою Архиерея, в знамение наития Святого Духа. Еще однажды возбуждает Диакон внимание верных: «станем добре, станем со страхом, вонмем святое возношение в мире приносити», и удаляется в алтарь.

Тогда в последний раз, для возжжения усердия в народе пред освящением даров, выходит к нему Епископ, держа в руках свечники и, подняв их к небу, сперва преподает верным три духовные дара, от каждого лица Святой Троицы: «благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога и Отца, и причастие Святого Духа» и, как бы ради сих трех великих залогов, молит всех, «да горе имеют сердца»; а хор надежно отвечает ему за всех: «имамы ко Господу» когда, быть может, самые нечистые помыслы возвращаются в сию страшную минуту в душе нашей. – «Что творишь, о брат мой? говорил некогда св. Ефрем Сирянин, не обещался ли Иерею горе иметь сердце, и не страшишься ли в час сей обретаться лживым? О великое чудо! Агнец Божий ради тебя закалается, все силы небесные с Иереем за тебя молятся, кровь Христова вливается в тайную чашу за твое очищение, а ты не стыдишься, не оплакиваешь самого себя, в сие мгновение, не молясь ни о себе, ни о других»!

«Благодарим Господа!» восклицает в третий раз Епископ, осеняя верных, и когда при звуке колокола, возбуждающего к вящей молитве, Церковь отвечает ему: «достойно и праведно есть», сам он входит во внутренность святилища, для воздания сего благодарения. Там воспоминает пред престолом, где готовится жертва, все дивные и несказанные благодеяния Господа к роду человеческому, начиная от сотворения мира и до его искупления, и приходя как бы в некое исступление, от недостатка слов человеческих для воздания достойной хвалы, воспоминает песнь Ангельскую, которую слышал Пророк Исаия из уст Серафимов, которых видел Иезекииль, в таинственных образах орла, тельца, льва и человека, и восклицает: «победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще». А хор, участвуя в его восторге, отвечает сперва словами самих Ангелов, как бы на небе: «свят, свят, свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы твоя», потом и на земле приветствует Господа кликами Еврейских отроков, вышедших с пальмами на сретение сыну Давидову: «осанна в вышних! благословен грядый во имя Господне»! В сие мгновение, говорит св. Иоанн Златоуст, многие святые мужи видали внутри святилища Ангелов, им сослужащих, и со страхом предстоящих трапезе.

Вот наступила самая вечеря Христова, Архиерей, в лице Спасителя, указывает на святой хлеб и произносит слова Господни: «приимите, ядите,

сие есть тело мое, еже за вы ломимое, во оставление грехов», и на чашу: «пийте от нея вси, сия есть кровь моя, нового завета, яже за вы и за многия изливаемая, во оставление грехов» и, предлагая Богу Отцу сие вольное Сыновнее приношение (подымаемое крестообразно руками Диакона), возглашает: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся». Потом, воздев горе руки, трижды призывает Духа Святого, ниспосланного Апостолам; потом, произнося тайнодейственные слова, трепетно благословляет, крестным знаменем, сперва хлеб, а после чашу, и наконец оба вида вместе, как составляющее единое таинство. Тогда, имея пред собою уже не хлеб и вино, но истинное тело Христово и истинную кровь Христову, он и все сослужащие благоговейно простираются ниц, пред сверхъестественным таинством, какое дерзнул совершить смертный, по благодати Святого Духа. Во все же время сего великого действия лики поют благоговейно: «Тебе поем, тебе благословим, тебе благодарим Господи, и молимтися Боже наш».

За сим, воздавая честь телу и крови Христовым каждением фимиама, священнодействующий воспоминает, как об участниках в молитве и таинстве, о всех Святых, благоугодивших Господу, и наипаче «изрядно о пресвятей, пречистой, преблагословенней, славней Владычице нашей Богородице и присно-Деве Марии; а Церковь ублажает ее достойными хвалами, величая: «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим». Потом Святитель молится, за власти духовные и мирские, за всех Христиан живых и усопших, и даже за всю вселенную, ибо точно на всю вселенную простирается сила и действие жертвы Христовой; молится в особенности, чтобы все, едиными устами и единым сердцем, славили и воспевали Бога, и наконец испрашивает на них милость свьше.

Выходит из алтаря Диакон и повторяет прежние, духовные, высокие молитвы, но присоединяет к ним вначале: «чтобы Господь, приняв святыя принесенные ему дары в мысленный свой жертвенник, ниспослал нам божественную благодать и дар Святого Духа»; наконец, приготавливаясь к причащению, крестообразно слагает на себе орарь, как бы отовсюду облакаясь крестом, чтобы сим священным знаменем покрыть все немощное в человечестве и неосужденно приобщиться Божественных таин. Другое ближайшее приготовление есть богоугоднейшая из всех молитв, молитва собственно Господня: «Отче наш». Она произносится вслух всей Церкви, а Святитель присовокупляет к ней тайную молитву, для участия в которой присутствующие, по приглашению Диакона, преклоняют главы. Наконец, с возбуждающим внимание словом «вонмем», святилище закрывается завесою, для причащения священнодействующих,

и в сию минуту Архиерей, подняв с диска тело Христово, возносит горе, возглашая торжественно: «Святая святым»! чем дает разуметь, сколь святу должно быть для принятия подобной святыни, а лик смиренно отвечает ему: «един свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь».

В это время опускается в чашу часть пресвятого тела, для соединения обоих видов одного таинства, и вливается в чашу теплота, с сими словами: «теплота веры, полна Духа Святого», для большего напоминовения теплоты крови и воды, истекших на кресте из прободенного ребра Христова. Архиерей испросив себе христианское прощение, приступает сам к приобщению таин Христовых и раздает пречистое тело его, с левой стороны престола, Пресвитерам и Дяконам, потом и Божественную кровь подает в чаше подошедшим, с правой стороны, Пресвитерам, трогательно напоминая последнюю вечерю Христову, сим умилительным зрелищем, которого, по истине, нельзя видеть без слез и сердечного сокрушения. После сего старший Пресвитер приобщает Дяконов.

Врата царские вновь отверзаются. Спаситель сам призывает всех верных на свою трапезу, устами Дякона: «со страхом Божиим и верою приступите», и блажен могущий вкусить достойно сей небесной пищи, ибо «ядый и пияй недостойне суд себе яст и пиет, не рассуждая тела Господня», по словам Апостола Павла. (1Кор. 11:29).

А Церковь радостно воскликнув: «благословен грядый во имя Господне, Бог Господь и явился нам»! поет трогательную песнь: «видехом свет истинный, прияхом Духа небесного, обретохом веру истинную, нераздельней Троице поклоняемся, та бо нас спасла». Еще однажды показываются народу святые Дары, в царских вратах, и тотчас скрываются от Церкви на жертвенник. При сем священнодействующий воспоминает последнее явление Христово Апостолам и его вознесение на небо и, как бы удаляясь за Христом на небеса, он произносит у престола: «благословен Бог наш», так что Церковь сего не слышит, а только конец славословия отдается в слух земли, посреди царских врат: «всегда, ныне и присно и во веки веков», ибо Господь обещал быть с нами во веки.

После краткой ектении и заамвонной молитвы, Архиерей в последний раз благословляет народ и отпускает его, воздав хвалу Богу и приводя на память верным, празднуемых в сей день Святых, прославивших Господа своею благоугодной жизнью. Таково страшное совершение Божественных таин Христовых.

Сентября 13.

Село Осташево.

V. Еще о литургии

Хотя, в письмах о Богослужении, старался я, по мере тесного их объема и моих понятий, изобразить постепенный ход Литургии: однако же истолкование сие представляется тебе неудовлетворительным, как по самой краткости, так и по тому, что ты менее знаком со служением Архиерейским, мною описанным. – Итак хочу, еще однажды, изложить пред тобою порядок и значение Божественной службы, уже не торжественной по внешнему великолепию, числу и сану священнослужителей, но с таким же духовным торжеством совершаемой, одним Иереем и Диаконом; ибо, и в их скромном служении, представляется для нас то же высокое зрелище тайной вечери Христовой и всей его жизни, от колыбели Вифлеемской до вознесения на небо.

Как часто, с сокрушением сердца, доводится нам слышать от людей, совсем не чуждых веры и благочестия, ибо в устах неверующих и не странно было бы такое слово: «зачем нам ходить в церковь? разве нельзя также молиться дома? – Такой образ понятий тем более огорчителен, что проистекая не от ожесточения против Церкви, а только от неведения, он лишает, однако же, неправомыслящих духовного блага соборной молитвы, наравне с чуждыми всякого общения с Церковью.

Если под именем ее, они понимают только четыре стены храма, осененные крестом: то конечно, и в стенах собственной их храмины, можно возносить теплые молитвы к Богу; ибо сам Спаситель сказал: «когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в сонмищах и на улицах останавливаясь молиться, чтобы видели их люди. Ты же, когда молишься, взойди в комнату свою и, затворив за собою двери, помолись Отцу твоему, который в тайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Матф. 6:5–6). Но должно понимать Церковь в истинном ее значении, т. е. собранием верных, соединенных между собою таинствами и верою в Господа Иисуса Христа, который обещал им: что «там, где соберутся двое или трое во имя Его, и Он будет посреди их» (Матф. 18:20), и, приобщив Апостолов, на вечери тайной, своего тела и крови, повелел им «творить сие в Его воспоминание» (Луки 22:15). – Тогда сколь знаменательным сделается, для каждого члена Церкви, сие повторение вечери Христовой, ибо говорит Апостол: «всякой раз, когда вы ядите хлеб сей и пиете чашу сию, вы возвещаете смерть Господню, доколе придет» (1Кор. 11:26). Итак, не одна лишь память первого искупительного пришествия Христова, но и ожидание второго страшного его пришествия,

для рассуждения дел наших, должны исполнять трепетом сердца наши при Божественной Литургии, во время коей опять приносится за нас жертва Христова, хотя в виде бескровной, чтобы сделаться более нам доступною.

И не одни только приступающие к сим страшным тайнам бывают причастниками Божественной благодати, чрез ближайшее общение со Христом, но и на тех, которые благоговейно присутствуют в храме, изливается благодатная сила соборной молитвы, и даже на отсутствующих, если однако они находятся в союзе веры с Церковью, и отсутствуют по какой-либо законной вине, а не по лености или нерадению; ибо такова забота общей всех матери, Церкви, о верных чадах своих, которых осеняет она ежедневно щитом молитвы, и на земном жертвеннике представляет их небесному престолу, пред лице самого Агнца Божия, за нас закалающегося. Ближние и дальние, живые и мертвые, все объемлются ею, и тесный храм становится целым миром, расширяется за пределы видимого, принесением всемирной жертвы! О, какое невыразимое чувство любви соединяет здесь мир, видимый и невидимый, все семейство Христово, в котором Он, первородный между братьями, связует собою все члены в одно целое, как единая Глава духовного тела Церкви.

Действие сие, исполненное с ее стороны высочайшей любви и милосердия, дает и нам средство показать себя достойными ее чадами, изъявлением взаимной любви, которая только свойственна Христианам и не ограничивается временным. Какое утешение для пришельствующего в сей преходящей жизни, что, посредством молитвы, навсегда прочен союз его с людьми близкими его сердцу, еще разделяющими с ним земное странствие, или уже провожденными к небесной отчизне: ибо, заслугами Господа Иисуса Христа и честною его кровью, за нас пролитою, испрашивает он для них спасение здесь и там. Посему сколь много лишают сами себя те, которые, не постигая главного предмета Божественной Литургии, не хотят быть участниками в общей жертве, принесением со своей стороны дара, в память живых и усопших; оттого и священнодействие Литургии кажется для них безразличным от тех обыкновенных молитв, какие каждый Христианин может возносить в своей храмине. А между тем, от сего горького их неведения и нерадения, сколько душ, нуждающихся в их молитве, в сей временной жизни и в вечной, для которых они готовы были бы, по искренней любви своей, оказать всякого рода помощь, остаются неудовлетворенными! И пусть еще, в сей мимотекущей жизни, когда благорасположенному человеку представляется много средств, изъявить ближнему свою приязнь, пусть

усиливаются они, земными путями, исполнить священный долг сей; но там, где прекращаются все залого временные, не нарушается ли и самая душевная связь оставшегося с отшедшим, когда, опустив его в холодную землю, он не пребудет с ним в духовном общении, чрез посредство теплой, живой за него молитвы, сей единственной связи, которая осталась возможною для обоих, в общем их Господе, Судии живых и мертвых, все собою объемлющем!

Весьма знаменательна первая приуготовительная часть Литургии, называемая «Проскомидиею», которая большею частью нам неизвестна, как действие, совершаемое прежде нашего обыкновенного прихода в церковь; ибо мы часто пропускаем и чтение Часов, за нею следующих, хотя они благоразумно положены Св. Отцами для того, чтобы, умиленными молитвами, постепенно приготовить нас к созерцанию великого таинства жертвы Христовой.

Священник, по облачении и предварительным молитвам, берет избранную для Агнца просфору и, знаменуя трижды копием, в воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, водружает в нее копие, и совершает таинственное заклятие Агнца, которое живописует словами пророческими Исаии: «яко овча на заклание ведеса и яко агнец непорочен, прямо стригущаго его безгласен, тако не отверзает уст своих: во смирении его суд его взятся, род же его кто исповесть? – яко вземлется от земли живот его» (Ис. 53). Для большего подобия, он исполняет и последнее действие воина над Распятым, с сими словами Евангелиста Иоанна: «един от воин копием ребра ему прободе, и абие изыде кровь и вода: и видевый свидествова, и истинно есть свидетельство его» (Иоан. 19:34). Диакон же вливает в память сего воду и вино в потир, испрашивая благословенье Священника святому их соединению.

Когда приготовлено все нужное для совершения таинства, Священник вынимает из другой просфоры частицу, в честь и память преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии, взывая к Господу, чтобы «ее молитвами принял жертву сию в пренебесный свой жертвенник», и полагает частицу одесную Агнца на дискосе, вспоминая пророческие слова Давида о сей его дочери: «предста Царица одесную тебе в ризы позлащены одеянна и преукрашена» (Пс. 44:10).

Из третьей просфоры вынимает он девять частиц в честь и память Предтечи, Пророков, Апостолов, Святителей, Мучеников, Преподобных, Безсребренников и всех Святых благоугодивших Богу, дабы вся видимая и невидимая Церковь участвовала в приношении всемирной жертвы Христовой, и как на небе, так и на земле видимо ему предстояла.

Когда таким образом, в залог неразрывной любви, совершится воспоминание всей торжествующей Церкви, взаимно о нас молящейся тому же на небесах Агнцу, Священник обращается и к воинствующей на земле Церкви и, взяв четвертую просфору, вынимает из нее части, которые кладет внизу на дискосе, как бы у ног святого Агнца. Он воспоминает власти духовные и всю во Христе братию, Императора, Августейший Дом его, и потом всех кого пожелает.

Наконец, взяв пятую и последнюю просфору, отделяет части за усопших: святейших Патриархов, благочестивых Царей, Цариц, блаженных создателей храма или обители, и всех, в надежде воскресения и жизни вечной, усопших православных отец и братьев наших. Он вынимает часть и за самого себя: «дабы помянул Господь и его недостойнство, и простил ему всякое согрешение вольное же и невольное». Потом благословив кадило, в воню благоухания духовного, ставит сверх дискоса крестообразную звездицу, чтобы не рассыпались частицы, когда осенить их покровом, и в память той звезды, которая некогда явилась в Вифлееме волхвам; он молит Бога, пославшего небесный хлеб в пищу всему миру, Господа Иисуса Христа, Спаса и избавителя и благодетеля, благословляющего и освящающего нас, чтобы принял дары сии в пренебесный свой жертвенник, и помянул принесших оные и тех, за которых принесены.

Тогда, воздев руки к нему, приуготовляет себя, вместе с сослужителем, к Божественной литургии, призыванием Утешителя Духа истины и Ангельским славословием: «слава в вышних Богу», и божественная Литургия начинается «благословением царства Отца и Сына и Св. Духа», которое, уже при самом начале, открывает верным неисповедимую тайну Пресвятой Троицы, доступную нам только чрез воплощение Христово.

Какие же суть первые прошения, которыми Диакон, с высоты амвона, возбуждает всю Церковь взывать к Богу, на так называемой великой эктении, или продолжительной связи молитв? Прежде всего, он приглашает всех предстоящих молиться в мире, ибо без мира взаимного не может быть истинной молитвы. Сам Господь сказал: «если принесешь дар твой к алтарю, и тут вспомнишь, что брат твой имеет нечто на тебя, оставь там дар твой пред алтарем, и поди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой; миришься скорее с соперником твоим, пока находишься с ним на пути» (Матф. 5:23–25). Напомнив о сем дольном мире между людьми, Диакон внушает молиться и о свышнем мире и спасении душ наших, ибо «что даст человек взамен души своей, если

однажды погубит ее»? (Марк. 8:37) и еще, в третий раз, молится о мире всего мира, и благосостоянии святых Божиих Церквей и соединении всех; такова была и последняя молитва Христова на вечери ко Отцу: «да вси будут едино» (Иоан. 17:21).

Таким образом мир внутренний и внешний, небесный и земной, полагается в основание молений, во время принесения умиротворительной жертвы Христовой, и сие желание мира многократно повторяется в продолжение Литургии, дабы ничто не нарушало взаимного общения членов Христовых, между собою и с их Божественною Главою. На каждое прошение умиленно взывает хор, от лица всего народа: «Господи помилуй». Диакон вслед за сим продолжает молиться: «о святом храме, и о входящих в оный с верою, благоговением и страхом Божиим: о Святейшем Синоде, о Благочестивом Императоре и его Августейшем Доме, палате, воинстве, о всяком граде, стране и верою живущих в них; о благорастворении воздуха, изобилии плодов земных и временах мирных; о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, и о спасении их; о избавлении нас от всякой скорби, гнева и нужды. Потом, воззвав еще однажды к Богу, «да заступит, спасет, помилует и сохранит нас своею благодатью», Диакон заключает эктению, воспоминанием Пресвятой Девы и всех Святых, внушая нам, чтобы мы предали самих себя и друг друга и весь живот наш Христу Богу, а Священник, после тайной молитвы, возглашает славу, честь и поклонение Пресвятой Троице, возвращая всю цепь молений к тому же вечному Началу, от коего истекают для нас временные и вечные блага.

После сей первой эктении, в которой краткими словами изложено все то, о чем можем молить Господа, для сей преходящей и будущей жизни, оба лика попеременно начинают воспевать «антифоны», или хвалебные стихи псалмов, выражающие благодарность нашу к Создателю, и сознание собственного убожества. Таков псалом: «благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое его; благослови душе моя Господа и не забывай всех воздаяний его, очищающего вся беззакония твоя, исцеляющего вся недуги твоя, избавляющего от истления живот твой, венчающего тя милостью и щедротами, исполняющего во благих желания твоя, обновится яко орля юность твоя. Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив не до конца прогневается, ниже в век враждует, не по беззакониям нашим сотворил есть нам, ниже по грехом нашим воздал есть нам; яко Той позна создание наше, помяну яко персть есмь: человек яко трава, дние его яко цвет сельный, тако отцветет: яко дух пройде в нем, и не будет и не познает к тому места своего, милость же

Господня от века и до века на боящихся его; – на всяком месте владычества его благослови душе моя Господа». Таков и другой псалом: «хвали душе моя Господа, восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь. Не надейтесь на князи и на сыны человеческия, в них же несть спасения. Господь решит окованныя, Господь умудряет слепцы, Господь возводит низверженныя. Господь любит праведники, Господь хранит пришельцы; сира и вдову примет и путь грешных погубит».

К сему ветхозаветному псалму присоединяется новозаветное исповедание, о явлении милосердного Бога, умудряющего слепцов, который, «будучи едиnorodным Сыном и Словом Божиим, изволил, нашего ради спасения, воплотиться от Святой Девы Марии и воистину быть человеком, распяться и смертью смертью поправить».

Краткие эктении положены на конце антифонов, для непрестанного возбуждения к молитве; а между тем Священник втайне просит, чтобы Тот, кто обещался исполнить прошения двух или трех, согласившихся призывать имя его, исполнил и ныне на пользу прошения рабов своих, даруя им в нынешнем веке познание своей истины, и в будущем жизнь вечную. Верные же, как бы проникнутые сим духовным познанием, начинают воспевать блаженства: «нищих духом, плачущих, кротких, алчущих и жаждущих правды, милостивых, чистых сердцем, миротворцев, изгнанных правды ради и злословимых за имя Христово, потому что велика их мзда на небеси».

Тогда, открытием царских врат, отверзаются для нас как бы врата сего небесного царствия и, в образе предносимого Евангелия, исходит сам Спаситель на дело Божественной проповеди, тесною северною дверью, как бы неузнанный еще, на средину церкви; оттоле же возвращается, царскими вратами, торжественно во святилище. Диакон, возвысив Евангелие во вратах царских, возглашает: «премудрость прости», ибо Премудрость Божия, чрез благовестие, позналась миру, а слово «прости» т. е. стойте прямо, произносится для того, чтобы никто не дерзнул, во время сего знаменательного шествия, оставаться сидящим или прислоненным, но все бы воспрянули душевно и телесно вслед за Христом, взывая вместе с ликами: «приидите поклонимся и припадем ко Христу, спаси нас Сыне Божий».

Прилично воспеваются здесь и стихи, изображающие торжество дня, или подвиги празднуемого Святого, верую во Христа совершившего славное на земле и взошедшего с ним в его небесную обитель. Священник возглашает из алтаря святость единого, в Троице славимого Бога: «яко свят

еси, Боже наш, и тебе славу возсылаем», предоставляя Диакону, от лица Церкви, окончить славословие, в знак общего согласия священнослужителей и народа. Лики же начинают трисвятую песнь: «Святыи Боже, Святыи крепкий, Святыи безсмертныи помилуй нас».

С сею молитвою священнослужители отходят в самую внутренность алтаря, как бы во глубину боговедения, отколе истекла нам тайна Пресвятой Троицы; Пресвитер, благословив за престолом горнее место, с желанием мира всей пастве, садится для слушания посланий Апостольских, а Диакон исполняет церковь курением фимиама, пред чтением Божественных словес Евангельских, который сам должен возвещать с амвона. Но, прежде нежели начаться сему спасительному чтению, молит Священник: «чтобы человеколюбивый Владыка воссиял, в сердцах наших, нетленный свет своего богоразумия, и отверз наши мысленные очи для разумения Евангельских проповеданий, и вложил в нас страх блаженных своих заповедей, дабы, поправ все плотские похоти, мы проходили духовное жительство, мудрствуя и действуя все к его благоугождению».

После чтения Евангелия, Диакон, возбуждая всех, воззвать от всея души и от всего помышления к Господу Вседержителю, Богу отцов наших, продолжает опять молиться, о властях мирских и духовных, Христолюбивом воинстве, и всей братии, присовокупляя еще молитву: «о святейших Патриархах, благочестивых Царях, благоверных Царицах, создателях храма или обители, и всех прежде почивших отцах и братиях; о плодоносящих и добродетельных во святом храме, труждающихся, поющих, предстоящих людях, ожидающих от Господа великие и богатые милости». Здесь же прилагаются иногда особенные молитвы о усопших, если за некоторых исключительно приносится жертва.

Доселе могли присутствовать в храме и те, которые только оглашены учением веры, но еще не посвящены в самые ее таинства. Прежде их удаления, милосердая Церковь приносит о них последнюю молитву, устами верных: чтобы Господь помиловал и огласил их словом истины, открыл им Евангелие правды, соединил их святой своей Апостольской Церкви, спас, помиловал, заступил и сохранил своею благодатью, и когда, по гласу Диякона, оглашенные преклоняют главы свои Господу, Пресвитер молит: «ниспославшего на спасение роду человеческому едиnorodного Сына своего, призреть на рабов своих оглашенных, и сподобить их, во время благоприятное, бани обновленной жизни, оставления грехов и одежды нетления, сопричесть их к избранному своему стаду, дабы и они с нами славили пречестное и великолепное имя Отца и Сына и Святого

Духа».

Тогда исходят из храма оглашенные, верные же призываются опять к молитве; но и верные, под прикрытием сего спасительного имени, остающиеся в храме, могут ли без трепета в нем оставаться? – Пусть каждый заглянет внутрь своего сердца и размыслит: какого наказания достоин, если, по изгнании из храма людей, не посвященных еще в таинства Христианские, он, с полным ведением, равнодушно или неблагоговейно пребудет, во время их совершения, или же еще станет искушать, холодным неверием, приносимого пред его очами, в виде бескровной жертвы, Христа Бога? – Недостаточно быть только званными на сию божественную трапезу, как о том свидетельствует страшная притча Христова, о брачном пиршестве, которое сделал Царь для сына своего, и послал рабов своих приглашать званных на брак, они же не захотели придти (Матф. 22). «Тогда сказал Царь рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны, итак подите на перекрестки дорог, и всех, кто пройдет, зовите на брак. Рабы, исшед на распутья, собрали всех, кого ни нашли, злых и добрых, и пир наполнился возлежащими: Царь же, взойдя посмотреть возлежащих, увидел там человека не в брачную одежду одетого, и сказал ему: друг мой, как ты вошел сюда не в брачной одежде? – он же молчал. Тогда сказал Царь рабам своим: связав ему руки и ноги, возьмите и ввергните его во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых и мало избранных». Не такая же ли горькая участь ожидает и нас, если, с оскверненной одеждою души нашей, явимся на сей искупительный брак? И не завиднее ли участь оглашенных, изводимых только до времени, нежели так называемых верных, извергаемых навеки? – Посему и возбуждает их Диакон, опять и опять, двумя приготовительными молитвами, с возгласом: «премудрость», дабы они постигли, до какого человеколюбивого средства снизошла для них Премудрость Божия. Священник же втайне молит: «сделаться достойным, неосужденно приносить мольбы и жертвы о своих грехах и людских неведениях».

Еще умильнее тайная молитва его, во время Херувимской песни: «никто из связавшихся, плотскими похотьми и сладьми, недостоин приближаться или служить тебе, Царю славы, ибо и самим небесным Силам велико и страшно служить тебе. Так начиная, он просит укрепить его, силою Святого Духа, к священнодействию и не отринуть принесенных даров, и воссылает славу Христу Богу, который вместе есть и приносящий и приносимый, и приемлющий и раздаваемый».

Столь же глубоким чувством проникнута и Херувимская песнь,

приготавливающая Церковь к зрелищу искупительного шествия таинственного Агнца на его заклание, от места предложения жертвы к престолу, на коем она должна совершиться: «образуя таинственно Херувимов, и воспевая животворящей Троице трисвятую песнь, всякое ныне житейское отложим попечение, дабы нам поднять Царя всех, не видимо дориносимого Ангельскими чинами: аллилуйя».

Во время пения отверзаются опять царские врата, затворенные после чтения Евангелия, и Диакон, курением фимиама, приготовив путь грядущей жертве, как бы небесные облака, для ее перенесения, отходит вместе с Пресвитером к жертвеннику. Священник же возлагает на плечо его воздух, осенявший дары, а на главу дискос, с приготовленным Агнцем, во исполнение Херувимской песни: «яко да Царя всех подыдем, Ангельскими невидимо дориносима чинми», ибо Диакон представляет лице Ангела; сам он приемлет в руки чашу, исполненную вина и воды, и таким образом оба знаменательно исходят из северных дверей, громко поминая Благочестивейшего Императора, власти мирские и духовные, и всех православных Христиан. Верные же мысленно представляя себе, в сем таинственном шествии, Грядущего на вольную страсть, преклоняются благоговейно пред несомыми дарами, прося втайне, чтобы Господь помянул их в царствии небесном, как некогда разбойника на кресте; ибо скоро уже исполнится жертва и престол, на который поставляется Агнец, будет служить ему Голгофою. Посему Священник, сняв с главы Диакона дискос, уже созерцает сие таинственное погребение, говоря: «благообразный Иосиф, с древа сняв пречистое тело твое, плащаницею чистою обвил и благоуханьями, во гробе новом, покрыв положил». Но в то же время исповедует он и вездесущее Божество погребенного: «во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог, в раи же с разбойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняя неописанне», и предвидит всю славу, какую облечется гроб сей: «яко живоносец, яко рая краснейший воистину, и всякого чертога царского явися светлейший, Христе, гроб твой, источник нашего воскресения». Тогда затворяются врата царские и задергивается пред ними завеса, в знаменье глубокой тайны нашего искупления, непостижимой брэнному уму человеческому, без небесного откровения.

Когда же Пресвитер поставит на престол дискос и чашу, осенит их воздухом, и покадит фимиамом, с псаломными стихами царственного Пророка, то, чувствуя свое недостойнство, для принесения подобной жертвы, смиренно обращается он к Диакону: «помяни мя брате и сослужителю». Диакон же, с равным смирением, просит его молитвы и,

вняв укрепляющие слова: «Дух святой найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя», исходит к народу, чтобы исполнить молитву нашу Господеви.

Он воспоминает о предложенных честных дарах, и опять о святом храме и с верою в него входящих, о избавлении нас от всякия скорби, гнева и нужды, и сохранении благодатью Божьею: но к сим молитвам присоединяет другие, более возвышенные, относящиеся уже единственно до благ вечных и о которых умиленно взывают верные: «подай Господи».

Прежде всего, испрашивают они совершения всего дня свято, мирно и безгрешно, и Ангела мирного, верного наставника, хранителя душ и телес; потом прощения и оставления грехов и прегрешений, доброго и полезного душам нашим, и мира всему миру, чтобы окончить прочее время жизни в мире и покаянии. Памятуя последний день свой, просят и о Христианской кончине нашей жизни безболезненной, непостыдной, мирной, и о добром ответе на страшном судилище Христовом, и предают самих себя и друг друга и всю жизнь Христу Богу. Услышав из уст Священника желание мира всей Церкви, Диакон возбуждает всех возлюбить друг друга для единомысленного исповедания, лики же доканчивают: «Отца и Сына и Святого Духа, Троицы единосущной и нераздельной»; а Священник, во свидетельство сей любви ко Христу Богу и к братьям своим во Христе, целует Св. дары и престол и сослужителей, если не один совершает тайны, говоря им: «Христос посреди нас».

Так, прежде торжественного исповедания веры нашей, пред всею Церковью, исполняется последнее завещание Христово на прощальной вечери: «заповедь новую я даю вам: любите друг друга, как я возлюбил вас, так и вы любите друг друга; потому и узнают, что вы мои ученики, ежели будете иметь любовь между собою» (Иоан. 13:34–35). Но дабы ученики, верные ему по любви взаимной, знали кому они веруют и что о нем должны исповедовать миру: ибо «если кто исповедает меня пред человеками, сказал Спаситель, и я исповедую его пред Отцем моим небесным» (Матф. 10:32), тогда же отдергивается завеса врат царских, в знак открытия миру тайны воплощения; снимается и воздух с предложенных даров, который над ними колеблет Священник, знаменуя наитие освящающего Духа. В это время Диакон, по древнему обычаю, строго наблюдавшемуся, чтобы язычники или оглашенные не проникали в недоступные для них тайны, восклицает: «двери, двери» как бы еще обращаясь к притворникам внешних дверей храма; потом же присовокупляет и к предстоящим: «премудростью вонмем», т. е. будем внимательнее, ибо нам, посвященным, откроется премудрость Божия. Тогда лики громогласно поют Символ или исповеданье веры Вселенской

Церкви, которое каждый Христианин должен знать и понимать твердо, чтобы не постыдиться пред лицом Ангелов и человек; ибо не горькая ли неблагодарность быть равнодушным к делу нашего искупления, изложенному в кратких словах Символа?

Чтобы еще более утвердиться в сем исповедании, как на твердом камне, и сделаться достойными зрелища бескровной жертвы Христовой, Диакон возглашает после Символа: «станем добре, станем со страхом, вондем, святое возношение в мире приносить» и, с таким же духовным убеждением, обращается Священник, из внутренности алтаря, к народу. Пожелав ему сперва: «благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и причастие Святого Духа», он восклицает вслух всей Церкви: «горе имеем сердца»! и внемлет страшное слово, от лица всех: «имамы ко Господу». Если бы в сию, столь торжественную минуту, открылись, как откроются в последний день, все помышления человек, – не содрогнулись ли бы трепетом уста, равнодушно повторяющие: «имамы ко Господу», и уши, равнодушно внемлющие сему за всех данному ответу, когда в виду самой жертвы, приносимой о грехах наших, Христиане дерзают произносить ложное уверение, что сердца их принадлежат Богу, сердца, быть может, исполненные в ту минуту самых темных помышлений и самых порочных чувствований!

Не тщетно зывал Давид: «от тайных моих очисти мя, Господи»: ибо часто тайные помыслы борются в нас, с впечатлениями внешней святости, и одолевают, если малодушно попустим себя покоряться их власти. Потому, Церковь, прежде нежели вознести благодарные молитвы Господу, о нашем спасении, заботливо ударяет в заключенные двери нашего сердца, и сотрясает с нас пагубный сон, зывая: «горе имеем сердца»! и исполнив материнский долг сей, опять возбуждает нас устами Священника: «благодарим Господа»: на сие верные, из глубины признательного сердца, отвечают: «достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней».

Пресвитер между тем возносит, втайне у престола, сии благодарения от лица всего мира, иногда только прерывая возгласами сокровенную молитву к Богу, неизреченному, невидимому, непостижимому, всегда неизменно существу, все вызвавшему из небытия в бытие и не отступившему от дела творения, доколе нас падших паки не возвел на небо, даровав нам будущее царствие. За все сии благодеяния, явленные и неявленные, благодарит он Господа, и за самую службу, которую соизволяет принять от рук наших, хотя и предстоят ему тысящи Архангелов и тьмы Ангелов, Херувимы и Серафимы, многоочитые и

шестокрылатые, «победную песнь поющие, вопиющие, взывающие и глаголющие».

Тогда подымается, из середины церкви, торжественная песнь Серафимов, которую некогда слышал Пророк Исаия, в притворе Соломонова храма, исполненного славы Божией: «свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы твоея». Но Ангельская песнь сия, касаясь земли, кончается отголоском отроков Еврейских, которые, встретив некогда, с пальмами в руках, Господа славы в смиренном образе человека, воскликнули ему у врат Иерусалимских: «осанна в вышних! благословен грядый во имя Господне: осанна в вышних».

Священник продолжает втайне прославлять, с сими блаженными Силами, Трисвятого, человеколюбивого Владыку, так возлюбившего мир, что и Сына своего едиnorodного отдал за грехи мира, дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную: Сына, который, пришед на землю и исполнив все свое о нас смотрение, в ночь когда был предан, или лучше, когда сам себя предал за жизнь мира, взяв хлеб в святые свои пречистые и непорочные руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, дал святым своим ученикам и Апостолам, глаголя: «приимите, ядите: сие есть тело мое, еже за вы ломимое во оставление грехов»; также и чашу по вечери, глаголя: «пийте от нея вси: сия есть кровь моя новаго завета, яже за вы и за многия изливаемая, во оставление грехов».

Громко произносит Священник собственные слова Христовы, о теле и крови, и громко отвечает ему народ «аминь, аминь», т. е. истинно, истинно, в залог несомненной веры, что такими будут преложенные Св. дары, хлеба и вина, по наитии на них Духа Святого.

Но прежде сего преложения, вспоминая спасительную заповедь Христову, о теле и крови, и все ради нас бывшее и будущее: его крест, гроб, тридневное воскресение, восхождение на небеса, сидение одесную Отца, второе и славное паки пришествие, – Пресвитер приносит Богу, от лица всей Церкви, святые дары сии, крестообразно подымаемые с престола руками Диакона, и возглашает: «Твоя от твоих, тебе приносяще, о всех и за вся»; а лики взывают: «тебе поем, тебе благословим, тебе благодарим, Господи, и молимтися Боже наш».

Теперь наступила самая страшная, самая возвышенная минута Литургии, – совершение тайны, в которую и Ангелы желают проникнуть, освящение даров, чрез призывание на них Духа Святого, ниспосланного в третий час Апостолам, и существенное преложение хлеба и вина в тело и кровь Христовы, дабы все верные, всех стран и времен, могли столь же искренно им приобщаться, как и сами Апостолы на вечери тайной, от руки

Господа, в трезвение души, во оставление грехов, в приобщение Святого Духа, во исполнение царствия небесного, в дерзновение к Богу, не в суд и не в осуждение.

По совершении столь неизреченного таинства, Священнослужители и вся Церковь, с благоговейным трепетом, простираются долу пред Господом и Спасом, во плоти присутствующим на престоле, под видами хлеба и вина, и тогда опять, как на проскомидии, но уже пред лицом самого закланного Агнца, воспоминается вся его Церковь, торжествующая и воинствующая, и все в вере почившие, Праотцы, Отцы, Патриархи, Пророки, Апостолы, Проповедники, Евангелисты, Мученики, Исповедники, Воздержники и всякая душа праведная; наипаче же (изрядно) воспоминается о пресвятой, пречистой, преблагословенной, славной Владычице нашей Богородице и приснодеве Марии, и лики воздают ей должную хвалу: «Достойно есть, яко воистинну, блажити тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего, честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова родшую, сущую Богородицу тя величаем».

Пресвитер продолжает воспоминать втайне Предтечу Крестителя Иоанна, и славных Апостолов и всех Святых, коих молитвами просит Бога посетить нас и помянуть всех усопших, в надежде воскресения живота вечного. Потом же поминает и всех живых, всякое Епископство православных, и весь священнический чин, всю Кафолическую Церковь, Благочестивого Государя и Августейший Дом его, палату и воинство, дабы мы, в тишине их, пожили тихое и мирное житие во всяком благочестии и чистоте, и возглашает как служитель алтаря, о своих духовных властях: «в первых помяни, Господи, Святейший правительствующий Синод, их же даруй святым твоим Церквам, в мире, целых, честных, здравых, долгоденствующих, право правящих слово твоея истины»; Лики отвечают: «и всех и вся»; ибо в сие время Диакон читает втайне, у престола, имена живых, о коих приносится жертва; Священник же, не преставая от ревностной молитвы за всю вселенную, просит Господа ниспослать на всех свои милости, и помянуть град, в коем живем, и всякий град и страну, и верую в них живущих, плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, плодоносящих и добродетельных во святых церквах и поминающих убогия. «И даждь нам, возглашает он наконец, единими усты и едином сердцем, славити и воспевати пречестное и великолепное имя твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков»; ибо сия есть Христианская цель всякой молитвы, достойной Господа, «желающего всем спастися и в разум истины прийти» (1Тим.

2:4); и поелику нет спасения, без веры в распятого за нас Искупителя, Священник оканчивает молитву Апостольским желанием: «да будут милости великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами».

Опять исходит к народу Диакон, опять повторяет молитвы, произнесенные после великого входа, прежде всего приглашая верных, помянувши всех Святых, помолиться о принесенных и освященных дарах, «дабы человеколюбец Бог, приняв их во святой и пренебесный, мысленный свой жертвенник, в воню благоухания духовного, ниспослал нам божественную благодать и дар Святого Духа»; и оканчивает эктению, испрашивая «соединение веры и причастия Святого Духа, чтобы предать самих себя и друг друга и всю нашу жизнь Христу Богу». Тогда Пресвитер приготавливает себя и народ, к сему ближайшему общению, чрез самую божественную из всех молитв, данную от Господа ученикам своим, когда просили научить их молиться, и выражающую, в кратких словах, все о чем, с сыновнею, любовью, должен смиренно молить человек небесного Отца своего. Посему, с чрезвычайным благоговением, приступает к сей богодухновенной молитве, возглашая: «и сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смести призывать тебе, небеснаго Бога Отца, и глаголати»; верные же, исполненные не рабского страха, но дерзновения сыновнего к Богу, назвавшему себя их Отцом, взывают: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое», и проч.

Еще однажды обращается Священник к народу, с желанием мира, пред самым приобщением умиротворяющей жертвы, и тогда как народ, по приглашению Диакона, преклоняет главы свои Господу, благодарит он невидимого Царя, за множество его милостей, умоляя даровать каждому то, что ему нужно ко благу, делаясь спутником плавающих и путешествующих, исцеляя недугующих как врач душ и телес, благодатью, щедротами и человеколюбием едиnorodного Сына своего.

Видя Пресвитера, готовым приступить к исполнению тайны и уже простирающего руки к божественному телу, Диакон (предварительно сложивший на себе крестообразно орарь свой, как слагают крила Ангелы, закрывающие ими небесные лица пред неприступным светом Божества), восклицает народу: «вонмем» и входит в святилище; а Пресвитер, подняв горе Голгофскую жертву, как бы на высоту креста, произносит во услышание верным: «святая святым», чтобы все размыслили, сколь должны они быть святы, для принятия подлежащей святыни. На сей призыв, с умилением сокрушенного сердца и сознанием своей греховности, они отвечают: «един свят, един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь».

Приносящий жертву, со страхом и благоговением, разделяет ее на четыре части, говоря: «раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогда не истощаемый, но освящающий причащающихся ему» и, опуская одну часть в потир, для соединения обоих видов таинства, т. е. тела с кровью, он сохраняет две части для приобщения мирян, одну же разделяет для собственного приобщения с сослужителем. Потом, с благоговением, вливает в чашу несколько теплой воды, для большего подобия теплоты крови, истекшей на кресте, вместе с водою, из ребер Искупителя. Диакон же произносит при возлиянии: «теплота веры исполнь Духа Святого», и приступает к престолу, прося Пресвитера преподать ему честное тело Господа Иисуса Христа; оба, склонившись на престол, держа в руке божественное тело, произносят над ним сердечное исповедание веры своей в Распятого: «верую Господи и исповедую, яко ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз» и испрашивают оставления всех своих прегрешений, чтобы быть причастниками его вечери тайной, не с лобзанием Иуды, но с верою разбойника, исповедавшего на кресте: «помяни мя, Господи, во царствии твоём». Вкусив тела, Пресвитер приступает к чаше и приобщает сперва себя, а потом Диакона, «честной и святой крови Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов своих и в жизнь вечную».

Если есть причастники, то и для них раздробляет Священник остальные две части святого агнца, погружая их в потир; если же нет, то без раздробления и вслед за тем опускает туда и все прочие частицы, прежде вынутые и на дискосе лежащие, при чтении трогательных воскресных песней: «воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу, единому безгрешному; кресту твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресение твое поем и славим; ты бо еси Бог наш, разве тебе иного не знаем; се бо прииде крестом радость всему миру. – Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия!» – «О Пасха велия и священнейшая, Христе, о мудросте и Слове Божий и сило! подавай нам искреннее тебе приобщатися, в невечернем дни царствия твоего»: ибо так знаменательна и спасительна сия Пасха, и так необходима для нашей духовной жизни, временной и вечной, что и там, на небесах, по обещанью Спасителя, будет она служить нам таинственной пищею, и посему, с какою духовною жаждою, должны мы желать ее на земле!

Погружая в потир части, вынутые за живых и усопших, Пресвитер или Диакон воспоминает тех, за которых они принесены были, говоря: «отмый

Господи, грехи поминавшихся здесь, кровью твоею честною, молитвами Святых твоих». Здесь видимо является божественная важность жертвы, и духовный союз мира видимого с невидимым; ибо грехи поминаемых омываются тою же искупительною кровью, которую пролил за нас Спаситель на кресте; Святые же, память коих соединена была с памятью живых и усопших, на проскомидии, предстательствуют о упомянутых, своими молитвами, в залог небесной любви своей и в подражание той любви, по которой всеблагий Бог предал единородного своего Сына, за грехи мира, дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную.

Тогда отверзаются, в последний раз, врата царские как бы врата небесные, еще для большего торжества; ибо ими исходит Царь славы и Господь сил, чтобы дать себя в снедь верным и, столь человеколюбным общением с ними, возвести их в дом Отца своего, где приготовил им много обителей. С чашею Божественных тела и крови, становится, в дверях царских, Диакон и громко взывает ко всей Церкви: «со страхом Божиим и верою приступите». В древние времена вся Церковь обыкновенно приступала к святому причастию: не приступавших же спрашивали: что могло быть виною такого их охлаждения к хлебу небесному, ниспосланному им для жизни вечной, когда ежедневно молят они о хлебе насущном, для поддержания временной? – Верные, встречая Господа своего, посреди церкви нового Иерусалима, взывают к небу, как некогда отроки Еврейские во вратах древнего: «благословен грядый во имя Господне!», но еще с большим сознанием, ибо уже не называют его сыном Давида, а Богом: «Бог Господь, и явился нам» и приготовившие себя постом и молитвою к его принятию, приступают благоговейно, с твердым исповеданием его Божества и с теплою верою благоразумного разбойника, первого наследника рая. Лики поют им в назидание: «тело Христово примите и источника бессмертного вкусите, алилуйя», и услышав благословение Пресвитера: «спаси, Боже, люди твоя и благослови достоинство твое», громко исповедуют обретенное ими спасение: «видехом свет истинный, прияхом Духа небесного, обретохом веру истинную, нераздельной Троице поклоняемся, та бо нас спасла есть».

Когда уже, чрез принесенную жертву и приобщение ею верных, исполнилась, пред всею Церковью, тайна смотра Господа о роде человеческом, Пресвитер, возвращаясь к престолу, исповедует и небесное его отшествие к Отцу, говоря: «вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава твоя», и, как бы знаменуя сие вознесение, поставляет упраздненный дискос на главу Диакона, который, безмолвно показав оный народу в

дверях царских, относит на жертвенник. Сам же Пресвитер, подняв потир еще исполненный Св. даров, произносит у престола: «благословен Бог наш» и обратившись к Церкви: «всегда, ныне и присно и во веки веков», в знамение того, что Господь обещал быть с нами, во все дни до скончания века. Потир переносится на жертвенник, где сам Священник, или Диакон, по совершении Литургии, благоговейно употребляет Св. дары, дабы ничего не оставалось от принесенной жертвы.

При последнем появлении Св. даров, во вратах царских, лики приветствуют их псаломными хвалами Царя Пророка: «да исполнятся уста наша хваления твоего, Господи, яко да поем славу твою; соблюди нас во твоей святости, весь день поучатися правде твоей, аллилуйя».

Еще раз исходит к народу Диакон, чтобы побудить его достойно возблагодарить Господа, за приятие божественных, святых, пречистых, бессмертных, небесных и животворящих, страшных Христовых таин и, испросив о совершении всего дня, свято, мирно, безгрешно, предать самих себя и друг друга и всю нашу жизнь Христу Богу.

В сие время Священник, воссылая славу Троициному Богу, осеняет крестообразно, Евангелием, антимином или плат, дотоле бывший распростертым на престоле, для совершения на нем бескровной жертвы. Потом исходит сам на средину церкви для прочтения отпустительной заамвонной молитвы, возглашая прежде: «с миром изыдем», и просит Господа, «благословляющего благословляющих его, спасти людей своих, сохранить исполнение своей Церкви, освятить любящих его благолепие, и не оставить нас, на него уповающих, даруя мир всему миру, ибо всякое даяние благое и всякий дар совершенный исходит свыше от него, Отца светов».

Следуя внушению Пресвитера, лики громогласно восклицают: «буди имя Господне благословенно отныне и до века», а чтец благоговейно читает псалом Давида, благословляющий Господа на всякое время. Псалом сей служит назидательною проповедью верным, о теплом уповании на Бога: «Я взыскал Господа и услышал меня, восклицает Давид, и от всех скорбей моих избавил меня; приступите к нему и просветитесь, и лица ваши не постыдятся. Сей нищий воззвал, и Господь услышал его; ополчится Ангел Господень окрест боящихся его и избавит их. Вкусите и видите, яко благ Господь; блажен муж, уповающий на него. Богатые обнищали и взалкали; ищущие же Господа не лишатся всякого блага. Приидите чада, продолжает отечески царственный Пророк, страху Господню научу вас. Кто есть человек хотящий жить, любящий видеть благие дни? – Удержи язык твой от зла и уста твои, чтобы не глаголяли

лести, уклонися от зла и сотвори благое; възши мира и последуй за ним, ибо очи Господни обращены на праведных, и уши его к молитве их. Гнев же лица Господня на творящих злое, дабы потребит от земли память их. Близок Господь к сокрушенным сердцем, и смиренных духом спасет. Многи скорби праведным, и от всех избавит их, хранит все кости их и ни едина не сокрушится. Смерть же грешников люта, и ненавидящие праведного согрешат; но Господь избавит души рабов своих, и не прегрешат все уповающие на него».

По окончании назидательного псалма, Пресвитер, воззвав ко Христу Богу, исполнению всего Закона и Пророков, исполнившему над нами все смотрение Отца своего, изрекает, его благодатью и человеколюбием, благословение Господне на всю Церковь и, после краткого славословия, отпускает народ, с упованием и надеждою «что Христос, истинный Бог наш, молитвами пречистой своей Матери и всех Святых, помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец».

Таково умиленное и вместе страшное совершение бескровной жертвы Христовой, объемлющее собою всю его на земле искупительную жизнь, и столь важно для нас, призванных к участию в его спасении, быть участниками и таинственного зрелища спасительной страсти его, за грехи наши и всего мира.

Письмо VI

Окончив, таким образом, хотя и весьма несовершенно, толкование литургии, коснусь вкратце и других церковных служб. По примеру небесных Сил, непрестанными гимнами славящих Творца, и по заповеди Апостольской: провождать время в псалмах и пении и песнях духовных, святые Отцы, первых веков Христианства, постановили семь различных времен дня и ночи, для молитвы тех, кои посвятили себя исключительно на служение Богу, и поныне молитвы сии наблюдаются, частью отдельно, частью слитые вместе, особенно в церквах приходских, в которые народ не может собираться слишком многократно.

В самую полночь подымались, для первой молитвы, Христиане, как бы по зову страшной трубы последнего суда, на встречу Жениха грядущего в полночи, который велел бодрствовать, по неведению тайного часа его пришествия. По кратком отдыхе вновь соединялись они, для утреннего всенародного исповедания грехов своих, словами псалмов, испытывающих и открывающих тайны человеческого сердца, и для благодарения Господу, хвалебными песнями; на великом славословии, с наступлением дня, в самый первый час его, они молитвенно предавали себя Богу, и в третьем часу, памятуя сошествие Св. Духа на Апостолов, призывали благодать его. Распятие Спасителя, в шестом часу дня бывшее, и его крестная смерть в девятом, своими торжественными воспоминаниями, отзывались также в благочестивом дне Христиан, и после Божественной литургии, соединявшей их, общением тела и крови, со своим Искупителем, благодарственные вечерние молитвы заключали свято протекший день.

Но в первые три столетия жестоких гонений Церкви, когда Христиане укрывались для молитвы в подземельях, или стекались ночью, для памяти мучеников, на места, орошенные их святою кровью, все сии одновременные служения непосредственно сливались в одно продолжительное бдение; оно приняло от самого времени название всеобщего, по Гречески паннихфида, и поелику некоторые молитвы оно посвящены были памяти усопших, то название панихиды усвоено у нас исключительно поминовению преставльшихся. И доныне, в церквах бедствующего Востока под игом Магометан, большею частью ночь посвящена Божественной службе; в нашей же торжествующей Церкви, вечерние и утренние молитвословия, соединяемые вместе, накануне больших праздников и воскресных дней, служат духовным приготовлением к торжеству дня и приобщению Христовых таин.

Я постараюсь объяснить тебе постепенный ход всенощной (состоящей из трех главных частей: вечерни, утрени и первого часа), ибо ты чаще бываешь на этом служении, пред великими праздниками, нежели на будничных службах: тогда же простая вечерня, соединенная с повечерием, поется отдельно от утрени, предшествуемой полунощницей, без торжественных обрядов и без чтения пророчеств и Евангелия, знаменующих предпразднственные бдения.

При самом начале всенощной отверзаются царские врата, как бы небесного царствия, и Священник возглашает славу Святой Троице, открывая верующим сию неисповедимую глубину естества Божия; вслед за тем он призывает их поклониться Тому, чрез кого единственно тайна сия сделалась доступна человекам: «Христу Цареву и Богу нашему». Тогда Священник, с кадилом в руках, предшествуемый Диаконом, несущим светильник, идет кругом всей церкви и в притвор, чтобы никакая часть храма не лишена была света благодати Христовой и исполнения Святого Духа, образуемого фимиамом. Огонь и фимиам, в сию торжественную минуту, напоминают также Творческий глас: «да будет свет» и Духа Божия, носившегося над бездною во дни творения, ибо, во все время сего хода, лики поют великолепный псалом Давида: «благослови душе моя Господа, Господи Боже мой, возвеличился еси зело, вся премудростью сотворил еси», изображающий, в самых вдохновенных стихах, дивную картину мироздания: Господь одевается светом как ризою, простирает небо как шатер, и полагает облака на восхождение свое, ходит на крыльях ветра, творит Ангелов своих пламенем огненным; основывает землю на тверди ее и дает ей одеянием бездну, воды боятся гласа его грома и дан им предел, его же не прейдут: источники в дебрях напояют зверей сельных, при них обитают небесные птицы; земля же насытится от плода дел своих, и хлеб сердце человека укрепит; солнце познало запад свой и наступила ночь, во тьме коей скитаются дубравные звери взыскать себе от Бога пищу; но воссияет солнце и они в ложах своих лягут, тогда выходит человек на делание свое до вечера. – Далее восторженный Давид уже прямо обращает речь свою к Господу: «исполнилась вся земля твари твоей; все от тебя чают исполниться благами: отворишь лице и возьмутся, отымешь дух и исчезнут; но пошлешь Духа твоего и созиждутся и обновишь лице земли; призираешь на землю и трясется, прикасаешься горам и дымятся: буди слава Господня во веки; пою Богу моему доколе есмь, да усладится ему беседа моя... яко возвеличишася дела твоя, Господи, вся премудростью сотворил еси».

Но недолго наслаждался человек сим чистым созерцанием дел

Божиих; он пал своею гордостью и рай сладости ему заключился; – это скорое изгнание изображается закрытием царских врат, вслед за окончанием псалма. После первой эктении, оба хора поют избранные стихи трех первых псалмов, как бы увещательные речи, низлетающие из утраченного рая: «блажен муж иже не иде на совет нечестивых, – и путь нечестивых погибнет. Работайте Господеви со страхом и радуйтесь ему с трепетом; блажени вси надеющиеся нань. Воскресни Господи, спаси мя Боже мой; яко Господне есть спасение и на людях его благословение его». Каждый выразительный стих сей отделен Ангельским припевом: аллилуйя. Потом и хор, подражая изгнанному Адаму, как бы от лица всего человечества, подвинутого душевною болезнью о своем падении, восклицает:

«Господи, воззвах к тебе, услыши мя, услыши мя Господи, внегда воззвати ми к тебе. Да въздет молитва моя, как фимиам пред тобою: воздеяние рук моих вместо вечерней жертвы». В сию минуту является Диакон с кадилом, знаменуя оным те жертвы, какие приносились Богу от начала мира и предобразовали грядущую, искупительную жертву Богочеловека, а лицом своим представляя служителей Божиих, которые посылались в мир, для возвещения о Мессии. Между тем хор продолжает звать: «изведи из темницы душу мою, исповедатися имени твоему», и начинает уже прибавлять, к стихам псалмов, другие стихи новозаветные, изображающие празднество дня, как бы в радостном ожидании искупления: «аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит? яко у тебе очищение есть; от стражи утренния до нощи, от стражи утренния да уповает Израиль на Господа». Провидя наконец скорое спасение, он восклицает: «яко у Господа милость и многое у него избавление, и Той избавит Израиля от всех беззаконий его; хвалите Господа вси языцы». Тогда, при новом отверстии царских врат, воспеваает славу Троидиному Богу, вместе с песнью о воплощении, и в то же время является из алтаря Священник, в образе обещанного Спасителя, предшествуемый Диаконом с кадилом, как Предтечею, и при возгласе: «премудрость» входит вновь во святая святых; а лики поют трогательный гимн Софония, Патриарха Иерусалимского:

«О тихий свет святяя славы, бессмертного небесного Отца, святого и блаженного, Иисусе Христе! Мы, пришедшие на запад солнца, увидя свет вечерний, поем Отца, Сына и Св. Духа Бога. Ты один достоин, во все времена, быть воспеваем гласами преподобных: Сыне Божий, дающий жизнь, за сие мир тебя славит».

Выразительный гимн сей ясно изображает, как, на закате

первобытного света, данного миру, и уже на вечере человечества, воссиял для него новый, тихий свет, в кротком лице Спасителя, ради немощи смертных умерившего в себе бессмертную славу небесного Отца. После сего гимна читаются, накануне праздников, пророчества и притчи или паремии, подобиями, извлеченными из ветхого завета, предзнаменующие события нового и, вслед за сугубою эктенией, доканчиваются стихирь, прерванные торжественным входом священнослужителей.

Тогда Священник и Диакон, предшествуемые двумя свещниками, и сам Архиерей, если он присутствует, окруженный всем духовенством, выходит на литию в притвор, по древнему милосердному обычаю, чтобы и кающиеся, коим запрещен был вход в церковь, могли, хотя на краткое время, участвовать в общей молитве; посему Диакон молится о всякой душе Христианской, озлобленной и кающейся и милости Божией требующей, призывая ходатайство всех небесных Сил и святых угодников, а Иерей просит, чтобы Господь, даруя нам оставление грехов, умирил нашу жизнь.

Потом, поелику Христиане, после долгих вечерних молитв готовились начинать утренние, Настоятель входил обратно в трапезу и посреди оной благословлял хлебы, пшеницу, вино и елей, для подкрепления утомленных, и сей древний обряд сохранился доньне, в благословении хлебов, на конце вечерни, что также воспоминает ту духовную пищу, какую ниспослал нам Господь, в словах Писания.

Вечерня приближается к концу, но чем умильнее можно было довершить ее, если не молитвою св. Симеона Богоприимца, который, по стольким годам ожидания, удостоясь наконец видеть Мессию, радостно воскликнул: «ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему с миром, ибо очи мои видели спасение твое, которое ты уготовил пред лицом всех людей, свет во откровение язычникам и славу народа твоего Израиля».

Воспоминается и Ангельский привет Пресвятой Деве, по вечернему времени сего события: «Богородице Дево, радуйся благодатная Марие, Господь с тобою: благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего, яко Спаса родила еси душ наших» и, с громким благословением имени Господня и преподанием Божия благословения, от Настоятеля народу, оканчивается вечерня.

28 Октября 1835 г.

Петербург

Письмо VII

После торжественного окончания вечерни тихо начинается утренняя. По древнему обряду должны погасаться все лампы, кроме малого света в алтаре и пред иконами Спасителя и Божьей Матери, и, среди всеобщего безмолвия и мрака, внезапно раздаётся один только голос: «слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». Трижды повторяемый, он напоминает Ангельский привет Вифлеемским пастырям, в ночь рождения Спасителя. Потом избранный чтец, уединённо посреди церкви, возглашает дважды: «Господи, уста мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу твою», чтобы тем приготовить к большому вниманию слушающих, и начинает шестопсалмие, которое должно выражать внутреннюю беседу христианина со Христом, словами утренних шести псалмов: посему чтение это всегда совершается с особенным благоговением, и Священник выходит пред царские врата, присовокупить свои тайные молитвы к молению паствы.

В первом псалме изображается твердое упование души на Бога: «Господи, что ся умножиша стужающии ми? мнози возстают на мя, мнози глаголют души моей: несть спасения ему в Бозе его. Ты же, Господи заступник мой еси, слава моя и возносяй главу мою», а на конце: «аз уснух и спаш, востах яко Господь заступит мя». Вторым псалмом: «Господи, да не яростию твоею обличиши мене, ниже гневом твоим накажеши мене», есть вопль болезненной души, преследуемой бедствиями мира и взывающей: «не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене; вонми в помощь мою, Господи спасения моего». Третьим псалмом выражается утренняя утешительная молитва: «Боже, Боже мой, к тебе утреннюю; возжада к тебе душа моя, прильпе душа моя по тебе, мене же приять десница твоя».

Слава и тройное аллилуйя, в честь Пресвятой Троицы, отделяют сии первые три псалма, от трех последующих, в коих Давид, то представляя нищету свою Богу, вопиет: «Господи Боже спасения моего, во дни воззвах и в нощи пред тобою, да внидет пред тя молитва моя, приклони ухо твое к молению моему; нищ есмь аз и в трудех от юности моя, вознесешся, смирихся и изнемогах»; то, проникнутый благодарностью, при воспоминании всех благодеяний Божиих, побуждает душу свою: «благословлять Господа и всю внутренностию своею имя святое его и не забывать всех воздаяний его». Здесь, изображая величие Божие, трогательно помнит он и собственное ничтожество: «яко Той позна бытие наше, помяну яко персть есмь; человек яко трава, дние его яко цвет

сельный, тако оцветет; яко дух пройдет в нем и не будет и не познает к тому места своего; милость же Господня, от века, и до века, на боящихся его». – Наконец, в последнем псалме, еще однажды просит Господа: «услышать его в правде своей и не внити в суд с рабом своим, яко не оправдится пред ним всяк живой; Дух твой благий наставит мя на землю праву», и опять, слава и аллилуйя, заключают псалмы; Диакон же начинает великую ектению. «Бог Господь и явился нам» поют громко и радостно оба хора и, как бы готовясь на его сретение, восклицают: «благословен грядый во имя Господне!»! изображая в пении тропаря, торжество дня, возбуждившее их духовную радость.

За сим следует продолжительное чтение двух кафисм псалтыря, с краткими на конце их ектениями, для восстания к молитве, ибо самое Греческое слово, кафисма, или сидение, показывает, что в обителях иночествующей братии дозволено было сидеть во время их чтения. На двадцать подобных кафисм разделен стопятидесятипсаломный псалтырь, прочитываемый весь, в течении недели и дважды в недели великого поста; каждая состоит из нескольких псалмов и трижды прерывается, возглашением славы Трисвятому Богу и песнию аллилуйя. Сие чтение составляло в древности сущность всей утрени и перешло во все Церкви Востока, от монашествующей братии Египта. Там отшельники собирались в субботу из отдаленных пустынь и, после пятидневного уединения, проводили всю ночь на воскресение в стихословии псалтыря, прерываемого также вдохновенными молитвами святых Игуменов, каковы были Макарий, Антоний, Пахомий и другие, сиявшие пустынною славою своих добродетелей и чудес.

Вот наступило время полиелея, как бы полдень всего служения: ибо название полиелея, означающее многое освещение, показывает, что в сию торжественную минуту, когда и сам Архиерей готовится выйти на средину церкви, для чтения Евангелия, вся церковь должна быть ярко освещена светом лампад и еще ярче духовным светом благовестия, чтобы насладиться, не только слышанием, но самым зрением Евангелия исходящего к народу, из тайной внутренности алтаря.

С открытием царских врат, оба хора попеременно воспевают избранные стихи из 19-й кафисмы, с умиленным припевом: аллилуйя, как бы исключительно посвященным утреннему служению. «Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа», восклицает один лик, а другой в ответ ему: «благословен Господь от Сиона, живой во Иерусалиме» – и опять первый призывает «исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость его», а другой поясняет слова сии, прибавляя: «исповедайтесь Богу

небесному», но то же убеждение в устах у обоих: «яко в век милость его».

Во время пения исходит из алтаря со всем духовенством Епископ, в образе самого Спасителя, который, по выражению псалмопевца, живет среди славословий Израилевых. Он обходит всю церковь с благовонным кадиллом, предшествуемый светильниками, не забывая и притвора, ибо всех просвещает свет Христов и посещает благодать его. В то же время, если бдение сие совершается в честь какого-либо праздника Господня, или в честь Божией Матери и святых угодников, приносится, на аналое, икона праздника, и вокруг нее все духовенство величает Господа, или Пречистую Деву, или Святых, а хор отвечает тем же величанием, с припевами стихов псаломных. Если же всенощная сия только воскресная, то все песнопения ее посвящены памяти дивного восстания Спасителя и, чтобы оно сильнее напечатлелось в сердце верующих, Епископ, посреди церкви, или Священник, когда он один служит, в алтаре, всегда читают Евангелие о воскресении и о событиях божественных после воскресения. Таких воскресных Евангелий, собранных из всех Евангелистов и попеременно благовестуемых, числом одиннадцать.

Но прежде Евангелия о воскресении, в ожидании радостной вести, воспоминается раннее пришествие Мироносиц и Учеников к упраздненному гробу и самое изумление небесных Сил, при воззрении на Божественного мертвеца, все собою оживившего. «Ангельский собор удивися, зря тебе в мертвых вменившася, смертную же, Спасе, крепость разоривша, и с собою Адама воздвигша, и от ада вся свободвша». Так Ангелы, но не так Мироносицы: «Мироносицы жены, с мираы пришедшия ко гробу твоему, Спасе, рыдаху; Ангел же к ним рече, глаголя: что с мертвыми живого помышляете? яко Бог бо воскресе от гроба».

И сии два противоположные впечатления, Ангелов и человек, соединяются в одну песнь, трогательным восклицанием: «благословен еси Господи, научи мя оправданием твоим», которое Церковь поет и над усопшим Христом, и над усопшими во Христе, в той же надежде воскресения; а вслед за тем все верные призываются поклониться, вместе с Серафимами, поющими трисвятое Отцу и его Сыну и Святому Духу.

Тогда читаются или поются три антифона св. Иоанна Дамаскина, по примеру Давида, излившего стремление души своей к Богу, из юдоли плача; всех же умильнее антифон певаемый в праздники: «от юности моя мнози борют мя страсти, но сам мя заступи и спаси, Спасе мой. Ненавидящий Сиона посрамится от Господа; яко трава бо огнем будете изсохше. Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Троическим единством, священно-тайне».

Когда же, по прочтении Евангелия, оно представляется народу, для поклонения и целования, лики, уже как очевидцы востания, возглашают: «воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу; – Ты бо еси Бог наш, разве тебе иного не знаем; се бо прииде крестом радость всему миру; – распятие бо претерпев, смертью смерть разрушил» и, прибегая к молитвам Апостолов и Богородицы, ради очищения множества согрешений наших, воспоминают псалом покаяния: «помилуй мя Боже». Архиерей же или Иерей после литии Диакона, во дни праздников, помазывает елеем духовной радости приходящих поклониться святой иконе.

За сим немедленно следует чтение и пение канона или правила, составленного из девяти песней, в честь праздника или Святого. Каноны сии приняты были в состав утреннего служения, в седьмом и восьмом столетии, и большая часть их надписаны красноречивым Дамаскиным и другом его Космою, Епископом Маиумы, которые обогатили ими Церковь, на торжественные дни ее, и определили самый напев их, на восемь разных гласов, понедельно певаемых. Первый стих каждой песни называется ирмосом или связью всех других, по образцу его писанных, и основная мысль его заимствуется из песней ветхозаветных. Так первый ирмос напоминает всегда гимн Моисея на прехождение Чермного моря: «поем Господеви, славно бо прославися»; второй же обличение его на Иудеев, по прошествии пустыни: «вонми небо и возглаголю» и, как обличение грехов, поется только во дни великого поста. Образцом третьего послужила молитва Анны, матери Самуила. После сей песни произносится малая эктения, как равно после шестой и девятой: число же всех песней напоминает девять чинов Ангельских. Пророки Аввакум, Исаия и Иона, внушили три последующие ирмоса; затем следуют: кондак, краткое изложение праздника или доблестей Святого, и икос, что значит уподобление, так как сия песнь составляется большею частью из уподоблений; наконец пространное описание самой причины торжества или деяний Святого, собранное в синаксар. – Седьмой и восьмой ирмосы воспоминают всегда подвиг и хвалебный гимн трех отроков в печи Вавилонской, прославлявших Бога отцов своих и призывавших, среди пламени, все творения, превозносить вместе с ними Господа во веки. поелику же девятый ирмос основан на пророчестве Захарии, о сыне своем Предтече, и посвящен исключительно памяти воплощения, то, пред оным, Диакон, с кадиллом в руках, как бы вспоминая посещение Богоматери дому Захарии, приглашает верных возвеличить песнями Матерь Света, и хор ее прославляет собственною ее молитвою, какую произнесла она при

целовании Елисаветы: «величит душа моя Господа и возрадовася дух мой о Бозе Спасе моем», а в припевах превозносит ее: «честнейшею Херувим и славнейшею без сравнения Серафим». Потом, вслед за канонам, читаются и поются еще три хвалебные псалма, перемешанные с праздничными стихирами.

Тогда как в сих псалмах вся тварь, небо и земля, совокупляются воспеть славу Творца своего, – врата алтаря, заключенные во время канона, вновь отверзаются и Священник полагает начало великому славословию, возгласом: «слава тебе показавшему нам свет». В древности, Настоятель произносил слова сии к собранию верных, когда, по всеобщем бдении, видел наконец, что заря уже занималась на востоке, и Христиане, прежде нежели разойтись, исповедовали еще однажды, в одном великом и общем славословии, собранном из песней обоих заветов, Божество Искупителя; они начинали словами Ангелов, прославивших Вифлеемского младенца, и кончали трисвятою песнью Серафимов, виденных Исаиею, и славою Пресвятой Троице.

Ты знаешь песнь сию, любезный друг, от начала до конца, и можно ли не знать ее, не умиляться сердцем, при ее воззваниях к кроткому Агнцу, вземлющему грехи мира и сидящему одесную Отца! Давид и Евангелисты отзываются в каждом стихе. Надобно слышать ее на Востоке, чтобы иметь ясное понятие о ее торжественности: у нас просто поют оба хора, а там, поелику обедня не отделяется от утрени, то Архиерей, сошедший с своей кафедры на средину церкви и облачившийся, во время пения хвалебных стихов, принимает в руки свещники и, осеняя народ, возглашает: «слава тебе показавшему нам свет»: а все духовенство, вокруг него, начинает петь вместе с ликами: «слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение, хвалим тя, благословим тя, кланяемтся, славословим тя, благодарим тя, великия ради славы твоя, Господи Царю небесный, Боже Отче Вседержителю. Господи Сыне единородный, Иисусе Христе, и Святыи Душе! Господи Боже, Агнче Божий, Сыне Отець, вземляй грехи мира, помилуй нас: вземляй грехи мира, приими молитву нашу: седяй одесную Отца, помилуй нас, яко ты еси един свят, ты еси един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь».

Сугубая ектения и молитва, с преклонением главы, за коею следует благословение Настоятеля, кончают утреню; первый же час, читаемый опять во мраке, как шестопсалмие, заставляет Христианина углубиться в самого себя, при слышании первоначальных основных молитв, какие приучаются лепетать младенческие уста наши: «Святыи Боже, Отче наш, честнейшую Херувим; Иже на всякое время и на всякий час, на небеси и

на земли поклоняемый и славимый Христе Боже наш». Потом еще однажды выходит Настоятель, из заключенного алтаря, и молит: «чтобы Христос, свет истинный, просвещающий всякого человека грядущего в мир, знаменовал на нас свет лица своего» и прерывая его тихое моление, громко и торжественно возглашают оба лика, победительную песнь Божией Матери: «Взбранной воеводе».

31 Октября 1835 г.

С.-Петербург

VIII. Воскресная всенощная

Торжественна и вместе умирительна воскресная всенощная служба, когда благоговейно совершается она, в благолепном храме, при стройном пении ликов и внимательном чтении! – Тогда, в тишине ночи, сменяются один за другим, пред мысленным взором, таинственные образы воскресения Господня и нашего! – В сей божественной службе, Святая Церковь, с материнскою любовью, озаботилась направить все наши мысли и чувства к столь высокому предмету созерцания духовного, дабы в сердце и уме, глубже напечатлелся спасительный догмат о вечной во Христе жизни, для руководства временной! И с какою мудростью раскрывает она, в песнях духовных, сию глубокую тайну воскресения, истощая сокровища своего богословия, чтобы более яркими чертами изобразить нам радостное событие Воскресения Христова, вызывающее нас из мрака плачевной юдоли!

Подвижник плачевной юдоли Палестинской, инок Иоанн Дамаскин, глубоко проникнутый суетою временного и славою грядущего нетления, был творцом сих возвышенных гимнов, которые, в неизменном порядке, совершают церковный круг свой, возвращаясь чрез каждые восемь недель, и собраны в одну книгу под именем Октоиха или Осмогласника. Достоинно внимания и то, как премудро вплетены песнопения, на вечерни и на утрени, в стройную величественную ткань Всенощной, образуя ее стихиры и каноны, между пения псалмов и молитв, и соединяя все в одну неподражаемую, поистине божественную службу, достойную прославляемого ею воскресения.

Всенощная начинается: «славою святой, единосущной, животворящей и нераздельной Троицы», и вслед за сим первым возгласом священнослужителя, призывающего всех: «прийти поклониться и припасть ко Христу Царю и Богу нашему», раскрывается величественная картина мироздания, псаломными стихами Царя Пророка, который внушает душе каждой: благословить Господа, облекшегося в велелепоту своих творений!

«Благослови душе моя Господа, Господи Боже мой, возвеличился еси зело, во исповедание и в велелепоту облеклся еси»!

«Одеяйся светом яко ризою, простираяй небо яко кожу».

«Творяй Ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный».

«Яко возвеличишася дела твоя Господи, вся премудростию сотворил еси»!

После великой ектении Диакона, приглашающего верных к

общественной молитве, читается первая кафисма из псалтыря, разделенная по обычаю на три части, и некоторые ее стихи поются вначале, для большего впечатления в сердце слушающих; – какое глубокое назидание в сих первых стихах, коими открывается Боговдохновенная книга Давида, изучившая все изгибы человеческого сердца!

«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, – аллилуйя».

«Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет, – аллилуйя».

«Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь ему с трепетом, – аллилуйя».

«Воскресни Господи, спаси мя Боже мой! – аллилуйя».

«Господне есть спасение, и на людех твоих благословение твое, – аллилуйя».

Для большего умиления, каждый из сих стихов заключается хвалебным «аллилуйя». Тогда на обоих клиросах, попеременно начинают петь псалом, собственно вечерний: «Господи воззвах к тебе услыши мя, услыши мя Господи, внегда воззвати ми к тебе».

«Да исправится молитва моя, яко кадило пред тобою, воздеяние руку моею, жертва вечерняя».

Между сими ветхозаветными стихами, выражающими жажду души, которая ищет исторгнуться из своего заточения, воспевается отрадная песнь Воскресения, избавившего нас и праотцев. Мы последуем одному только первому гласу сих воскресных гимнов, во все течение всеобщей, из коего можно иметь ясное понятие и о прочих семи.

«Изведи из темницы душу мою исповедатися имени твоему», взывает Давид, и Церковь ему ответствует новозаветным своим исповеданием:

«Вечерние наши молитвы приими святыи Господи и даруй нам оставление грехов, яко един еси явлей миру воскресение».

«Мене ждут праведницы дондеже воздаси ми», опять восклицает Царь Пророк, и уже оправданные собрались по гласу Церкви: «Обыдите людие Сион и обнимите его, и дадите славу в нем Воскресшему из мертвых, яко той есть Бог наш, избавлей нас от беззаконий наших»!

«Из глубины воззвах к тебе Господи, Господи услыши глас мой»! Так из глубины, еще необновленного бытия, взывал Давид, и вот уже пришло спасение обновленным: «Приидите людие, воспоим и поклонимся Христу, славяще его из мертвых воскресение, яко той есть Бог наш, от прелести вражией мир избавлей».

К сим воскресным гимнам пустынножителя Палестинского, вторящего Царю Иудейскому присовокупил свое сердечное изливание

благочестивый Патриарх Цареградский Анатолий, соединив память о кресте с радостью воскресения; но и его песни соединены с псаломными стихами.

«Да будут уши твои внимлюще гласу моления моего».

«Веселитесь небеса, вострубите основания земли, возопийте горы веселие: се бо Еммануил грехи наши на кресте пригвозди и, живот давай, смерть умертви, Адама воскресивый, яко человеколюбец».

«Аще беззакония назриши Господи, Господи, кто постоит? яко у тебе очищение есть».

«Плотию, волею распеншагося нас ради, пострадавша и погребенна и воскресша из мертвых, воспоим глаголюще: утверди православием Церковь твою, Христе, и умири жизнь нашу, яко Бог и человеколюбец».

«Имени ради твоего потерпех тя Господи, потерпе душа моя в слово твое, упова душа моя на Господа». – «Живоприемному твоему гробу предстояще недостойнии, славословие приносим неизреченному твоему благоутробию, Христе Боже наш; яко крест и смерть приял еси безгрешне, да мирови даруеши воскресение яко человеколюбец».

Вообще служба вечерняя, как предшествующая утренней, имеет целью ознакомить нас с празднеством наступающего дня, и потому, в первых ее стихах, оно уже представлено яркими чертами. Так например, в три воскресения предшествующие великому посту, поются за всюнощную следующие стихи: на первой: – «Не помолимся фарисейски братие, ибо возносяй себе смирится; смирим себе пред Богом, мытарски пощением зовуще: очисти ны Боже грешныя».

На второй, воспоминающей нам покаяние блудного сына, поется: «Объятия отчия поспеши мне отверсти; расточительно изжил я житие мое, взирая на неизживаемое богатство твоих щедрот, Спасе, ныне да не презриши обнищавшаго моего сердца; ибо к тебе Господи с умилением взываю: согреших, Отче, на небо и пред тобою».

На третьей, страшно раздается в слух наш труба последнего суда: «Возгласят трубы, и истощатся гробы и воскреснет все естество человеческое в трепете!.. Книги разгнутся, явлены будут дела человеков пред нестерпимым судилищем; возшумит же юдоль вся страшным скрежетанием и плачем, видя всех согрешивших, по праведному суду, отпускаемых на вечныя муки и тщетно плачущихся»!

За стихирами воскресными следуют иные, в честь Матери воплощенного Сына Божия, или в память угодников Божиих, чествуемых в тот день. Они заключаются так называемым догматиком, или особенною песнью во славу пречистой Девы, ибо тут вмещается догмат о воплощении

Господа нашего, дабы повторяемый часто на службах церковных, более утверждался он в сердце верных.

Глубок и возвышен догматик первого гласа, воспевающий: «Всемирную славу, процветшую от человеков и родившую Владыку, небесную дверь, Марию Деву, безплотных песнь и украшение верных: ибо она явилась небом и храмом Божества; она, разрушив враждебную преграду, водворила мир и отверзла царствие; имея ее утверждением веры, мы имеем поборником родившегося от нее Господа. Итак держайте людие Божии, ибо всесильный Сын ее победит врагов».

Но что знаменует самый вход священнослужителей, предшествуемых светильником, во время пения сего вечернего догматика? – Таинственное явление Сына Божия миру, погруженному во мрак язычества! – Посему, для большего напоминания нашему сердцу, кроткого к нам сошествия Господа нашего, не в нестерпимом для нас блистании Божества, но в тихом свете славы Отчей, поется, вслед за догматиком, исполненный мыслей и чувств, вечерний гимн Софрония, Патриарха Иерусалимского:

«Свете тихий святых славы безсмертнаго, Отца небеснаго, святаго блаженнаго, Иисусе Христе! пришедше на запад солнца, видевши свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога. Достоин еси, во вся времена, петь быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот дай, тем же мир ты славит».

Невольное умиление проливает в сердце каждая, сия трогательная песнь, если только кто вникнет в ее таинственный смысл: из какого, по истине вечернего сумрака, вызван был мир весь тихим светом небесной славы того, кто, по словам Писания, не сломил трости надломленной и не угасил дымящегося льна, хотя, паче громов Синайских, возгласилось его учение в концы вселенной! Посему, когда входят священнослужители опять в алтарь и становятся за престолом, у горнего места, то, как бы из глубины богословия, возглашается прокимен или подлежащий пению стих, знаменующий славу явившегося Божества, и стих этот повторяется клиром.

«Господь воцарися, в лепоту облечеса; облечеса Господь в силу и препоясася: ибо утверди вселенную яже не подвижится. Дому твоему подобает святыня в долготу дней».

Сугубая эктения Диакона возбуждает нас после сего прокимена, к усугубленной молитве, с утроенным «Господи помилуй», для большего умиления сердец наших; тут читается и краткая, но трогательная вечерняя молитва.

«Сподоби, Господи, в вечер сей, без греха сохранитися нам.

Благословен еси Господи, Боже Отец наших, и хвально и прославлено имя твое во веки аминь», и прочее.

Тогда начинается опять, на обоих клиросах, пение воскресных стихир, соответствующих стихам псаломным.

«Страстию твоею, Христе, от страстей свободихомся и воскресением твоим, из истления избавихомся: Господи слава тебе».

«Господь воцарися, в лепоту облечеса» – «Да радуется тварь, небеса да веселятся, руками да восплещут языцы с веселием: Христос бо Спас наш, на кресте пригвозди грехи наша и смерть умертвив, живот нам дарова, падшего Адама всеродного воскресивый, яко человеколюбец».

«Ибо утверди вселенную, яже неподвижится». – «Царь сый небесе и земли, непостижимо, волею распялся еси за человеколюбие, его же ад сретъ доле, огорчися, и праведных души приемше возрадовашася, Адам же, видев тя Зиждителя в преисподних, воскресе. О чудесе! како смерти вкуси всех жизнь? но яко же восхоте мир просветити, зовущий и глаголющий: воскресый из мертвых, Господи слава тебе».

Умилительная молитва Симеона Богоприимца который столь долго ждал своего отпущения из сей юдоли, читается пред окончанием вечерни: «Ныне отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу твоему с миром», и потом поется песнь Богородичная, составленная из приветия Ангельского и Матери Предтечевой: «Богородице Дево радуйся» и проч.

Поучительным псалмом Давида: «Благословлю Господа на всякое время», заключается вечерня, как и открылась она его же псалмом: «Благослови душе моя Господа», дабы в начале и в конце божественной службы, как и всей нашей жизни, душа наша научалась благословлять Творца своего. И сколько назидания в этом псалме, в котором слышим поучение от лица Церкви, устами Давида!

Благословение Иерея полагает предел между службою вечернею и утреннею: при ее начале с благоговением читаются, посреди общего молчания, шесть избранных псалмов, никогда не отлагаемых, как основание утрени, кроме пасхальных дней. Но прежде, нежели начать шестопсалмие, трижды возглашает чтец: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». Есть обычай в пустынных обителях, для большего умиления, гасить в это время все свечи, кроме лампад перед иконами, дабы в полумраке без всякого развлечения, глубже падали на сердце слова Царя Пророка. Таковы сии шесть избранных псалмов, с которыми полезно ознакомиться каждому:

«Господи, что ся умножиша стужающии ми».

«Господи, да не яростию твоею обличиши мене, ниже гневом твоим

накажешь мене».

«Боже, Боже мой, к тебе утреннюю, возжада тебе душа моя».

«Господи, Боже спасения моего, во дни возвах и в ночи пред тобою».

«Благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое его».

«Господи, услыши молитву мою, внуши моление мое во истине твоей, услыши мя в правде твоей и не вниди в суд с рабом твоим, яко не оправдится пред тобою всяк живый».

Подобно как при начале вечерни, после первого ее псалма, так и на утрени после шестопсалмия, великая ектения Диакона возбуждает к молитве верных, а вслед за нею поется торжественно: «Бог Господь и явился нам, благословен грядый во имя Господне», и тропарь воскресный:

«Камени запечатану от Иудей, и воином, стрегущим пречистое тело твое, воскрес еси тридневен, Спасе, даруяй миру жизнь: сего ради Силы небесныя вопияху ти жизнедавче: слава воскресению твоему, Христе, слава царствию твоему, слава смотрению твоему, человеколюбче».

Потом следует чтение кафисм, второй и третьей, потому что первая уже читалась на вечерни. Они состоят, каждая из нескольких псалмов, и разделены на три части, кратким пением славы и аллилуйя. После каждой из кафисм, есть так называемые седальны, или стихи, которые дозволялось петь сидя, как и самую читать кафисму, означающую по Гречески сидите. Седальны сии исполнены также мыслью воскресения: таков первый из них:

«Гроб твой, Спасе, воины стрегущи мертви от облистания являшагося Ангела бывше, проповедующа женам воскресение; тебе славим тли истребителя, тебе припадаем воскресшему из гроба и ада потребителю». В том же духе и другие седальны.

Краткая ектения включает кафисмы и здесь открывается, вместе с царскими дверьми, яркий свет, как символ воскресения, изливающийся из глубины святилища на всю Церковь, среди гимнов и чтения Евангелия: это есть самое торжественное время утрени, называемое полиелеем от многого освещения. Лики поют, на два клира, избранные стихи из псалмов, коих полное чтение бывает только в обителях.

«Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа, аллилуйя. Благословен Господь от Сиона, живый во Иерусалиме, аллилуйя. Исповедайтесь Господеву яко благ, яко в век милость его, аллилуйя. Исповедайтесь Богу небесному, яко в век милость его, аллилуйя».

Вслед за тем возглашается трогательная песнь Мироносиц, пришедших с ароматами рано ко гробу, и уже не обретших телеси Господа Иисуса. Этим выражается, как бы самое их пришествие к упраздненному

гробу, и с тем вместе изумление Ангелов и человеков о воскресшем. Но каждая песнь отделена от другой, погребальным стихом, который слышится обыкновенно при отпевании усопших: «Благословен еси Господи, научи мя оправданием твоим», ибо и здесь, ради помазания погребального, притекли Мироносицы, хотя, вместо искомого ими мертвеца, поклонились они радуясь живому Богу.

«Ангельский собор удивися, зря тебе в мертвых вменившася, смертную же, Спасе, крепость разоривша и с собою Адама воздвигша, и от ада вся свободждша».

«Почто мира с милостивными слезами, о ученицы, растворяете? блистаясь во гробе Ангел Мироносицам вещаше: видите вы гроб и уразумейте, Спас бо воскресе от гроба».

«Зело рано Мироносицы течаху ко гробу твоему рыдающия, но предста к ним Ангел и рече: рыдания время преста, не плачите, воскресение же Апостолом рцыте».

«Мироносицы жены, с мираы пришедшия, ко гробу твоему, Спасе, рыдаху: Ангел же к ним рече, глаголя: что с мертвыми живаго помышляете? яко Бог бо воскресе от гроба».

В конце сих полупогребальных, полувоскресных песней, все верные призываются к поклонению славимого в Троице Бога,

«Поклонимся Отцу, и его Сынови, и Святому Духу, Святей Троице во едином существе, с Серафимы зовуще: свят, свят, свят еси Господи»!

Во время сего трогательного пения, которое исполняет нас ожиданием радостного восстания нашего Господа, как бы в самый день Пасхи (ибо каждая воскресная утренняя есть ее подобие), священнослужители, со светильником и кадилом, обходят храм: они исполняют фимиамом, как бы ароматами Мироносиц, всю церковь, готовую сделаться свидетельницею воскресения своего Господа.

Но вот однако, прежде чтения воскресного Евангелия, слышатся умилительные антифоны, выражающие стремление души к Богу, крепкому, живому, которые составлены из стихов псаломных и новозаветных, отшельниками плачевной юдоли и обители Студийской. Это как бы последний отголосок земной скорби, пред радостною вестью воскресения! – О как дорого каждое слово божественной службы, которое можно сказать необходимо для духовной ее полноты! Таковы антифоны первого гласа:

«Внегда скорбети ми, услыши моя болезни. Господи тебе зову».

«Пустынным непрестанное божественное желание бывает, вне сущим суетного мира».

«Святому Духу честь и слава, якоже Отцу подобает, купно же и Сыну, сего ради да поем Троице единодержавие».

Тогда возглашается, во глубине алтаря, над престолом, как бы над самым камнем гроба Христова, воскресное Евангелие. Таких воскресных зачал одиннадцать, читаемых по порядку и, чрез каждые одиннадцать недель, возвращается круг их: посему, посещающие постоянно храмы Божии, постепенно слышат, одно за другим, все обстоятельства радостного воскресения; премудро устроила это святая Церковь. Самое Евангелие выносится потом из алтаря, для всенародного лобызания, как бы во свидетельство воскресения, и посему лики поют ему в сретение радостную песнь:

«Воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу, единому безгрешному, кресту твоему покланяемся, Христе, и святое воскресение твое поем и славим: ты бо еси Бог наш, разве тебе иного не знаем: имя твое именуем. Приидите вси вернии, поклонимся святому Христову воскресению: се бо прииде крестом радость всему миру, всегда благословяще Господа, поем воскресение его: распятие бо претерпев, смертью смерть разрушив».

После сего Церковь прибегает к молитвам Богородицы и Святых Апостол, как свидетелей воскресения, дабы Господь, по их молитвам, очистил согрешения наши; во все же недели великого поста, для большего возбуждения к покаянию, поются, умиленные стихиры.

«Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, утреннует бо дух мой ко храму святому твоему, храм носяй телесный весь осквернен: но яко щедр очисти, благоутробною твоею милостию».

«На спасения стези настави мя, Богородице, студными бо окалях душу грехми и в лености все житие мое иждих: но твоими молитвами избави мя от всякия нечистоты».

«Множества содеянных мною лютых, помышляя окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго: но надеяся на милость благоутробия твоего, яко Давид вопию ти: помилуй мя Боже, по велицей твоей милости».

Молитвенное воззвание Диакона, к предстательству всех святых Божиих, включает сие пение, следующее за чтением Евангелия. Тогда начинается чтение воскресного канона, разделенного по обычаю на девять песней, и первый стих каждой песни, называемый ирмосом или связью прочих, поется, будучи составлен в подражание ветхозаветных песней пророческих. Канон выражает на утрени, подобно как стихиры на вечерни, собственно празднество дня, и потому к стихам воскресным присоединяются другие, напоминающие о кресте Господнем, и еще иные в

честь Богородицы и празднуемых Святых. Здесь предлагается несколько стихов воскресных и крестных, чтобы хотя немного ознакомить с духовною красотой канона: «Слава Господи, святому воскресению твоему» или «кресту твоему честному», произносит чтец пред каждым стихом, чтобы назнаменован к чему он относится. Вот два первых воскресных стиха:

«Иже руками пречистыми, от персти, благодетельно создав мя исперва, распростер руки свои на кресте, и от земли взывает тленное мое тело, еже восприял от Девы».

«Умерщвление подъял еси мене ради, душу смерти предал еси, иже вдохновением Божественным душу ми вложивый, и, отрешив вечных уз и совоскресив, нетлением прославил еси».

Вот и два крестных стиха первой песни канона, исполненные вдохновения богословского:

«Христос обожает мя воплощаяся, Христос мя возносит смиряся, Христос бесстрашна мя соделывает, стражда жизнодавец естеством плоти; темже воспеваю благодарственную песнь, яко прославися».

«Христос возносит мя распинаем, Христос совоскрешает мя умерщвляем, Христос жизнь мне дарует: темже с веселием, рукама плеча, пою Спасителю победную песнь, яко прославися».

Приведу еще некоторые стихи канона, из различных его песней, для желающих познать их красоту; затрудняешься только, который из них предпочесть, по чрезвычайной красоте всех.

«Бог съй мне, блаже, падшаго ущедрил еси и снити ко мне благоволив, вознесл мя еси распятием, еже вопити тебе святыи: храме одушевленный неизреченныя твоя славы, человеколюбче».

«Иже на свое рамо заблуждаемое овча вземшему, и низложившему древом его грех, Христу Богу возопиим: воздвигнувый рог наш, свят еси Господи».

«Кто сей Спас, иже из Эдома исходя, венец нося терновен, очервлену ризу имый, на древе вися? – Израилев есть сей Святыи, во спасение наше и обновление».

«Видите людие непокоривии, и устыдитесь: его же бо, яко злодея, вы вознести на крест у Пилата испросисте, умовредне, смерти разрушив силу, боголепно воскрес из гроба».

«Христос, будущих благ явився Архиерей, грехи наша разорил есть и, показав странен путь своею кровию, в лучшую и совершеннейшую вниде скинию, предтеча наш во святая».

«Пастыря овцам великаго и Господа, Иудеи древом крестным

умертвиша: но той, яко овцы, мертвыя во аде погребенныя, державы смертныя избави».

«О богатство и глубино премудрости Божия! – премудрый объемляй Господь, от сих коварства избавил есть нас: пострадав бо волею, немощию плотскою, сам своею крепостию животворяй, мертвыя воскресил есть».

«Бог сый соединяется плотию нас ради, и распинается и умирает, погребается, и паки воскресает, и восходит светло с плотию своею Христос ко Отцу: с нею же приидет и спасет благочестно тому служащая».

«Согрешением первозданнаго, Господи, люте уязвихомся, раною же исцелихомся твоею, ею же за ны уязвился еси Христе: ты бо крепость немощствующих и исправление».

«Падает прельстився Адам, и преткнувшись сокрушается, надеждою оболган сый древле обоготворения; но возстает, соединением Слова обожаем, и страстию безстрастие приемлет, на престоле яко Сын славится, седяй со Отцем же и Духом».

После шестой песни читают кондак, и икос или сокращенное содержание мысли всего канона, и потом опять следуют его вдохновенные песни, в которых пение ирмосов, перемешанное с чтением, доставляет для слуха и мысли приятное разнообразие.

«Убояся земля, сокрыся солнце и померче свет, раздрася церковная божественная завеса, камение же разседся: на кресте бо висит праведный, хвалимый отцев Бог, и препрославлен».

«Древле убо проклята бысть земля, Авелевою очервленившеся кровию, братоубийственною рукою; Боготочною же твоею кровию благословися окроплена и възиграючи вопиет: отцев Боже благословен еси».

«Иже волею вся творяй и претворяй, обращаай сень смертную в вечную жизнь, страстию твоею, Слове Божий, тебе непрестанно, вся дела Господня, Господа поим, и превозносим во вся веки».

«Приидите людие, поклонимся месту, на немже стоясте пречистыя нозе, и на древе божественнии Христовы длани животворящия прострошася, на спасение всех человеков, и гроб животный обстояще, поим: да благословит тварь всякая Господа, и превозносит во вся веки».

Так как девятая песнь канона посвящена Пречистой Деве, то пред нею воспевается собственная молитва Богоматери, которую произнесла она, когда праведная Елисавета приветствовала ее как Матерь Господа:

«Величит душа моя Господа и возрадовася дух мой о Бозе Спасе моем».

Вся сия вдохновенная молитва перенесена из Евангелия в утреннюю

службу и, между каждым ее стихом, святая Церковь приветствует своим величанием Пречистую Деву:

«Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слово рождшую, сущую Богородицу ты величаем».

За сим следуют опять окончательные стихи девятой песни канона, не уступающие красотой первым, ибо весь он, как одно величественное целое, проникнут славою воскресения.

«О како, людие беззаконнии и непокоривии, лукавая совещающе, гордаго и нечестиваго оправдиша, праведнаго же на древе осудиша, Господа славы! его же достойно величаем».

«Спасе, агне непорочне, иже мира грехи вземый, тебе славим воскресшаго тридневно, со Отцем и божественным твоим Духом, Господа славы: его же благословяще величаем».

«Прославися неизреченною силою твоею крест твой, Господи, немощное бо твое паче силы всем явися; имже сильнии убо низложени быша на землю, и нищии к небеси возводими бывают».

После краткой эктении, заключающей канон, читаются или поются стихи хвалебного псалма, оканчивающего псалтирь, перемешанные с воскресными, дабы сим, двузаветным хвалением, достойно довершить утреннюю службу, начатую также псалмами.

«Хвалите Бога во Святых его, хвалите его во утверждении силы его».

«Крест претерпевый, и смерть упраздненный, и воскресый из мертвых, умири нашу жизнь Господи, яко един всесилен».

«Хвалите его на силах его, хвалите его по множеству величества его».

«Ада пленивый и человека воскресивый, воскресением твоим Христе, сподоби нас чистым сердцем, тебе пети и славити».

«Хвалите его во гласе трубнем, хвалите его во псалтири и гуслех».

«Боголепное твое снисхождение славяще, поем тя Христе: родился еси от Девы и неразлучен был еси от Отца, пострадал еси яко человек и волею претерпел еси крест, воскресл еси от гроба, яко от чертога произшед, да спасеши мир, Господи слава тебе».

«Хвалите его в тимпане и лице, хвалите его во струнах и органе».

«Егда пригвоздился еси на древе крестнем, тогда умертвися держава вражия: тварь поколебася страхом твоим и ад пленен бысть державою твоею; мертвыя от гроб воскресил еси и разбойнику рай отверзл еси, Христе Боже наш, слава тебе».

После сего торжественный возглас священнослужителя: «Слава тебе показавшему нам свет», знаменует для нас явление зари воскресного дня,

потому что в первые времена Христианства и доньше, в некоторых пустынных обителях, бдение всенощное, в полном смысле сего слова, начинаясь от захождения солнца, продолжалось во всю ночь, до его восхода.

Кто не знает дивной песни: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение», которую Ангелы принесли с неба пастырям Виелеемским, а люди только дополнили на земле, молитвенными своими воззваниями к Агнцу Божию, вземлющему грехи мира? и как умиленны сии воззвания человеческой немощи!

«Хвалим тя, благословим тя, кланяемся, славословим тя, благодарим тя, ведшая ради славы твоея, Господи Царю небесный, Боже Отче вседержителю; Господи Сыне единородный, Иисусе Христе, и Святыи Душе! Господи Боже, Агнче Божий, Сыне Отець, вземляй грех мира, помилуй нас; вземляй грехи мира, прими молитву нашу; седяи одесную Отца помилуй нас; яко ты еси един свят, ты еси един Господь, Иисус Христос, в славу Бога Отца, аминь».

Высокий гимн сей, начатый славословием Ангельским, заключается также ангельскою песнию, возвещающей нам славу Трисвятого Бога: «Святыи Боже, Святыи крепкий, Святыи безсмертный, помилуй нас». Она возглашается трижды и вслед за нею поется, пред сугубою эктениею Диакона, еще тропарь воскресный: «Днесь спасение миру бысть, поем воскресшему из гроба и начальнику жизни нашея: разрушив бо смертью смерть, победу даде нам и велию милость».

Благословением и отпуском священнослужителя оканчивается собственно утренняя служба; но так как первые Христиане имели благочестивый обычай освящать молитвою начало каждого дня, то к утрени присоединяется еще первый час, составленный из трех псалмов, тропарей праздничных и некоторых более употребительных молитв. На конце же всего Богослужения поется победная песнь Богоматери, «Взбранной Воеводе», т. е. свыше превосмогающей все брани, дабы она, как безвестная Мать Христа Бога, избавила нас от всяких бед, имея непобедимую державу.

«Взбранной воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем ти раби твои Богородице: но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем ти: радуйся Невесто невестная».

Таков торжественный ход воскресной всенощной, которая приготовляет нас достойно встретить самый день воскресения и его божественную литургию, дабы мы, без рассеянности в молитве, не только

телом, но и всю душою, присутствовали при совершении страшных Христовых таин. Зная немощь человеческой природы, не без глубокой цели, положили Святые Отцы, еще накануне воскресного дня, готовить нас к духовному его празднованию, посредством всеобщего бдения, возводящего ум и сердце ко Христу Богу! И сколько ущерба для нашей души опускать сию божественную службу и не уделять для нее, от мимотекущей суеты, двух кратких часов вечерних, которые погружают в забвение временного и в созерцание вечного: ибо она мысленно вводит нас в небесное царство распятого ради нас и воскресшего человеколюбца, Господа нашего и Спаса Иисуса Христа, которому слава во веки.

Письмо IX

Еще одно Божественное служение не было предметом беседы нашей: я хочу говорить о литургии преждеосвященной, которая исключительно совершается во дни великого поста, и верно часто поражала тебя, своими трогательными обрядами и молитвами.

Учреждение оной относится к первым векам Христианства; но полагают, что окончательное образование дал ей святой Григорий великий, Папа Римский, называемый Двоеслов, в VI веке, еще прежде отделения Римской Церкви от Церкви Вселенской. Она совершается в среды и пятки святой четыредесятницы, которая, как подражание сорокадневного поста Христова и приготовление к церковному воспоминанию его страданий, была у древних Христиан в таком уважении, что отцы Церкви, ради сердечного сетования и сокрушения духа, не дерзали совершать в плачевные дни сии торжественного служения: полная же литургия дозволена только в субботы и воскресения, посвященные памяти мироздания и восстания Господня. «Дни великого поста суть время покаяния, говорит Собор Лаодикийский, и потому каждый должен размышлять о своих согрешениях, а не уклоняться на празднества, чтобы прежде времени не насытиться радости духовной».

Вначале воспрещено было приступать даже к источнику небесного утешения, Божественным тайнам, в первые пять дней каждой недели поста; но когда впоследствии, немощь духовная благочестивых Христиан, обвыкших ежедневно приобщаться своему Искупителю, не могла переносить столь тяжкого лишения, Церковь оказала им милосердие; она разрешила, в два дня недели, посвященные памяти предания и распятия Спасителя, выносить на вечерни, для поклонения и причащения верных, Божественные дары, прежде освященные на литургии воскресной и соблюдаемые на сие в ковчеге; отселе приняла свое начало и название литургия преждеосвященных даров. Посему чин ее совершенно отличен от обедни святых Василия и Златоуста; она состоит собственно из вечерни, предшествуемой часами, и некоторой части обыкновенной литургии, кроме важнейшего, то есть освящения самых даров, и хотя менее торжественна, но внушает не менее страха и благоговения: ибо при самом ее начале присутствует уже закланный агнец Божий, под видом хлеба напоенного вином, которые освящены и предложены в тело и кровь Христовы, во время полной литургии.

Самые часы отличны от тех, которые обыкновенно читаются пред

обеднею: чтение их гораздо продолжительнее; кроме положенных трех псалмов, на каждом часе читается еще по кафисме, дважды прерываемой и оканчиваемой славою Пресвятой Троице и трояким аллилуйя, подобно как на утрени, а на шестом часе еще статья из пророчеств. При конце сих кафисм, Священник выходит из алтаря и творит пред царскими вратами три земные поклона, повторяемые всеми верными, произнося основной стих каждого часа, который выражает, что побудило Христиан освящать именно час сей молитвою.

Третий утешительно напоминает сошествие Св. Духа: «Господи, иже Пресвятаго твоего Духа, в третий час, Апостолам твоим ниспославый, того благий не отыми от нас, но обнови нас молящихся».

Поразительна молитва к Распятому на шестом часе: «иже в шестый день же и час, на кресте пригвождей, в рай, дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас».

Умилительна последняя: «иже в девятый час, нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти наша мудрование, Христе Боже, и спаси нас».

И чтобы еще более смирить сие суетное мудрование, пред окончанием каждого часа, Священник опять выходит к народу, и воздев к небу руки, с тремя земными поклонами, произносит высокую молитву св. Ефрема Сириянина, глубоко постигшего тайну смирения, когда из сокрушенной души его истекли сии трогательные прошения:

«Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. – Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви, даруй ми рабу твоему. – Ей Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков, аминь».

Произнесши сперва сию молитву по частям, Священник дает время безмолвной молитве, с малыми поклонами, и в заключение вновь произносит ту же молитву, всю и нераздельно, сопровождаемую одним земным поклоном.

Все на сей Божественной службе должно призывать нас к покаянию: после св. Ефрема, Василий Великий, на конце девятого часа, молит: «чтобы долготерпеливый Господь, приведший нас до сего часа, в который, вися на животворящем древе, открыл вход в рай благоразумному разбойнику, сам бы очистил нас, недостойных воззреть на высоту небесную; ибо мы ходили в волях сердец наших и в суете исчезли дни наши, и дал бы нам сложить с себя ветхого человека, чтобы облечься в нового и пожить Богу». – Тогда оба хора, подражая спасительным словам распятого разбойника, с ним вопиет: «во царствии твоем помяни нас Господи, егда приидеши во

царствии твоём!»! Потом попеременно напоминают друг другу те добродетели, какие могут открыть врата сего царствия, и поют девять блаженств Евангельских: нищих духом, плачущих, кротких, алчущих и жаждущих правды, милостивых, чистых сердцем, миротворцев, изгнанных правды ради и поносимых ради Господа, и обещая им многую мзду на небесах, между каждым стихом, повторяют молитву благоразумного разбойника. Они еще трижды припадают к Пресвятой Троице, с тою же мольбою, дабы глубже напечатлелась в сердце: «помяни нас Господи, помяни нас Владыко, помяни нас Святой, егда приидеши во царствии твоём».

Начинается самая вечерня и до малого входа священнослужителей и песни: «Свете тихий», совершается по обыкновенному чину. Иногда только, когда празднуется, в великопостные дни, память Мучеников и посему разрешается чтение Апостола и Евангелия, Диакон во время хода, вместо кадила, несет в руках Евангелие как на литургии.

Но прежде сего, во время пения вечерних стихов: «Господи, воззвах к тебе», Священник, наполнив благоволением фимиама весь алтарь, вынимает из стоящего на престоле ковчега, преждеосвященный хлеб, тело Христово, напоенное его кровию, возлагает на дискос, благоговейно кадит, троекратно обходя престол и, подняв на голову, несет, предшествуемый Диаконом с кадилом, на жертвенник: там вливает также в чашу вино и воду, не освящаемые впоследствии, но только явственнее дополняющие второй вид таинства.

После вечернего пения «Свете тихий» чтец, посреди церкви, читает две паремии, одну из книги Бытия, повествующую вначале падение Адамово, заблуждения его потомков и последовавшие за оными казни; другую же из притчей Соломона, гадательно предъявляющих уже некий свет грядущего Христа. Дабы знаменательнее выразить сей переход, от мрака к свету, между обеими паремиями, Священник, держа в руках кадило и светильник, который стоял пред святыми Дарами, из царских врат осеняет крестообразно народ, с сими таинственными словами: «премудрость прости, свет Христов просвещает всех». Сей зримый свет должен отчасти заменить верным светом слова Евангельского, коего лишены они во дни плача, а вместе и напоминает им, о том Божественном свете, которому скоро поклонятся в преждеосвященных Дарах.

Для большего умиления, вслед за паремиями, три отрока, как три Ангела, напоминая также и трех Еврейских отроков, воспевших славу Божию посреди Халдейской печи, отделяются от прочего хора и становятся пред царскими вратами, где, чувствительным сердцу напевом, повторяют

вечерний стих: «да исправится молитва моя». – Тот же стих попеременно поется также и на клиросе, а в промежутках воспеваются еще следующие стихи псалма, спасительные всякому, кто только будет действовать в духе сих прошений. «Господи, воззвах к тебе услыши мя, услыши мя Господи, внемли воззвату ми к тебе; положи Господи хранение устом моим и дверь ограждения о устнех моих: не уклони сердца моего в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех» (не вымышлять извинения во грехах).

Благочестивое же собрание молящихся Христиан, чувствуя с сокрушенным сердцем, сколь далеко отстоят все их деяния от сих возвышенных молений, на коленах внимает им. Оно подражает смирению мытаря, который, в притворе храма, бия себя в перси, произносил только: «Боже милостив буди мне грешнику!» и уповает, подобно ему, обрести оправдания не от дел своих, но от сознания своего недостойнства. А Священник, во время пения стихов стоит, с кадиллом в руках, пред престолом и, чрез восходящее облако фимиама, видимыми образами напоминает, чтобы во время сей вечерней жертвы и воздеяния рук наших к Богу, самая молитва прямо возносилась к нему, подобно фимиаму; при последнем же повторении стиха сего сам, отдавая кадило, преклоняет колена со всю Церковью.

С половины великого поста Диакон, на сугубой ектении, после молитвы об оглашенных, приглашает верных помолиться также и о братьях, готовящихся к просвещению; ибо в первые времена Церкви, некоторые из оглашенных, более приуготовленные к принятию святого крещения, были просвещаемы оным преимущественно в великую субботу. Молитвы сии изображают духовные их нужды: просвещение разума и благочестия, баню пакибытия и одежду нетления, порождение водою и духом, совершение веры и сопричтение к святому избранному стаду. Потом и они должны выходить из храма, ибо «ныне Силы небесные с нами невидимо служат, се бо входит Царь славы, се жертва тайная совершена дориносится».

В сию торжественную минуту, светильник, являющийся в северных дверях алтаря, извещает верных о пришествии Царя их, в виде жертвы, несомого на главе Пресвитера, которому предшествует Диакон, устилающий путь его фимиамом, и все падают ниц благоговейно пред непостижимым таинством, как падал Исаия пред нестерпимою славою Сидящего на Херувимах, и страшное безмолвие водворяется в церкви. Слегка слышатся только на возвышении, кругом алтаря, над главами приникшими к помосту, тихие мерные стопы трех идущих, иногда останавливающиеся, или звук потрясенного кадила пред Дарами, и мнится –

ныне Силы небесные с нами невидимо служат! – Такою робостью проникают звуки сии трепетное сердце, а поднявшийся хор начинает, еще над простертыми долу, призывную песнь: «с верою и любовью приступим, да причастницы жизни вечныя будем, аллилуйя».

Все встают, ибо жертва уже на престоле, готовая «датися в снедь верным», которых приготовляет к ее принятию исшедший из алтаря Диакон, молитвами о вечных благах, Пресвитер же молитвою Господнею «Отче наш», и вслед за тем задергивается завеса с возгласом: «преждеосвященная святая святым». Лик по обычаю отвечает: «един свят, един Господь Иисус Христос» и, во время причащения священнослужителей, поет в назидание Церкви: «вкусите и видите яко благ Господь: аллилуйя». Когда же Диакон призывает к приобщению, во вратах алтаря, еще убедительнее взывает лик, пророческими словами Давида: «благословлю Господа на всякое время, хвала его во устех моих: хлеб небесный и чашу жизни вкусите и видите яко благ Господь, аллилуйя». По отнесении святых Даров на жертвенник, поется обычный стих: «да исполнятся уста наша хваления твоего Господи; соблюди нас во твоей святости, весь день поучатися правде твоей, аллилуйя».

Особенно замечательна, глубоким смыслом своих прошений, заамвонная молитва, в которой Пресвитер просит: «чтобы Вседержитель, введший нас в пречестные дни сии, к очищению душ и телес, к воздержанию страстей и к надежде воскресения, дал бы нам подвизаться подвигом добрым, течение поста совершить, веру нераздельну соблюсти, главы невидимых змиев сокрушить, явиться победителями греха и неосужденно достигнуть и поклониться святому воскресению».

А я, желая тебе искренно исполнения всех сих прошений, на время останавливаюсь, ибо, постепенным объяснением Богослужения, неприметно коснулся и самого поста, который вначале не был предметом бесед наших. Мне бы весьма хотелось однако, изложить пред тобою и трогательной красоты великопостного служения, исполненные таинственного смысла; они все заключаются в книге, называемой триодию постною, и если ты мне изъявишь на то свое желание, не замедлю приступить к делу, чтобы тем доказать тебе, как все, относящееся до блага души твоей, близко и моей собственной.

3 Ноября 1835 г.

С.-Петербург

Приложение. Наставление о божественной литургии новообращенным из язычества

Когда тыходишь в Церковь для молитвы,ходи с благоговением, как в дом Божий, где во время Божественной службы, повторится пред твоими глазами все то, чему тебя учили твои Христианские наставники, о спасительном за нас страдании Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа.

Итак, прежде всего, старайся быть достойным сего священного зрелища и, по мере сил твоих, исполни то, что внушает нам Евангелие Христово. Оно говорит: «если принесешь дар твой к алтарю и тут вспомнишь, что брат твой имеет нечто на тебя, оставь там дар твой пред алтарем, и пойдипрежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Матф. 5:23–24). Посему и тыходи всегда с миром, как в отношении твоих ближних, так и собственной твоей совести, потому что ты услышишь, в первых словах Божественной службы: «миром Господу помолимся».

Евангелие говорит тебе о даре пред алтарем: – какой же это дар? – Ты видишь, что даже язычники, в домах своих и божницах, воспоминают своих умерших праотцев и родителей; но они заблуждаются, принося им самим жертвы следующие Божеству. Ты же, как Христианин, наученный истинной вере, приноси духовную жертву Богу, о душах твоих усопших отцов и братии, и о здравии и спасении живых. А чтобы жертва твоя была действительна, она должна быть принесена руками того, кто имеет на сие право, и не иначе как в Церкви.

Посему принеси Священнику в алтарь хлеб, называемый просфорой, прежде начатия Божественной службы, которая именуется иначе обеднею или литургиею, и попроси его помянуть с молитвою, пред жертвенником, как бы пред Божиим престолом, твоих отцов и братьев, живых или усопших, чтобы Господь даровал им прощение грехов, как в сей жизни, так и в будущей. Это отчасти и будет духовный дар Богу, ибо он так благ, что принимает, как бы себе, все то, что мы делаем для ближних наших.

Принеси с собою в церковь и другой дар, угодный Богу, милостыню для нищих, или раздай ее на дороге, если нет их в церкви, потому что они также братья твои, происходящие с тобою одинаково от первого человека Адама, который создан был от Бога невинным и согрешил. Нищие сии, если они не Христиане, не менее должны заслуживать твое сострадание, ибо они, как рожденные Адамом, будучи такие же грешники как и ты, не

знают подобно тебе Искупителя человеческого рода, Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, который сошел на землю и пострадал на кресте, чтобы спасти нас и искупить от грехов.

Ты можешь принести с собою еще и третий дар, свечи, которые возжешь пред иконами Господа Иисуса Христа и пречистой его Матери и Святых, ему угодивших в сей жизни и им прославленных в будущей. Возжжением сего света ты выражаешь свое к ним глубокое благоговение и то внутреннее пламя, которое должно гореть в твоём сердце, при воспоминании о их святой жизни, служащей тебе образцом.

При входе в церковь осени себя знамением креста с сею молитвою: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», в память того креста, на котором распят был за тебя твой Спаситель, и сим знамением, как самым сильным оружием, огради себя от всякой нечистой мысли, и направь весь свой ум и сердце к молитве, ибо человек, приступающий к Богу, должен забывать человеческое, чтобы только помышлять о божественном.

Вот ты вошел в церковь. Ты видишь, что она разделена на две главные части: одна выше другой, отделена от нее и доступна только одним священнослужителям, которые совершают службу свою пред престолом и не в обыкновенных одеждах, а в священных ризах; что же все сие значит?

Алтарь отделен от прочей церкви для того, что ты, как непосвященный, недостоин взирать на высокие таинства, в нем совершаемые; потому он и возвышен над помостом. На жертвеннике, стоящем по левую сторону, готовится жертва, приносимая за грехи твои, а на престоле она совершается; потому и должен ты почитать его, как бы самый престол Божий: врата, к нему ведущие, называются царскими, как бы вход в небесное царствие, ибо ими входит и исходит к тебе сам Господь наш Иисус Христос, в образе жертвы; осеняются они и завесою, для большей сокровенности таинства, тебе недоступного.

Но оно доступнее священнослужителям, для сего исключительно посвященным, Архиерею или Священникам его совершающим, и Дияконам при нем служащим; все они облакаются на сие служение в особенные ризы, чтобы тем показать: каким образом, приступая к святыне, должно иметь светлую, чистую совесть и возвышаться духом до созерцания божественных предметов.

Ты же, хотя издали, мысленно последуй за ними и, видя сколь священно их служение пред Богом, почитай и люби их, как своих наставников в вере, как своих отцов духовных, которые приемлют от тебя

грехи твои и приносят за них жертву.

Прежде начала божественной службы и во время приготовления к оной священнослужителей в алтаре, положено чтение, так называемых часов, т. е. возвышенных молитв на разные часы дня, собранных вместе, чтобы и тебя приготовить к благочестивому вниманию, для назначаемой литургии, если только ты вникнешь и уразумеешь сии молитвы.

Обедня или литургия начинается благословением царства Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, которых ты, как Христианин православный, научился исповедовать, при святом крещении, для того чтобы достигнуть некогда сего небесного царствия, обещанного нам Спасителем нашим, Господом Иисусом Христом.

Потом Диакон произносит, во услышание всего народа, краткие молитвенные воззвания, о благах временных и вечных, на которые хор поющих, от лица всего народа, отвечает благоговейно: «Господи помилуй!» Так и ты, хотя не вслух, но втайне, на каждую сию молитву говори в своем сердце: «Господи помилуй!» ибо ты должен, от всей глубины души твоей, молиться: о свышнем мире и спасении души твоей; за все святые Христианские Церкви рассеянные по всему миру; за ту Церковь, в которую ты самходишь, со страхом Божиим и благоговением, за Святейший Синод, собрание верховных Пастырей Русской Церкви, посвящающих и посылающих тебе духовных наставников, отцов твоих; за благочестивейшего Государя Императора, Покровителя и защитника православной веры.

Ты должен также молиться, о всяком граде и стране и верую в них живущих; о изобилии плодов земных для общего пропитания, о плавающих, путешествующих, страждущих, плененных; о избавлении всех, от всякой скорби, гнева и нужды, заступлением и благодатью Божией, и наконец ты должен ежедневно и ежечасно, предавать самого себя и всех твоих близких Христу Богу, при заступлении Пречистой его Матери и всех Святых, которые непрестанно молят его о душах наших, как истинные заступники и ходатаи наши пред небесным престолом.

Таков возвышенный смысл первых молитвенных воззваний, произносимых Диаконом пред царскими вратами: будь к ним внимателен, ибо он за тебя их произносит; он научает тебя молиться Богу, когда ты, как младенец, не умеешь открыть уста свои; если же чего и недоразумеешь или не дослышишь, говори только, в простоте твоего сердца, но с теплою верую: «Господи помилуй, Господи помилуй!» и молитва твоя дойдет к Богу, ибо Бог твой близ тебя, а Церковь его есть нарочно устроенное им

сокровище, в которое он приемлет молитвы, приносимые смотря по силам каждого.

Посреди сих первых молитв, ты уже услышишь и краткое исповедание веры, которому тебя научали в Катехизисе твои наставники духовные, совершающие теперь пред тобою божественную службу; и хор поющих за тебя возглашает сие исповедание: каким образом едиnorodный Сын Божий, будучи бессмертен, изволил для нашего спасения сделаться человеком, родившись от Пречистой Богородицы Девы Марии, и распялся за нас, чтобы смертью своею поправить нашу смерть.

После сего открываются в первый раз пред тобою врата царские, и ты видишь торжественное шествие Священника и Дякона, со святым Евангелием, дабы ты чрез сие вспомнил, как некогда сам Господь наш, Иисус Христос, явился в мир, для проповеди того спасительного Евангелия, о котором и до тебя достигла благая весть. Посему, как некогда те, которые видели самого Господа, и ты призываешься к нему сими словами: «приидите поклонимся и припадем ко Христу; спаси нас Сыне Божий, воскресший из мертвых, нас поющих тебе аллилуйя», т. е. похвалу или славу, и слава сия воздается в молитвах, каждому из трех лиц Святой Троицы, для того чтобы ты более утвердился в сем основном учении Христианской веры, без которого никто не может называться Христианином: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный помилуй нас; слава Отцу и Сыну и Святому Духу».

За сим следует чтение Апостольских посланий, которыми Апостолы просветили мир, когда они обошли всю вселенную, чтобы научить ее истинной вере во Св. Троицу, Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого. Чтение божественных деяний Христовых, предлагается нам во услышание из его Евангелия, вслед за посланиями Апостольскими, дабы мы научались подражать ему и любить нашего Спасителя, за его к нам неизреченную любовь, как дети отца своего.

Тогда закрываются на время царские врата, из которых к нам истекла благая весть Евангельская, и Дякон возглашает опять молитвы к Богу отцов наших, чтобы, по великой своей милости, помиловал нас; повторяя прежние прошения, он присоединяет к ним еще молитвы за усопших отцов и братьев наших, которых мы никогда не должны забывать, дабы и нас воспоминали дети наши пред престолом Божиим. Он молится и о всех предстоящих в храме и ожидающих от Господа великих и богатых милостей, и хор отвечает за народ, тройственным: «Господи помилуй», чтобы умножилась ревность молящихся, усугублением сего воззвания к Господу, при каждой молитве.

По благодати Божией ты Христианин и принадлежишь к числу верующих; но есть другие, которые еще находятся во тьме язычества, ибо еще не получили света Христова в святом крещении, подобно тебе. Есть некоторые, которые только готовятся принять Св. крещение уже в зрелом возрасте, а не в младенчестве. Такие лица называются оглашенными, ибо до них достиг только глас истинной веры, но они еще не приняли ее, в таинстве крещения, которое одно только может омыть нас от грехов и сделать нас истинными чадами Божьими на земле, – посему они еще не могут присутствовать при совершении таинств церковных: к ним призываются одни только верные Христиане, а не окрещенные должны удаляться из церкви по гласу Диакона: «оглашенные изыдите»; но прежде за них молятся верные, дабы Господь помиловал их, и просветил словом истины, и соединил со своею Церковью. И ты помолись о них усердно Богу, благодаря его от всего сердца, за то, что ты сам уже принадлежишь к числу спасаемых, а потом, когда Диакон призывает к молитве уже одних только верных, повторяя опять вкратце несколько из прежних прошений, собери все твое внимание духовное, ибо пред тобою будет совершаться только то, что могут созерцать одни верные.

Ты слышал учение о Ангелах благих, светлых, непрестанно предстоящих престолу Божию, которые носят различные наименования, по степени их славы: Архангелов, Херувимов и Серафимов. Теперь, когда приближается торжественное время совершения таин Христовых, Церковь внушает тебе: уподобиться сим блаженным Духам, в благоговении к святине. «Мы, которые в тайне образуем собою Херувимов, воспевающих трисвятую песнь животворящей Троице, отложим ныне всякое попечение житейское, дабы поднять Царя всех Христа, невидимо носимого Ангельскими чинами».

Во время сего пения, Священнослужители исходят из алтаря, со священными сосудами, которые переносят с жертвенника на престол: Священник несет чашу, а Диакон держит над головою, на блюде или дискосе, священный хлеб, предназначенный для совершения жертвы и называемый посему Агнцем, ибо он изображает Христа, принесенного в жертву за грехи наши и, после освящения Даров, послужит для причастия верных. Посему преклони благоговейно пред Св. Дарами голову, и поелику Священнослужители громко поминают, во время сего шествия, власти духовные и мирские и всех православных Христиан, молись и ты внутренно, чтобы помянул тебя Господь во царствии своем.

После сего знаменательного хода, закрытие царских врат и опущение завесы означает, что тайна, долженствующая совершиться в алтаре, уже

недоступна не только тленным очам твоим, но и слабому разуму, и что только издали, с чистою верою, можно ей поклониться, не стараясь проникнуть в то, что свыше твоего разума, ибо божественное не вмещается в человеческом понятии.

Но дабы, во время совершения таин, тебе недоступных, назидать тебя молитвами, исходит из заключенного алтаря Диакон, внушая: исполнить твою молитву Господу; однако молитвы сии, сообразно с возвышенною минутою божественной службы, должны более относиться к благам вечным, нежели временным, и потому он молится: о провоздении всего и всякого дня свято, мирно и безгрешно; об Ангеле мирном, верном хранителе душ и телес наших; о прощении и оставлении грехов наших; о всем добром и полезном для душ наших; о скончании прочего времени нашей жизни в мире и покаянии, и наконец о христианской кончине нашей жизни, безболезненной, непостыдной, мирной, и о добром ответе на страшном судилище Христовом; ибо сие должно быть всегдашнею и единственною целью нашей жизни, которую мы все должны предавать Христу Богу.

После сих мирных прошений, на которые отвечает хор, уже не обычными словами: «Господи помилуй», а другими прямо просительными: «подай Господи», Диакон, услышав из уст Священника желания мира всей Церкви, возбуждает всех верных христиан: «возлюбить друг друга, дабы единомысленно исповедовать», и хор, в знак сего единомыслия, доканчивает слова его: «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную».

За сим кратким исповеданием следует, по воззванию Диякона, более пространное под именем Символа: т. е. образца веры. Ты научен ему и повторяешь ежедневно, на утренней и вечерней молитве, но хорошо ли уразумел смысл его? – Следуй мысленно за словами и исповедуй не токмо устами, но и от всего сердца: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого; верую и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия единородного, рожденного от Отца прежде всех веков». Дабы ты лучше понял его божественное рождение, превышающее наш разум, Символ объясняет тебе: что сей Сын Божий есть Бог истинный, рожденный от Бога истинного, как свет от света, а не сотворенный подобно прочей твари, которая им создана; Он же, как Бог, единого существа с Отцом своим.

Далее Символ веры, в кратких чертах, раскрывает тебе и земную жизнь Сына Божия: каким образом, для нашего спасения и за нас человек, снизшел Он с небес и благоволил принять на Себя плоть нашу,

от Девы Марии, содействием Св. Духа, и сделался истинным человеком; распялся за нас, во время правительствовавшего в Иерусалиме областного начальника Пилата, страдал и погребен был совершенно как человек, но как Бог воскрес, в третий день из мертвых, так как о нем сие предсказано было, за многие столетия, в книгах Св. Писания; и не только воскрес, но и вознесся на небеса, отколе снизшел, и сидит одесную Отца своего и опять снидет на землю, уже не в образе уничижения, но со славою, чтобы судить живых и мертвых, ибо его царствию не будет конца.

«Верую, говорит Символ, и в третье лицо Св. Троицы, Духа Святого, Господа животворящего, который от Отца исходит, и со Отцом и Сыном поклоняется и славится; он глаголет чрез Пророков, которые некогда возвестили долженствовавшее совершиться спасение миру чрез Сына Божия».

«Верую и во единую, святую, Соборную и Апостольскую Церковь», которая есть хранительница чистого учения о Боге, преданного ей Богом самим, чрез Св. Писание и предания Апостольские и Св. Отцов, от коих оно перешло непрерывно и до твоих духовных наставников в вере. Посему, сходно с сим небесным, чистым учением, а не иначе, исповедуй единое крещение, и вместе с сим первоначальным таинством, и прочие шесть за ним следующие, по благодати того же Св. Духа, в них действующего, а именно: миропомазание, которым запечатлеваются в тебе дары духовные, после того как ты обмыл грехи свои в водах крещения; причащение, чрез которое ты входишь в общение с самим Господом Иисусом Христом, чрез вкушение его божественных тела и крови, приготовив себя прежде к их принятию, исповеданием грехов твоих в таинстве покаяния; брак, которым сочетаешься законно с созданною от Бога помощницею для воспитания себе подобных во славу его; елеосвящение, святым елеем при соборной молитве, исцеляющее твои недуги, телесные и душевные, и напутствующее тебя к вечной жизни, и наконец таинство священства, которое, благодатью Духа Святого, передает мужам избранным власть и силу, сообщать дары духовные верным и быть блюстителями Церкви Христовой.

Символ утверждает, наконец, веру твою в Господа Бога и его Церковь, упованием ожидающего всех нас воскресения мертвых, в прославленном теле, и жизни будущего века, к которой ты должен уже отселе стремиться, чистыми и праведными делами временной своей жизни.

После пения Символа веры Диакон возвращается в алтарь, чтобы служить Священнику при совершении таин, возбудив тебя прежде, к доброму стоянию в церкви, со страхом и вниманием, для мирного

приношения бескровной жертвы. Пастырская забота одушевляет и Священника во глубине алтаря, когда он, пожелав тебе сперва духовные блага, от каждого лица Св. Троицы: благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога Отца и причастие Св. Духа, внушает всем, чтобы обратили сердца свои только к небесному, и достойно возблагодарили за то Бога. – И хор поющих, как бы уверенный в твоём внутреннем расположении, за тебя ответствует: «имамы (т. е. сердца наши) ко Господу» и «достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельной». Священник, вознося все выше и выше свои молитвы, громогласно напоминает тебе об Ангелах, Серафимах, «победную, т. е. торжественную песнь поющих, вопиющих, взывающих и глаголющих» к Богу, и ты слышишь самую песнь сию. «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, т. е. Бог сил, исполнивши небо и землю славы своея».

Теперь, по истине, стань со страхом и внимли: как будет приноситься за тебя жертва Христова, во внутренности святилища! Ты слышал, из божественного Евангелия и из учения духовных наставников: как Господь наш Иисус Христос, в ту самую ночь, в которую он был предан, одним из учеников своих, в руки иудеев, чтобы пострадать за грехи наши, собрав своих Апостолов на тайную вечерю, взял пред ними хлеб, благословил его и, преломив, дал им вкушать, говоря: «приимите и ядите, сие есть тело мое, за вас ломимое во оставление грехов», также подал им и чашу, говоря: «пейте от нее все, сия есть кровь моя, нового завета, за вас и за многие изливаемая, во оставление грехов». Сии самые дивные слова Спасителя нашего, произносит в слух всех Священник, стоящий пред престолом и указывающий на предложенные святые дары, хлеб и вино, чтобы напомнить тебе о вечери Христовой, к которой ты готовишься приступить.

Потом он поднимает их крестообразно с престола, как жертву готовую принестися за весь мир, восклицая: «Твоя от твоих, тебе приносяще о всех и за вся!» и совершает сию жертву, призыванием на нее Духа Святого, и благословением, силою коего освященный хлеб прелагается в истинное тело Христово, за тебя пострадавшее на кресте, а вино в чаше в истинную кровь Христову, за тебя пролитую со креста. Он сам простирается на землю, со страхом и благоговением пред сим величайшим таинством; и ты также, помышляя о неизреченных к тебе щедротах Бога Спаса твоего, смиренно преклонись на землю, во время пения: «Тебя поем, тебя благословим, тебя благодарим Господи и молимся тебе Боже наш», ибо это есть самая важная и торжественная минута из всей Литургии, – совершение таин!

По совершении оных, воспоминает над ними Священник всех живых и усопших, за которых они приносятся, начиная от Святых благоугодивших Богу, и наипаче (изрядно) о пресвятой, пречистой, преблагословенной, славной Владычице нашей Богородице и присно Деве Марии, которой воздают должную хвалу поющие лики, величая ее: «Честнейшею Херувим и славнейшею Серафим», ибо она истинно выше, по благодати, всех без сравнения небесных Ангельских Сил, и достойна на земле всякого ублажения, как родившая Спаса душ наших.

В молитве за живых, воспоминает Священник и о духовной власти, о Святейшем Синоде, и просит Господа: «дабы все единым сердцем и едиными устами, славили и воспевали всечестное и великолепное имя, Отца и Сына и Св. Духа», и для сего желает всем: «милостей великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», ибо только по его благодати, может сие исполниться.

Тогда опять выходит, из заключенного алтаря, Диакон и возбуждает: «помянув все святое, опять обратиться к молитве, дабы Господь, приняв нашу жертву в свой небесный жертвенник, ниспослал нам божественную благодать и дары Св. Духа»; он повторяет те же высокие прошения, о духовных благах, которые ты уже слышал прежде совершения таин. Священник, почитая всех молящихся, уже достаточно приготовленными к принятию сих благ, взывает к Господу: «чтобы он сподобил нас, неосужденно, сметь призывать его, как небесного Бога и Отца, и глаголать к нему сию молитву, которую некогда сам Спаситель передал своим Апостолам, когда они просили его научить молиться: «Отче наш!»

И ты научен был сей молитве, прежде многих других молитв: ты знаешь ее наизусть и повторяешь ежедневно, утром и вечером; но хорошо ли ты вникнул в божественный смысл ее? – Чувствуешь ли, как близок Бог Христианский призывающим имя его, ибо Он не таков, как страшные боги язычников, для них недоступные и чуждые; нет, он к тебе близок, ибо он Отец твой, который не пощадил для тебя Сына своего Единородного, и нисходит к единению с тобою, в своем Духе Святом, которым тебя исполняет чрез таинства церковные. Что может быть теснее сего союза? – Тебе не страшно говорить с земным отцом твоим; не чуждайся и Небесного, говори ему только с сыновнею любовью и простотою сердца: «Отец наш, живущий на небесех, да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя, как на небесах, так и на земле». Но когда же это все будет? – когда ты сам будешь исполнять волю его, отказавшись от порочных влечений собственной воли; когда ты будешь освящать добродетелями жизнь свою, во имя Отца твоего небесного,

который примет тебя в царствие свое и, по благодати своей, изберет собственное твое сердце своим жилищем и престолом, на коем воцарится в тебе.

Далее чего ты просишь? – насущного хлеба, и не желай излишнего, помышляя о жизни вечной более нежели временной; проси оставления грехов своих и поистине получишь, если заплатишь тем же оставлением должникам своим; и Господь тебя избавит от искушений всех бед, ради твоего смирения.

После тайной молитвы над преклонившими главы, по гласу Диакона, Священник, задернув завесу, возглашает: «святая святым», т. е. святые дары для святых людей, чтобы ты чувствовал, с каким благоговением и чистотою, должно приступать к такой святыне; – ты же, проникнутый своим недостойнством, повторяй мысленно вместе с хором: «един свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь».

В сие время Священнослужители, внутри алтаря приступают благоговейно к причащению святых и страшных таин Христовых. Последуй и ты мысленно во внутрь святилища, как бы на самую вечерю Христову с его учениками, и, если ты сам готовишься к приобщению Св. таин, то, доколе еще есть время, опущена завеса и закрыты врата царские, отвергай сердцем все грехи твои, которые накануне исповедал в таинстве покаяния, пред духовным своим отцом, сокрушайся о них и моли Господа дать тебе довольно твердости, чтобы не повторять их. С таким расположением душевным приступай к причащению тела и крови Христовых, когда, с открытием царских врат, возгласит Диакон: «со страхом Божиим и верою приступите».

Но от тебя потребуется прежде устное исповедание сей веры; внимай словам, какие будешь произносить вслед за Священником, пред чашею пред лицом Христовым: «Верую Господи и исповедаю, что ты воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедший в мир спасти грешников, из коих я первый. Еще верую, что сие есть самое пречистое тело твое и сия есть самая честная кровь твоя; и так молюсь тебе: помилуй меня и прости мне все согрешения мои, вольные и невольные, словом или делом, ведением или неведением соделанные мною, и сподоби меня неосужденно причаститься пречистых твоих таин, во оставление грехов и жизнь вечную».

Вспомни, что умоляя Господа принять тебя причастником своей вечери, ты обещаешь ему не открывать таин его врагам его, ни давать ему лобзания, подобно предавшему его Иуде, но как разбойник, уверовавший в него на кресте, исповедовать: «помяни мя Господи во царствии твоём» дабы не в осуждение было тебе сие причащение святых таин, но во

исцеление души и тела.

Тогда, осенив себя знамением креста и сложив крестообразно руки, дерзай приблизиться к спасительной чаше и принять тело Христово и вкушать бессмертного источника, поистине, во оставление грехов и в жизнь вечную, и опять с благоговением преклонись пред ними, когда Священник, относя их с престола на жертвенник, в память вознесения на небеса Господа, покажет тебе еще однажды Св. дары, во вратах царских, и возгласит: «всегда, ныне и присно и во веки веков»: ибо ты точно, по словам поющего хора, «видел свет истинный, приял в себя Духа небесного, обрел веру истинную и поклоняешься нераздельной Троице, которая спасла тебя», и потому моли ее: «исполнить уста твои хваления Господу, дабы ты мог весь день воспевать славу его».

В последний раз исходит Диакон, после приобщения страшных Христовых таин, и, испросив у Господа течение всего дня мирное, святое и безгрешное, напоминает, чтобы мы предали самих себя и друг друга Христу Богу, а Священник посредине церкви, читает отпустительную молитву, для мирного исшествия из храма. Став потом в царских вратах, в последний раз благословляет он народ и, возгласив славу Богу, подает всем утешительное упование: что «Христос, истинный Бог наш, ради молитв пречистой своей Матери и всех Святых, помилует и спасет нас, как благий и человеколюбец».

Книга вторая. О Великом посте и Пасхе

Письмо I

Итак, по твоему желанию, продолжая беседы наши, любезный друг, мы вступаем ныне на пространное поприще великого поста. Не думай однако, чтобы я привел тебя к некоей безводной пустыне, на отдаленном краю коей, с нетерпением, будешь ты ожидать появления светлого праздника. Нет, и сию мнимую для тебя пустыню оживили, благодатными водами, святые Отцы Церкви, и ее обратили они в землю возделанную, усеянную цветами Иисуса Христа, ибо вертоградарями были: Дамаскин и Косма, Студиты и Андрей Критский, светильники своего века и последующих, воссиявшие из глубины уединенных келий. Прежде нежели приступим к раскрытию трудов их, я уже могу заранее обратиться к тебе, как бы от их лица, сии сладостные слова блаженного Иеронима к своему другу:

«Посмотри, я собрал для тебя удивительные места из Святого Писания и я, так сказать, сплел тебе душистый венок покаяния, из лучших Евангельских цветов: возложи его на чело твое, прими кроткий дух и крылья голубицы, и полети искать покоя и примирения у Господа, сего столь милосердаго Отца».

Поистине, благая Церковь, заботясь о спасении детей своих, семью неделями великого поста и тремя им предшествующими, как будто написала (если только позволено так выразиться) поэму всего человечества, резко обозначив три его грани: падение, искупление и последний суд. Все же пространство сей трогательной поэмы наполнила она, то горьким плачем покаяния, то псаломными восторгами, то пророческим вдохновением о грядущем спасении, то самым изображением страданий Искупителя, уже не только в песнях духовных, но и в обрядах, для большего впечатления. Весь наружный человек должен содействовать внутреннему, в деле своего спасения: и ухо его должно слышать, и око видеть, и молиться уста, и руки подыматься к небу, и припадать колена, и смиряться к земле гордое чело, и наконец, поститься алчная утроба, влекущая долу высокие помыслы духа.

За три недели до великого поста, уже начинается духовное приготовление, и притча, о Мытаре и Фарисее, научает нас сокрушенной молитве, без кичения духа. Потом, в другой воскресный день, притча, о блудном сыне, приведет каждого, не совсем ожесточенного грешника, в сокрушение о грехах своих, или если сего не довольно, то в следующую неделю заставит его содрогнуться чтение страшного Евангелия, о

последнем суде. И вся сырная неделя, провождаемая нами, по большей части, в увеселениях, посвящена памяти сего суда. Но накануне Церковь сострадательно воспоминает, в молитвах, души всех преставльшихся, которые, по насильственной или внезапной кончине, не могли в свое время воспользоваться молитвами и таинствами, и сие творит для того, чтобы ни одна вверенная ей душа не предстала на суд, без спасительного щита ее. В конце же сырной недели, для поощрения верных, воспоминает пустынных подвижников, пребывавших в посте и молитве.

Наконец, последнее воскресение, пред самым постом, открывает вход к нему, повествованием о грехопадении праотца Адама, дабы мы знали, что оплакивать во дни плача, и еще более восчувствовали, из какой бездны извлек нас Искупитель, когда, на конце дней сих, будем прославлять победу его над смертью: и посему, в первые четыре дня поста, читается с умилением великий канон покаяния.

Не без высокой цели учредила Церковь праздновать и восстановление честных икон, в первый воскресный день великого поста, называемый обыкновенно неделю Православия, возбуждая нас, сим торжеством, к возобновлению в падшем человеке образа Божия, чрез теплую веру в Иисуса Христа. Когда же, зная по опыту немощь человеческую, видит она, что силы телесные начинают изнемогать от подвигов поста, то на середине его выносит, для подкрепления верных, крест Господень, знамение победы, и на пятой неделе поддерживает снова унывающих, чтением великого канона покаяния, и примером духовных подвигов Марии Египетской, и похвалою Богоматери, скорой помощницы в скорбях наших.

Утешительное воскресение Лазаря, как предвестие общего восстания мертвых, и торжественный вход Спасителя в Иерусалим, освежая духовную радостью душу, дают ей и новые силы к перенесению трудных подвигов страстной седмицы; а сия одна, обширными созерцаниями, объемлет весь мир, видимый и невидимый, всю глубочайшую связь неба и земли, столь резко разрозненных, жизни и смерти, столь по-видимому несодружимых, все поприще страданий Богочеловека, которое только вечность может измерить, хотя оно чудесно заключено в немногих земных днях, и наконец внезапно переносит нас, от плача ветхого Адама над гробом Адама нового, к светлому и светоносному «Христос воскрес»!

Вся же святая, великая Четыредесятница подражает, числом дней, и сорокадневному посту Моисея на Синае, для приятия ветхого завета, и сорокадневному посту Илии Пророка на Хориве, услышавшего глас Господень в легком дыхании эфира, после бурь и громов, и сорокадневному посту самого Спасителя, на горе искушения, пред

началом благовествования нового завета. Вся она есть, как бы десятая часть целого года, из числа дней нашей жизни, удаленная сокрушенным сердцем в жертву Господу.

Но так как, в семи неделях великого поста, более сорока дней, то ты можешь спросить: от которого же и до которого дня простирается Четыредесятница? Должно знать, что Церковь, от времен Апостольских, не употребляет всей строгости поста, не только в день воскресный, как посвященный радостному воскресению Христову, но и в субботный, как посвященный воспоминанию сотворения мира, и коленопреклонения в сии дни не употребляются в церкви. Посему некоторые из древних Палестинских Отцов пустыни, присоединяя сырную к семи последующим, и исключая из сего времени все субботы и воскресения, таким образом, производили число сорока дней, в строгом смысле постных. Вообще же православная Церковь, держась предания Апостольского, ограничивает, под именем Четыредесятницы только первые шесть недель поста, не прилагая к ним, Лазарева и Вербного воскресения, как дней торжественных, что составляет сряду полное число сорока дней, и потому поется в Вербную субботу: «душеполезную совершивше Четыредесятницу, и святую седмицу страсти твоя просим видети человеколюбче». А великие дни страстной седмицы, ради страшного воспоминания Господних страданий, Церковь чтит отдельно от прочих недель, особенными молитвами и обрядами, как венец всего поста и преддверие Пасхи.

К сим возвышенным драгоценным дням великого поста, как бы исключительно дарованным нам для нашего спасения, призываю я ныне все твое внимание. Не поскупимся временем на молитву, которое мы часто расточаем, и доколе не исчезли в суете дни наши, воздадим должную десятину их Богу, все нам даровавшему.

II. О Посто

«Отверзошася божественного покаяния преддверия; приступим усердно, очистивши телеса, брашен и страстей отложения творяще, яко послушницы Христа, призвавшего мир в царствие небесное, десятины всего лета приносяще всех Царю, яко да и воскресение его любовно узрим».

Так поучительно встречает нас Св. Церковь, в преддверии Великого Поста, приглашая нас, погруженных в греховную жизнь, пожертвовать, на покаяние и очищение наше, хотя десятую часть целого года, проводимого нами в непрестанной суете; и это даже не даром, но в цену нашего спасения, в цену будущей жизни. Какой же на сие ответ? как приемлется сие приглашение? – «мнози суть звани», по изречении Господней притчи, «мало же избранных» (Лук. 14:18, 20). Некоторые, под предлогом немощи, хотят уклониться от поста, ясно заповеданного в Св. Писании ветхого и нового Завета; а другие, перетолкованием самих слов Евангельских, ищут себя оправдать в неисполнении заповеди поста.

Обыкновенные их возражения состоят в том, что лучше делать добрые дела, нежели поститься и грешить, как будто бы несоблюдение поста облегчит их от возможности грешить, и перевес греха останется на стороне постящихся. Еще говорят: что хотя и упоминается в Евангелии о посте, но не определен самый род пищи, и из сего заключают, что можно совсем не заботиться о посте. Некоторые почти кощунствуют над изречениями Евангельскими, прилагая к себе слова и искажая по произволу их полный смысл, большею частью по неведению подлинного текста. Так напр. они ссылаются на слова Ап. Павла: «предлагаемое ядите, или: брашно нас не поставит пред Богом», и проч. и, на основании сих неправильно понятых советов Апостольских, открывают широкое поле своему чревоугодию, как бы утверждаясь на заповеди самого божественного Павла. Не будет ли полезно для людей неопытных, но желающих узнать истину, прояснить сии тексты, представив их в совершенной полноте, и вместе с тем извлечь из Св. Писания нового завета то, что в нем наиболее внушается нам о постах?

Раскроем сперва божественное Евангелие и вникнем, что там сказано о посте: «Иисус же, исполнь Духа Свята, возвратися от Иордана и ведяшеся Духом в пустыню, дний четьредесять искушаем от диавола, и не ясть ничесоже во дни тья, и скончавшимся им, последи взалка» (Лук. 4:1–2). Итак, тотчас после крещения, пред началом божественной своей

проповеди, сам Господь, Духом ведется в пустыню, для сорокадневного поста. Если же Господь принял на себя образ человеческий, дабы во всем показать нам благой пример: то конечно не без особой цели, в начале благовестия, полагает пост Четыредесятницы. Но скажут: один Господь мог совершить ее без пищи. Этого и не требуется от человека, хотя и были избранные мужи в ветхом завете, подобно Моисею и Илии, которые предварили самого Господа, силою его благодати, на поприще сорокадневного поста; были и в новом завете угодники Божии, которые силою того же Духа сделались подражателями Господу в пустыни, неядением чрез все время Четыредесятницы. Довольно часто можно встретить и теперь людей между пустынноиками, вкушающих только единожды в седмицы Великого Поста; Церковь же, снисходя к нашей немощи, как опытный врач духовный, определила нам самый род и меру пищи, необходимой для поддержания телесных сил, если только мы хотим врачевать душу по ее спасительным заповедям.

А дабы мы ясно видели, из самого Евангелия, что заповедь поста существует для всех верующих, мы встречаем там неоднократные о нем напоминания самого Господа. Таким образом, при начале евангельской проповеди о блаженствах, он дает наставление, каким образом должно поститься без лицемерия: «Егда же поститесь, не будите якоже лицемеры, сетующе: помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящися; аминь глаголю вам, яко восприемлют мзду свою. Ты же, постяся, помажи главу твою и лице твое умьй, яко да не явишия человеком постяся, но Отцу твоему, иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве» (Матф. 6:16–18).

Когда однажды спросили Господа: для чего ученики Иоанновы и Фарисейские постятся, а твои не постятся? он отвечал им: «еда могут сынове брачнии, дондеже жених с ними есть, поститися? елико время с собою имуть жениха, не могут поститися; приидут же дние, егда отъимется от них жених, и тогда постятся в тьи дни» (Марк. 2:18–20). Спросили ученики Господа своего однажды, когда изгнал он духа нечистого из отрока: «яко мы не возмогохом изгнати его? – и рече им: сей род ничимже может изыти, токмо молитвою и постом» (Марк. 9:29). Не великое ли это свидетельство самого Господа Иисуса, что власть над духами нечистыми даруется только тем, которые сами, молитвою и постом, умертвили плоть свою и сделались вместилищем Духа Святого? – И кого же назвал всенародно, Господь Иисус, большим из всех рожденных женами? (Лук. 7:28). – Не Предтечу ли своего, Иоанна Крестителя, который всю свою жизнь провел в пустыне, «ядый акриды и мед дивий»?

(Марк. 1:6).

Хотящие «оправдаться фарисейски» думают однако найти, и в словах Господа, одно изречение, которое кажется им благоприятным: не входящее во уста сквернит человека, но исходящее из уст, то сквернит человека» (Матф. 15:11), хотя Господь объясняет значение сей речи. Причина, почему она была сказана, подробнее изложена у Евангелиста Марка, и тут можно ясно видеть, как произвольно приводит изречение сие, себе в оправдание, нарушители поста, хотя оно несколько к нему не относится. Фарисеи, увидев некоторых из учеников Господа, неумытыми руками ядущих хлеб, осуждали их, ибо Фарисеи и все Иудеи не едят, не умыв рук, держась предания старцев; также пришедши с торгового не едят, не омывшись, и других многих держатся преданий, как то: омывают чаши, кувшины, котлы и скамьи (Марк. 7:2). По причине сего осуждения фарисейского, Господь напомнил книжникам слова Пророка Исаии о лицемерах, которые чтут Бога только устами, когда их сердце далеко отстоит, ибо они отменяют заповеди Божии, чтобы сохранить предания человеческие, омывая кувшины и чаши и многое сему подобное, и присовокупил: что ничто входящее извне не сквернит человека, ибо проходит чрево и извергается, но исходящее изнутри сквернит человека, так как изнутри исходят все помыслы злые и всякое зло.

Здесь, как видно, нет ни одного слова о посте, ни какого-либо дозволения нарушать оный; ибо Господь, как творец закона, не пришел нарушить оный, но исполнить всякую его йоту или черту (Матф. 5:17–18). Откуда же могли заимствовать столь неправильное применение слов Господних, тем паче, что и в православной Церкви, нарушение поста почитается преслушанием заповеди, а не осквернением человека? – Вот как произвольно употребляют, в свою пользу, тексты евангельские те, которые не дают себе в них отчета.

Прежде нежели вникнем в то, что проповедали нам Св. Апостолы, в богодохновенных посланиях, о посте, посмотрим в книге их Деяний, как соблюдали они сами сию заповедь, принятую ими от Божественного их Учителя, не только словом, но и делом; ибо Господь, по свидетельству Евангелиста Луки, «начать творити же и учити» (Деян. 1:1). Мы видим, что все Апостолы единодушно пребывали в молитве и молении и преломлении хлеба; а где вечеря Христова, там и воздержание. Во свидетельство того, что их общественная молитва была всегда соединена с постом, можно видеть пример Антиохийской Церкви: «служащим же им и постящимся, рече Дух Святой: отделите ми Варнаву и Савла на дело, на неже призвах их. Тогда, постившися и помолившися и возложше руки на

ня, отпустиша их» (Деян. 13:2).

И Петр Апостол, когда имел таинственное видение, о допущении язычников в лоно Христовой Церкви, стоял на молитве, не вкушая пищи до шестого часа (Деян. 10:9). Так каждое великое событие и служение ознаменовано было постом, в Церкви Апостольской.

Достоинно внимания и то, что первый язычник, обратившийся к Господу, Корнилий сотник Римский, чрез которого отверзлась дверь всем язычникам, милостынею, молитвою и постом, достиг царствия Божия. Ему явился Ангел с утешительным словом, что молитва и милостыня его возшли на память Богу, и велел призвать Симона, нарицаемого Петра, дабы услышать от него спасительные глаголы, и когда Апостол, пришедши в дом сотника, спрашивал: что было причиною его посольства? – Корнилий отвечал: «от четвертаго дне даже до сего часа бех постяся, и в десятый час моляся в дому моем, и се муж ста предо мною, в одежде светле, и рече: Корнилие, услышана бысть молитва твоя и милостыни твоя помянушася пред Богом. Посли убо во Иоппию, и призови Симона, иже нарицается Петр, иже пришед возглаголет тебе» (Деян. 10:30–32).

Не странное ли поистине дело, что некоторые Христиане находят совершенно излишним пост, и даже вовсе исключили его из своих постановлений церковных, как бы нечто человеческое, когда мы видим, из самых книг божественного Писания, что пост, как деятельное пособие к молитве, послужил даже во спасение язычникам? – Корнилий, сотник Римский, следственно обязанный строгою воинскою службою, а не какой-либо праздный человек, добровольно постился до девятого часа дня (что соответствует, по нашему исчислению времени, трем часам пополудни), и тогда явился ему на молитве, умерщвлявшему плоть свою, бесплотный Ангел с глаголом спасения. Если же, быть может, скажут, что в первые века Христианства, пост собственно состоял в совершенном воздержании от пищи до вечера, а не в определении самой пищи (которое однако, по уставу Церкви, также сопряжено с воздержанием до трех четвертей дня, а иногда и до вечера): то спросим у отринувших устав церковный о посте: соблюдают ли они по крайней мере Апостольский пример неядения до вечера? – А если нет, то пусть скажут: кто же разрешил их и от сего древнего порядка? Положа руку на сердце, пусть сознаются они сами, право ли поступают пред Богом и пред судом собственной совести, неблагоприятно смотря на других более послушных Церкви?

Теперь рассмотрим изречения посланий Апостольских о нашем предмете. Вся почти XIV глава послания к Римлянам рассуждает о пище: но она несколько не относится к посту Христианскому, хотя на ней

думают утвердиться желающие его нарушить. Предварив нас в начале, чтобы мы попечение о своей плоти не простирали до похоти, Ап. Павел говорит: «немоцнаго в вере принимайте, без споров о мнении, ибо иной уверен, что можно все есть, а другой, будучи слабее, ест овощи: ядый не ядущаго да не укоряет, и не ядый ядущаго да не осуждает» (Рим. 14:1–3).

Дабы уразуметь, к чему относятся слова сии, должно обратиться к толкованию Св. Иоанна Златоустого, который открывает настоящий смысл их: «Знаю, что слова сии для многих трудны к уразумению. Посему, нужно наперед изложить, что подало повод к сим наставлениям, и что хочет исправить Апостол этими словами. Что же такое хочет он исправить? – Многие из уверовавших Иудеев, и по принятии веры, имея совесть связанную законом, наблюдали строгую разборчивость в пище, потому что не осмеливались вовсе отступить от закона. Притом, дабы воздерживаясь только от свиного мяса, не подпасть за то нареканию, они стали уже воздерживаться от всего мясного и есть одни овощи, под тем видом, что наблюдают пост, а не иудейскую разборчивость в пище по закону. С другой стороны, были и более совершенные в вере, которые сами нисколько не наблюдали подобной разборчивости в пище, и еще наблюдавших оную отягощали и огорчали, своими укоризнами и обличениями, и даже ввергали в уныние. Посему, блаженный Павел опасался, чтобы они, имея намерение исправить не важный недостаток, не испортили всего; чтобы, желая отучить немощных в вере от разборчивости в пище, не довели их до отпадения от веры, и прежде времени стараясь все возвести к совершенству, не расстроили бы того добра, какого надлежало ожидать от них в это время: то есть непрестанными своими укоризнами не поколебали бы их в исповедании Христовом, так что после этого нельзя было бы исправить ни того, ни другого. Смотри же, как благоразумно действует Апостол, и, со свойственной ему мудростью, заботится о пользе той и другой стороны».¹

Но хотя советы Апостольские относились к соблюдавшим еще пост иудейский, а не Христианский, из них также можно извлечь полезное наставление и для Христиан, позволяющих себе нарушать заповедь церковную о постах, с крайним соблазном для их немощной братии: «Ежели же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи свою пищую того, за кого Христос умер. Для пищи не разрушай дела Божия: все чисто, но худо тому, кто ест на соблазн. Лучше не есть мяса и не пить вина, и не делать ничего такого, от чего брат твой претыкается, или соблазняется или изнемогает» (Рим. 14:15, 20, 21).

Как мудры и предусмотрительны слова Апостола! Часто люди

неопытные, видя людей, выше себя поставленных и сведущих, нарушающими заповеди церковные, которые для них кажутся неважными, чрез столь опасный пример, склоняются к нарушению других более важных заповедей, не отличая меньшего от большего, ибо первое преслушание отверзает им широкую дверь ко всем тяжким преступлениям.

В первом послании к Коринфянам находятся два известные изречения Апостола Павла, на который любят ссылаться нарушители поста, для своего оправдания: «брашно нас не поставит пред Богом» и «предлагаемое ядите»; но они так ясно оговорены предыдущими и последующими словами Апостола, как относящиеся единственно к идольским жертвам, что надобно привести только полный текст, дабы убедиться, что они не могут быть вовсе применяемы к заповеди о посте. Глава 8 начинается сими словами: «что касается до жертв идольских, мы знаем, потому что все мы имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает».

(Ст. 4). «Итак, касательно употребления в пищу жертв идольских, мы знаем, что идолы в мире ничто, и нет иного Бога, кроме единого; (7) но не у всех есть такое знание; некоторые и поныне, с совестью признающею идолов, едят, как жертвы, идольское, и совесть их, будучи немошна, тем сквернится. Пища не приближает нас к Богу (брашно же нас не поставляет пред Богом); ибо едим ли, ничего не приобретаем от того; не едим ли, ничего не теряем. Берегитесь, однако же, чтобы сия свобода ваша не послужила соблазном для слабых. Ибо если кто увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище: то совесть его, как слабого, не расположит ли его есть жертвы идольские? и от знания твоего погибнет слабый брат, за которого Христос умер. Таким образом, согрешая против братьев и уязвляя немошную совесть их, вы против Христа согрешаете. И потому, если пища соблазняет брата моего, не стану есть мяса во век, чтобы не соблазнить брата моего» (1Кор. 8:8–13).

И здесь опять, хотя сказанное относится к мясу жертв идольских, есть однако совет христианской любви: о несоблазнении пищею совести брата: это может быть с пользою применено к тем, которые вкушают мясо во дни, заповеданные Церковью для поста, так как этим, не менее идольских жертв соблазняется совесть немошных братьев, наученных с детства послушанию матери своей Церкви.

Говоря далее в главе 10-й о том же предмете, Апостол так выражается: «не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в столе Господнем и в столе бесовском. Все (мне) позволено, но не все полезно; все (мне) позволено, но не все

назидает. Никто не ищи своего, но (каждый) пользы другого. Все, что продается, на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести: ибо Господня земля и что наполняет ее. Ежели кто из неверующих позовет вас, и вы к нему захотите пойти: то все предложенное вам ешьте, без всякого исследования, для спокойствия совести» (1Кор. 10:20–27).

Относится ли это хотя сколько-нибудь к посту? – Апостол говорит: если кто из неверующих пригласит вас, то предлагаемое ядите, а не то, чтобы кто-либо из верных предложил вам нарушить заповедь поста. Весьма благоразумен совет Апостольский: первобытные Христиане, рассеявшись по вселенной для проповеди слова Божия, находились беспрестанно между язычниками: следственно, не могли соблюдать всех уставов ветхозаветных, которые соблюдал однако сам Апостол, будучи в Иерусалиме, как это видно из книги Деяний (Деян. 21:26). Дело проповеди могло бы пострадать от необщительности Христиан с язычниками, посему и разрешено им было, но только в доме неверных, а не у верных, не соблюдать различия пищи и вкушать все предлагаемое; однако и тут присоединен опять совет любви: «но когда вам кто скажет: это жертва идольская, то не ешьте для того, кто объявил вам, и для совести, ибо Господня земля и что наполняет ее» (1Кор. 10:28).

Сам Апостол о себе свидетельствует, что он был часто в посте (2Кор. 11:27). А мы верные, не заботясь о соблазне младших о Христе братии, без всякой необходимости, под самыми ничтожными предложениями, большею частью для угождения нашей плоти, нарушаем пост и, как щитом, прикрываем себя неправильно применяемыми словами Апостола: «все предлагаемое ядите».

До какой степени была уважаема заповедь поста в первые века Христианства, могут служить нам свидетельством правила, известные под именем Апостольских, потому что они действительно сохранились нам от Св. Апостолов и их ближайших последователей – мужей Апостольских. Ясно в них обозначен пост Четырдесятницы, а также среды и пятка, на память предания и распятия Господня.

Правило 69-е: «Аще кто Епископ, или пресвитер, или диакон, или иподиакон, или чтец, или певец, не постится во Св. Четырдесятницу пред Пасхою, или в среду, или в пяток, кроме препятствия от немощи телесных: да будет извержен; аще же мирянин, да будет отлучен».

Я уже говорил, что нелюбители поста оправдываются тем, что пост времен Апостольских различен был от нашего. Но кто доказал, что пост Апостольский ограничивал только время пищи, а не касался качества ее?

Если бы кто, постясь до вечера, сел за мясной, тучный и лакомый стол: не сказала ли бы ему совесть, что он насмехается над своим постом? Можно ли сие думать о Христианах Апостольских времен? – Впрочем, пусть бы наши нелюбители поста согласились поститься по-апостольски, так, чтобы воздерживаться от пищи до вечера, или вовсе не есть; но так как они сего не исполняют, то следует ли им отвергать не строгость, а снисхождение, которое оказывает нам Церковь в определении известного рода пищи, во время поста, для однообразия и порядка, дабы немощные могли следовать за более крепкими в исполнении заповеди? Между тем грустно видеть отступление от порядка церковного, который гораздо больше заключает в себе важности, нежели сколько предполагают пренебрегающие его наружными формами: потому что всякое стройное общество, равно церковное как и гражданское, необходимо должно быть подчинено какому-либо внешнему порядку, строго соблюдаемому для того, чтобы оно не рушилось.

Возьмем для примера училище. Может ли быть, чтобы там не были определены не только часы на занятия, на отдых и на пищу, но и самая пища, большею частью однообразная? – Иначе нельзя было бы свести счета ни времени, ни деньгам. – В строю воинском, не покажутся ли странными для неопытного, все повороты и командные слова? – и однако, если бы они все не исполнялись в точности, нельзя было бы сдвинуть с места полка, и если бы сверх того не соблюдалась строжайшая подчиненность, при всех малейших приказаниях начальства, все войско обратилось бы в нестройную толпу, которая бы не в силах была выдержать напора неприятелей. – Тоже можно сказать и о воинстве Христовом, которое необходимо должно быть в повиновении у своих пастырей и строго исполнять все заповеди церковные, чтобы противостоять нападениям опасного врага душ наших, о котором непрестанно предостерегает нас Церковь. Если мы, будучи больны, слушаем с покорностью предписания врачей, советующих нам не только воздержание в пище, но даже самый ее род, для большего успеха их лекарств: будем ли непокорны опытному гласу врачей духовных, когда они, вместе с постом, заповедали и самый его образ?

Напрасно люди, не желающие сознаться в своем малодушии, стараются оправдать себя мнимою маловажностью таких постановлений, и даже словами Св. Писания. Однако во главе его, на первых страницах Библии, мы уже видим пост заповеданный Адаму, запрещением известного плода, и нарушение сей заповеди есть начало первородного греха, ради коего сам Господь должен был войти на землю, чтобы

восстановить человека. – Вот как важно маловажное, по видимому, невоздержание в пище! – потому что, по словам одного нашего духовного витии, когда дело касается до нарушения заповеди Божией, одно и тоже «сорвать яблоко с дерева, что и солнце с тверди небесной». Пост же не есть заповедь человеческая, хотя таким его домогаются представить те, которые не имеют довольно твердости, чтобы соблюдать его; они думают стать выше в его собственных понятиях, а на самом деле становятся ниже: потому что преодоление чувственной своей природы выше произвольного послабления всем ее прихотям, а послушание заповедям еще выше поста и молитвы.

Самое распределение пищи, во дни поста, не основано на каком-либо произволе, но применено уставом церковным к немощи нашей, на основании священных образцов. Весьма естественно лишение всякой пищи животной, особенно мяса, во дни, исключительно посвященные молитве. До сих пор, в пустынных обителях Востока, на Афоне, Синае и в Палестине, равно как и в наших строгих обителях, постною пищею называется собственно одна растительная, и только в некоторые дни праздничные, случающиеся посреди поста, бывает разрешение на рыбу. Это снисхождение, неприметно вкравшимся обычаем, обратилось также в облегченный вид поста, который милостиво терпит Церковь, чтобы строгостью не испугать немощных чад своих; но не должно употреблять во зло ее снисхождение, от умаленного поста переходя совершенно к его нарушению. Важно послушание ее уставам: посему соблюдающие пост, хотя и не в той мере строгости, как он заповедан, но с чувством смиренного послушания, достойны также уважения, как и строгие постники. Если же спросят: почему рыба может быть принимаема за постную пищу, хотя имеет в себе животное начало? – то этому, быть может, следует искать начальную причину в повести Евангельской. Дважды насыщает Господь двумя рыбами и несколькими хлебами многие тысячи народа в пустыне. В самый день своего воскресения, являясь ученикам своим, сквозь затворенный двери, уже в прославленном теле, вкушает он пред ними от пчел сот и рыбы печеной часть, и потом, явившись в третий раз, на озере Тивериадском, сам дает им вкусить от рыб, дивно пойманных, по его Божественному манию. Без сомнения, по сим примерам, этот род пищи, как более утонченный и принятый самим Господом, даже после его воскресения, был допущен Церковью, как некоторое снисхождение, во дни поста, без нарушения оногo; не хорошо самочинно идти далее, нарушая пределы отеческие, ибо ничто нам так не опасно, как собственное рассуждение, по древней лести дьявольской

нашим праотцам, вовлекшей их в погибель: «будете яко бози, ведяще доброе и лукавое» (Быт. 2:6).

Некоторые отговариваются еще тем, что, по их мнению, лучше вкусить умеренно пищи скоромной, нежели объедаться постною, как будто бы объедение всегда на стороне постящихся, а не самих нарушителей воздержания; в этом случае можно опять им напомнить, как и в других, что послушание паче поста и молитвы, и что слабый постник едва ли не приятнее Богу самочинного воздержника, нарушающего устав церковный мнимою своею умеренностью. Напрасно еще говорят поблажающие себе, что не в посте, а в добрых делах состоит спасение, как будто бы Церковь почитает пост единственным средством ко спасению. Нет, она очень ясно поучает, нас песнями духовными, во дни великой Четыредесятницы, в чем состоит истинный пост:

«От брашен постящися, душе моя, и от страстей не очистившись, всуе радуешися неядением; аще бо не вина ти будет к исправлению, яко ложная возненавидена будеши от Бога и злым демонам уподобишися, николиже ядущим, не убо согрешаюци пост непотребен сотвориши, но неколебима к стремлениям безместным пребывай, мнящи предстояти распятому Спасу, паче же сраспятися тебе ради распеншемуся, вопиюци к нему: помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии твоём».

Вот и другой умильный стих, певаемый на первой неделе поста: «постимся постом приятным, благоугодным Господеви: истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей очищение, оглаголения, лжи и клятвопреступления; сих оскудение пост истинный есть и благоприятный».

Или еще, что поется на первой литургии преждеосвященных Даров: «постящися, братие, телесне, постимся и духовне: разрешим всякий союз неправды, всякое списание несправедное раздерем, дадим алчущим хлеб и нищия, безкровныя введем в дома, да примем от Христа Бога велию милость».

При окончании дней великой Четыредесятницы, заключим ныне рассуждение наше о посте, красноречивыми словами великого его проповедника, Св. Иоанна Златоустого²: «Когда мы отпустим от себя какого-нибудь гостя, который провел с нами несколько дней, которого мы радушно приняли и делили с ним беседу и стол: то на другой день после его ухода, как накрыт будет стол, тотчас вспоминаем о нем и о взаимной беседе и обращаемся мыслью к нему, с великою любовью; так точно поступим и в отношении к посту. Он пробыл с нами сорок дней, мы приняли его радушно и отпустили: теперь же, когда намереваемся мы

предложить духовную трапезу, вспомнив о нем и о всех благах, происшедших от него для нас. Ибо не только самый пост, но и воспоминание о нем может принести нам весьма великую пользу. Как любимые нами, не только когда бывают у нас, но и когда приходят нам на ум, доставляют нам великое удовольствие: так и дни поста, собрания, общие собеседования и другие блага, какие мы получали от него, радуют нас и воспоминанием; и если мы вспомним о всех этих благах в совокупности, то и в настоящее время получим великую пользу. Говорю это не с тем, чтобы принудить вас к посту, но чтобы убедить не предаваться забавам и не вести себя как большая часть людей, если только можно назвать людьми этих малодушных, которые, как бы освободившись от уз и вырвавшись из какого-нибудь тяжкого заключения, говорят друг другу: «наконец-то мы переплыли это скучное море поста!»! А другие, более этих слабые, боятся и за будущую Четыредесятницу. Это происходит от того, что они во все остальное время, без меры, предаются забавам, роскоши и пьянству. Если бы мы все прочие дни постарались проводить честно и скромно, то и прошедший пост полюбили бы, и наступающий приняли бы с большим удовольствием. Ибо какого блага нет нам от поста? – везде тишина и чистая ясность, и дома не свободны ли от шума, беготни и всякой тревоги? Но прежде еще домов, душа постящихся вкушает спокойствие; да и город весь являет такое же благоустройство, какое бывает в душе и в домах; ни вечером не слышно поющих, ни днем шумящих и пьянствующих; не слышно ни крика, ни драки, но везде видно великое спокойствие. А теперь не так, но с самого раннего утра крик, шум и беганье поваров, великий чад как в домах, так и в душах, от того, что забавами поджигаются внутри нас страсти и раздувается пламень порочных вожделений. Поэтому должны мы жалеть о прошедшем посте, ибо он все эти страсти обуздывал; и пусть самый труд поста мы сложили с себя, за то не прекратим любви к нему и не изгладим памяти о нем».

Письмо III

Сперва я начертал тебе все течение великого поста, чтобы ты, одним взглядом, мог обнять сию духовную лестницу, ведущую нас от земли на небо, подобно той, которую видел во сне странствовавший Иаков; теперь же мы будем останавливаться на некоторых ее ступенях, ибо и на них стоят земные Ангелы и небесные человеки, Отцы пустыни и Церкви, святыми молитвами своими облегчающие нам трудное восхождение; наверху же лестницы сам Господь – наша Пасха. В сем письме изложу я тебе, несколько пространнее, три первые предуготовительные недели и соберу умиленной красоты вечерних стихир, утренних канонов и синаксариев, более выражающих порывы сердца к Богу и сознание нашей немощи. Это будет как бы некая духовная анфология, тот душистый венок покаяния, о коем говорит Иероним.

«Не помолимся фарисейски, братие; ибо возносясь себе смирится; смирим себе пред Богом, мытарски пощением зовуще: очисти ны, Боже, грешныя».

Сими смиренными словами начинается триодь постная и сообразно сему первому вечернему стиху ее, поется на утрени, пред каноном, умиленный тропарь:

«Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюет бо дух мой ко храму святому твоему, храм носяй телесный весь осквернен: но яко щедр очисти, благоутробною твоею милостию».

Должно, однако, объяснить тебе значение самого слова триодь; прочти его в синаксарие: «В настоящий день с Богом и триодь начинаем, которую, по движению Святого Духа, благоприлично сложили из песней многие святые Богоносные Отцы наши. Но прежде всех умыслил триодь, т. е. три песни, во образ Святой и живоначальной Троицы, великий писатель Косма, сочинив по три песни, для каждого дня великой седмицы святых страстей Господа и Бога нашего Иисуса Христа. После него, подражая ему в ревности, другие Отцы, наипаче же Феодор и Иосиф Студиты, написали духовные песни и для прочих седмиц великой Четыредесятницы. Мысль же святых сих была: всю книгу триодию вкратце вспомнить, от самого начала, благодеяния Божии к человекам и изложить их для памяти всех. Как пред сражением воеводы, примерами и речами, возбуждают воинов, отгоняя леность и боязнь и уныние: так и божественные Отцы, чтобы очистить закосневшие в душах наших страсти, возбуждают нас быть готовыми на подвиги поста: но поелику первое оружие добродетели есть

покаяние и смирение, а преградою к ним служат гордость и кичение, то, прежде всего, предлагается нам настоящая притча, о Мытаре и Фарисее, из божественного Евангелия».

Еще чувствительнее для сердца синаксарий, о блудном сыне, читаемый во вторую неделю: «есть люди, имеющие на душе много тяжких грехов, предавшиеся страстям от юного возраста, которые впали во глубину зла и приходят в отчаяние (а вина отчаяния гордость); но со всем тем они не хотят обратиться к добродетели, напротив же, укрепляя на себе узы порока, еще в горшную впадают пагубу. К таким людям святые Отцы имеют сострадание и, желая их спасти, предлагают здесь сию притчу, чтобы с корнем исторгнуть страсть отчаяния и возбудить к добродетели, показав согрешившим богатство благодати и человеколюбия Божия: ибо из сей притчи Христовой явствует, что никакой грех не может победить благоутробия Господа».

Все стихи, и вечерние и утренние сей недели, как бы тайные упреки нашей совести, потрясают душу, и тщетно бунтует гордое сердце, уста невольно готовы повторять: «объятия отчие поспеши мне отверсти: расточительно изжил я житие мое, взирая на неизживаемое богатство твоих щедрот, Спасе; ныне да не презриши обнищавшего моего сердца, ибо к тебе Господи, с умилением, взываю: согреших, Отче, на небо и пред тобою».

И дабы еще более напомнить нам, что мы только странники на земле чуждой, Церковь, в течении трех недель до великого поста, кладет нам в уста жалобную песнь пленников Вавилонских, пронзающую сердце своим трогательным напевом и тоскою по родине, коею она исполнена. За каждым выразительным стихом псалма, следует тихое аллилуйя, как бы зов Ангельский, чуть слышимый сквозь плач земной.

«На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона; на вербиих посреди его обесихом органы наша: яко тамо вопрошиша ны пленшии нас, о словесех песней, и ведшии нас о пении: воспойте нам от песней Сионских. Како воспоем песнь Господню на земли чуждей? аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя; прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начала веселия моего. Помяни, Господи, сыны Едомские, в день Иерусалимль глаголющие: истощайте, истощайте до основания его! Дщи Вавилоня окаянная, блажен иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам; блажен, иже иметь и разбьет младенцы твоя о камень».

Сия песнь, сильная и поразительная как воспоминание,

представляется еще более возвышенною, как иносказание: Вавилон, смешение, есть образ смешанного множества страстей и грехов, которые господствуют в мире, берут в плен невнимательную душу и поработают ее; Иерусалим, город мира, значит состояние души, собравшейся из рассеяния и обратившейся к Богу, – мир непорочной или покаянием очищенной совести. Ах, друг мой, не забудем сего Иерусалима, постараемся не забывать его! Мысль о сокрушении младенцев Вавилонских о камень, которая была бы слишком жестока в буквальном значении, есть напротив самая чистая в иносказании; это значит: блажен, кто имеет довольно твердости сокрушать о камень веры, едва рождающиеся дурные мысли и желания, прежде нежели они вырастут в злые дела и навыки.

Еще один образец милосердия являет благая Церковь, равно заботясь о живых и мертвых, и синаксарий субботний, пред сырною неделю, пространнее о том свидетельствует: «в сей день, божественные Отцы узаконили совершать память всех, от века скончавшихся благочестиво человек; ибо многие прияли безвременную смерть на странствии, в море и непроходимых горах, в стремнинах и пропастях и заразах, голодом, от пожаров, на льдах, и в бранях, и от стужи, и претерпели иные всякие смерти; равномерно убогие и немощные не могли воспользоваться пением узаконенных псалмов. Посему святые Отцы, движимые человеколюбием, положили в Соборной Церкви, совершать общую их память; день же избран субботний, ибо суббота значит упокоевание, а следующее воскресение посвящено памяти второго Христова пришествия.

Но уже на вечерни сей субботы, страшно раскрывается пред нами картина последнего суда, начертанная живою кистью Пророков, как бы очевидцев: «возгласят трубы, и источатся гробы, и воскреснет все естество человеческое в трепете! – Книги разгнутся, явлены будут дела человек пред нестерпимым судилищем: возшумит же юдоль вся, страшным скрежетанием плача, видя всех согрешивших, по праведному суду, отпускаемых на вечные муки и тщетно плачущихся».

И вот, при виде сего грозного зрелища, пробуждается, наконец, голос покаяния: «увы мне, мрачная душа! доколе от злых не отрываешься? доколе льешь слезы уныния? что не помышляешь о страшном часе смерти? что не трепещешь вся страшного судилища Христова? какой ответ ему дашь? дела твои предстоят на обличение твое, деяния, как доносители, обличают тебя. Впрочем, о душа, время настало, беги, предускори, верую возопи: согрешила, Господи, согрешила тебе, но знаю, о человеколюбец, твое благоутробие; пастырь добрый, не отлучи меня от стоящих одесную

тебя, ради великой твоей милости».

О том же взывает, и на утреннем каноне, Феодор Студит, творец его: «Боже, когда приидешь, во тмах и тысящах Ангельских небесных начал, и меня окаянного сподоби встретить тебя, Христе, на облаках».

«Во юдоли плача, когда на месте, избранном тобою, возсядешь, многомилостивый, сотворишь праведный суд, не объяви моих тайных и не посрами меня пред Ангелами, но пощади меня, Боже, и помилуй».

Благодарумно положили святые Отцы совершать память сего второго страшного пришествия, после двух снисходительных притчей, о мытаре и блудном, дабы кто-либо, уведав Божие человеколюбие, не предался лени, говоря: человеколюбив Бог, и когда ни вздумаю оставить грех, еще успею все исполнить. Они же, устрашая чаянием будущей казни, хотя ленистых возбудить к добродетели, дабы не взирали на одно только человеколюбие Божие, но видели бы в Господе и праведного судию, который каждому воздает по делам его.

После сего великого воспоминания о суде, как некое предочищение, полагается пред самым началом поста, сырная неделя, от воздержания мяса постепенно приводящая к совершенному посту, чтобы и тело наше не почувствовало вдруг слишком резкой перемены в пище: ибо святые Отцы проникали во все немощи человеческие и, заботясь о спасении души, не почитали низким для себя попещись и о слабости естества человеческого; посему поется в первый день сей недели: «отверзлось преддверие божественного покаяния; приступим усердно, очистив телеса, отлагая брашна и страсти, как послушники Христа, призвавшего мир в царствие небесное: принесем десятину всего лета Царю всех, да с любовью и воскресение узрим».

Но сей пост, к которому призывает нас Церковь, глубоко объяснен ею в стихирах среды и пятка: «о душа моя, постыющаяся от брашен и от страстей не очистившаяся, напрасно радуешься неядению, если оно не послужит тебе виною к исправлению, как лживая, будешь ты возненавидена Богом, и уподобишься злым демонам, никогда не ядущим. Итак не сделай тщетным поста, продолжая грешить, но будь непоколебима стремлением порочным, мысленно предстоя распятому Спасу и сораспинаясь пострадавшему ради тебя, взывай к нему: помяни мя Господи, егда приидеши во царствии твоём».

В сии два дня сырной недели уже начинается служба великопостная с поклонами; вместо литургии, читаются только часы, с вечернею, и две статьи пророчеств Пророка Иоила, о посте и суде в среду, и Пророка Захарии в пятницу, о обетованиях Божиих Израилю и очищении. Особенно

замечательны вдохновенные речи Иоиля.

«Так глаголет Господь: обратитесь ко мне всем сердцем вашим, в посте и в плаче и рыдании, и расторгните сердца ваши, а не ризы ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему, ибо он милостив, и щедр, и долготерпелив, и многомилостив, и жалеет о злых делах; кто знает: не обратится ли, и не сжалится ли, и не оставит ли за собою благословение, и жертву, и возлияние, которые приносите Богу нашему? Вострубите трубою в Сионе, освятите пост, проповедайте исцеление, соберите народ, освятите церковь, изберите старейшин, совокупите сосущих младенцев; да изыдет жених от ложа своего и невеста из чертога своего; на ступенях жертвенника пусть восплачутся жрецы, служащие Господу, и рекут: пощади, Господи людей твоих».

Еще торжественнее другое пророчество его о суде: «так глаголет Господь: да возстанут и взыдут все языки на юдоль Иосафатову, ибо я там сяду и разсужу все языки, сущие окрест. Обнажите серпы, ибо предстоит обрезание винограда; войдите для топтания, ибо исполнено точило; изливаются подточилиия, ибо умножились их злобы. Гласы прогласились на поле судебном, ибо близок день Господень на юдоли судебной! солнце и луна померкнут, и звезды скроют свет свой, Господь же от Сиона воззовет и от Иерусалима даст глас свой, и потрясется небо и земля».

Посмотри, с какою любовью приветствует Церковь своих избранных, в субботу, посвященную их памяти: «приидите все верные, воспоем лики преподобных Отцев: Антония верховного, Евфимия светлого, и каждого, и всех вкупе, и мысленно обтекая их гражданства, как бы другой рай сладости, воскликнем: вот деревья, которые насадил Бог наш: они цвели и принесли Христу плоды нетленной жизни, питая души наши».

«Радуйся Египет верный, радуйся Ливия преподобная, радуйся Фиваида избранная; радуйтесь всякое место и град и страна, воспитавшие граждан небесного царствия, возрадившие их в воздержании и болезнях, и показавшие их Богу совершенными мужами желаний; они явились светилами душ наших, просияв мысленно во все концы, зарею чудес и знамением своих деяний».

От сего нового Эдема, духовно насажденного Отцами пустыни, Церковь, высокими песнопениями, внезапно переходит к утраченному раю и, накануне поста, воспоминает о горьком пресыщении Адама: «Создатель мой, Господь, взяв меня, персть от земли, оживил дуновением живоносным, и почтил на земле начальством, над всеми видимыми, и общежитием Ангелов: сатана же лстивый, употребив орудием змия, снедию прельстил и лишил меня божественной славы, предав в землю

преисподней смерти: но воззови меня, благоутробный Владыко».

«Господи, по совету врага, преслушав твое божественное повеление, совлекся я, окаянный боготканной одежды и облекся смоковым листвием и кожаными ризами, и был осужден снестать хлеб трудный, земля же проклята была приносить мне терния и волчцы; но ты, в последние времена, воплотившийся от Девы, воззвав меня, введи опять в рай».

Внемли, как плачется горько Адам, воссев в виду утраченного рая: «о луг блаженный, богонасажденные сады, красоты рая! ныне обо мне проливайте слезы с листьев, как из очей, о мне обнаженном и чуждом Божией славой».

«Пожалей, о рай, о твоём обнищавшем владыке и, шумом листьев твоих, умоли Создателя, дабы не затворял тебя падшему».

В синаксарие воскресения пространно описано, святыми Отцами, в назидание верных, грехопадение Адамово, и два великие Святителя: Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, своими глубокими толкованиями, проливают духовный свет на горькое изменение первоначального бытия нашего.

«Между тлением и нетлением был создан Адам, дабы получил то, что сам изберет по произволу: Богу возможно было сотворить его и безгрешным, но надобно было, чтобы человек совершил подвиг произвольного выбора: для сего дан был ему закон, – прикоснуться всех насаждений, но не сего, то есть древа познания добра и зла. Может быть, сие значило: из размышления о всех созданиях извлекать познание Божественной силы, но не испытывать помыслом естества Божия. Так любомудрствует и св. Григорий Богослов: Бог повелел Адаму помышлять умом о Божеском естестве, рассматриваемом во внешних отношениях, но отнюдь не испытывать, каков есть Бог внутренне по естеству, где он и как все из ничего создал. Адам же, оставив все прочее, наипаче любопытствовал о Боге, усиливаясь подробно дознать его естество, и будучи еще не совершенным, простым и младенцем, впал в искушение, ибо сатана, посредством Евы, внушил ему мечтание самому сделаться Богом. А великий и божественный Златоуст говорит: что древо сие имело, некоторым образом, двоякую силу, он полагает рай на земле, но понимает его вместе духовным и чувственным, каков был сам Адам, и что оба находились посреди тли и нетления, и соблюдает таким образом слова писания, в тоже время не оставаясь при одной их букве».

На конце же сих трех предуготовительных седмиц, еще однажды, приглашаются к подвигам верные чада Церкви.

«Поприще добродетелей открылось! хотящие страдальчествовать

войдите, препоясавшись добрым подвигом поста, ибо законно страдальчествоующие праведно венчаются. Восприяв всеоружие креста, воспротивимся врагу, имея веру, как нерушимую стену, и как щит молитву, а шлемом милостыню; и вместо меча пост, который отсекает от сердца всякую злобу. Творящий сие восприимет истинный венец от Царя всех, Христа, в день судный».

Письмо IV

Если, в предыдущем письме моем, я собрал для тебя лучшие отрывки, из духовных песней трех первых недель до поста, и даже наполнил ими все письмо, то это для того, чтобы ты получил понятие, о красотах языка церковного, мало нам доступного. Не поскучай чтением сих избранных песней, ибо кроме достоинства внешнего, они заключают в себе и внутреннее сокровище, располагая душу к принятию всего благого. Между тем мы достигли до первой великой недели Четыредесятницы, и переход к ней, по церковному пути, не будет для нас столь разителен, как случается обыкновенно, после шумных увеселений масленицы, к сожалению перешедших из Запада в наше отечество.

Сию первую неделю, святые Отцы, наипаче посвящали безмолвию и подвигам духовным, как начаток поста, чтобы решительнее сокрушить в себе мирские навыки и предаться вполне созерцанию духовному: ибо на всяком поприще важен первый шаг, и многие удалялись на все течение поста в глубочайшие пустыни. И у нас издревле, сохранился благочестивый обычай, посещать друг друга на сырной неделе, смиренно испрашивая пред покаянием взаимное прощение, но он обратился в пиршества и гульбища.

Один из великих отшельников, соотечественник и почти современник св. Иоанна Дамаскина, святой Андрей, сперва просиявший славою своих добродетелей в пустыне Палестинской, а потом, как ревнитель веры, на шестом Вселенском Соборе в Царьграде, и наконец, на архипастырском престоле Крита, сложил, в уединении своего вертепа, умильный канон покаяния, который с любовью приняла Церковь. Она узаконила читать его, как верное выражение чувств всякого Христианина, сокрушенного духом, дважды в течении поста: на великом повечерии первых четырех дней его, по частям, и весь сполна, на утрени в четверток пятой недели; к сему же присоединен и малый канон Марии Египетской, бывшей образцом совершенства, какого может достигнуть раскаянный грешник, при содействии благодати.

Из всех канонов, которыми столь богата наша Церковь, самый пространный и замечательный есть сей великий канон св. Андрея Критского, ибо он, духовными, весьма возвышенными созерцаниями, объемлет оба завета и в особенном свете поставляет некоторые из важнейших лиц священной истории, извлекая назидание даже из их падений и растворяя плач их собственными слезами. Каждая песнь

начинается молитвенным воззванием, потом, как на некое духовное зрелище выступают пред нами Праотцы, Патриархи, Судии, Цари и Пророки ветхозаветные, связанные между собою цепью глубоких созерцаний: наконец, как бы изнемогая под бременем оных, пустынный писатель обращается вновь на молитву и, в изречениях Евангельских притчей, ищет достойного выражения души своей к Богу. – Вся же девятая песнь, как венец канона, исключительно посвящена воспоминанию деяний Спасителя. Я не могу описать тебе подробно всего творения, хочу однакоже представить некоторые разительные черты, чтобы ты с большим вниманием слушал его чтение.

«Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний? кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? но яко благоутробен даждь ми прегрешений оставление».

«Гряди, окаянная душе, с плотью твою, Зиждителю всех исповеждся и устранися отныне прежняго безсловесия и принеси Богу в покаяние слезы».

Так начинает плач свой Андрей Критский и хор, от лица народа, на каждый стих жалобно ему отвечает: «помилуй мя, Боже, помилуй мя»!

И вот потекли из уст его горькие, но вместе высокие по духу обличения: «мы поревновали преступлений праотца Адама, и подобно ему познали себя обнаженными от Бога; вместо Евы чувственной, Евою мысленною был для нас страстный помысл плоти, показующий сладкое, но напояющий горьким. Мы превзошли Каина убийством, произвольно сделавшись убийцами совести душевной, и не принесли, подобно Авелю, ни чистой жертвы, ни жития непорочного Богу».

«Вонми небо и возглаголю, земля внушай глас, кающийся к Богу и воспевающей его».

«Душа моя, ты одна разверзла все хляби гнева Божия и потопила ими тело и жизнь, как некогда потоплены земля и все оставшееся вне спасительного ковчега».

После сей страшной картины потопа наших страстей, зовет он окаянную душу, не наследовавшую ни благословенья Симова, ни пространного владычества Иафетова, зовет, от языческой земли Харран, от грехов ее, в обетованную землю нетления, и велит ей быть вольным пришельцем в мире, подобно Аврааму, уразуметь новую жертву Исаака, тайно всесожженную Господу, и подражать его сердечному расположению; беречься, чтобы ласкаемая плоть, как другая рабыня Агарь, не родила нового Измаила, дерзости во грехе, который должен быть изгнан из дома Божия. Он дает ей образцом мирное житие Священника Божия и

Царя уединенного, Мельхиседека, который был подобие Христово, велит бегать от возгорающейся чувственной похоти, как от пожара Содомского, и не озираться вспять, чтобы не сделаться столпом сланным, как жена Лотова, но спастись горе в Сигор.

«Приближается, душа, конец приближается, и не радиши, не готовиши; время сокращается, близ при дверях судия есть; яко соние, яко цвет, время жития течет, – что всеу мятемся?»

Глубоко изображено видение Иакова и страдальческое его поприще: «лествица, которую видел древле великий в Патриархах, о душа моя, есть указание деятельного восхождения и разумного возшествия; итак, если хочешь вступить в жизнь деятельную, разумную и созерцательную, – то обновися».

«Под образами двух жен Иакова, разумей двоякую жизнь, деятельную и созерцательную: Лия, как многочадная, изображает деятельность, Рахиль же, как многотрудная – созерцание: но без трудов не будет успеха, ни в деятельности, ни в созерцании».

Вот и великое лицо Моисея является на обличие души. Она не убила, подобно ему, Египтянина, бийцу сына Израилева, то есть не умертвила в себе чувственного помысла, от которого страждет и изнемогает ум духовный: как же вселится, чрез покаяние, в пустыню оставления страстей, чтобы там быть в созерцании Бога, которого видел в купине неопалимой Моисей! – Жезл его, ударяющий море, был образцом креста божественного, коим и ты, душа, можешь совершить великое. «Да будут слезы мои купелию Силоама, восклицает певец, проникнутый величием развивающихся пред ним судеб Божиих, да и я умою зеницы сердца, и вижу мысленно тебя, свет превечный».

Цари Иуды и Пророки Израиля, один за другим, сходят со ступеней своего престола, или выходят из глубины своих пустынь, чтобы, по зову пастыря Критского, беседовать к душе нераскаянной, или поражать ее своими деяниями. Величествен, в стихах канона, сей ряд помазанников Божиих, которые, как пестуны ветхого завета, ведут ее к новому, дабы она не предпочла кладези Хананейских мыслей живым струям камня, точащего Божию премудрость.

«Давид, избранный на царство, царски помазался рогом Божественного мира: и ты, о душа, если хочешь царствия вышнего, помажься слезами как миром».

Страшными примерами представляются ей Саул и Авессалом и Соломон, утративший премудрость, Ровоам и Иеровоам, разделившие царство, и прокаженный святотатец Осия, и Ахав нечестивый, гонитель

Пророков.

«Если, подражая ему, не покоришься словам Илии Фесвитянина, то и тебе, о душа, заключится небо, и тебя постигнет глад Божий; но уподобися вдовице Сарептской и напитай Пророчью душу».

«Дни мои исчезли, как сновидения пробуждающегося, и я плачу на ложе моем, как Царь Иезекия, дабы приложились мне лета жизни: но какой Исаия предстанет тебе, о душа, если не всех Бог?»

И к сему жизнедавцу, Спасителю душ, восходит наконец духовный дееписатель, прешедши все ветхозаветное, вопия как разбойник: «помяни мя»! взывая как мытарь: «Боже милостив буди мне грешному»! подражая в неотступности Хананеи и слепцам на распутье: «помилуй мя сыне Давидов»! источая слезы, вместо мира, на главу и ноги Христовы, подобно блуднице, и горько плача над собою, как Марфа и Мария над Лазарем.

«Закон изнемог, торжествует Евангелие; Христос вочеловечился, призвав к покаянию разбойников и блудниц, – душа покайся! отверста уже дверь царствия и прежде тебя вторгаются в нее мытари и фарисеи, и грешники кающиеся»!

Когда же, в некоем духовном ужасе, издали следуя за чудесами Спасителя и умиляясь над каждым подвигом земной его жизни, доходит он до страшного заколения, – крепость сердца его оскудевает и, вместе со всею тварью, он умолкает на трепещущей Голгофе, в последний раз воскликнув:

«Судия мой и ведче мой, хотяй паки приити со Ангелы, судити миру всему, милостивым твоим оком тогда, видев мя пощади; ущедри мя, Иисусе, паче всякого естества человека согрешивша».

Внимая чтению сего умилительного канона, невольно воскликнешь из глубины сердца: «Господи, если бы мы не имели Святых твоих, за себя молитвенниками, и твою благость, милующую нас, – как дерзали бы мы воспевать тебя, Спаситель, которого непрестанно славословят Ангелы».

И сию молитву произносит Церковь, вслед за хвалебным псалмом, прерываемым трогательным пением: «Господи сил с нами буди»! на том же великом повечерии, которое называется мефимонами, от Греческого: мефимон о Феос, «с нами Бог», ибо несколько раз стих сей повторяется.

Во все течение Четырдесятницы, на утренних и вечерних служениях, читаются книги ветхого завета: так с самой первой вечерни, предлагаются в услышание верным: книга Бытия и книга Притчей Соломоновых, поставляющая началом премудрости страх Господень. Одна, дееписательная, открывает нам высокое происхождение и первобытные судьбы мира, другая, нравственная, руководствует нас в делах жизни. А на

шестом часе, чтение Исаяи, столько же Евангелиста сколько и Пророка, ибо он ясно говорит, как бы современник, о грядущем Искупителе, соединяет собою оба завета. Сии три книги, полнотою исторических, нравственных и духовных созерцаний, питают душу на пути покаяния.

«Услыши небо и вонми земля», так начинает Исаия, «ибо Господь возглаголал: сынов родил я и воспитал, а они меня отверглись; знает вол стяжавшего и осел ясли господина своего; а Израиль меня не знает и люди меня не уразумеют!.. Измойтесь и чисты будьте, отымите лукавство от душ ваших; научитесь добро творить, взыщите правосудие, избавьте обидимого, судите сирому и оправдайте вдовицу, и тогда приидите и состязимся, и если будут грехи ваши как багряница, как снег их убелю».

Далее, от обличений ветхого человека, в ветхом завете, переходя к отрадным чаяниям нового человека, в новом завете, Пророк говорит: «в последние дни явлена будет гора Господня и дом Господень на верху горы, и вознесется превыше всех холмов, и приидут к нему все языки, и пойдут языки многие и рекут: приидите и взыдем на гору Господню и в дом Бога Иаковля, и возвестит нам путь свой и пойдём по нем. Так глаголет Господь: от Сиона изыдет закон и слово Господне от Иерусалима, и судить будет посреди языков и изобличит людей многих».

В среду сей великой недели совершается первая преждеосвященная литургия, соединенная с вечернею, о коей я подробно говорил тебе, в прежних моих письмах. Трогательные стихиры поются в назидание Церкви, во время первой великопостной обедни, особенно располагающей душу к молитве.

«Братие, постясь телесно, станем поститься и духовно: развяжем всякой узел неправды, всякое писание неправедное раздерем, дадим алчущим хлеб и нищих бескровных введем в дома, да примем от Христа Бога велию милость».

«Если есть какая добродетель или какая похвала, то они подобают Святым: они преклонили выю свою под меч, ради тебя, преклонившего небеса и к нам сошедшего: они изливали кровь свою ради тебя, истощившего себя для нас и приявшего образ раба, и, подражая нищете твоей, смирили себя даже до смерти. Их молитвами, Боже, по множеству щедрот твоих, помилуй нас».

Особенно замечательно, в день сей, чтение притчей, коими Соломон, научая нас, говорит: «если ты призовешь премудрость, если подашь голос твой разуму, если громогласно будешь звать к себе сокровенное духовное чувство, если будешь искать премудрости как сребра, и доискиваться как сокровища, то уразумеешь страх Господень и обретешь познание Божие:

ибо Господь дает премудрость и от лица его нисходит познание и разум. Если же приидет премудрость в мысль твою, если душа твоя найдет прекрасным нравственное духовное чувство, – то доброе намерение сохранит тебя и святое помышление сбережет тебя: ибо правые вселяются на земле и святые останутся на ней, пути же нечестивых погибнут».

Чтение Бытия, по дням, следует порядку самой книги, но достойно примечания, что во дни литургии, когда собирается более народа в храм, предложены два важнейшие сказания, о судьбе всего человечества: в среду, сотворение по образу Божию и по подобию, а в пятницу, горькое его преслушание и изгнание из рая. В пятницу же, пред окончанием обедни, выносятся посреди церкви и благословляется коливо, то есть вареные хлебные семена с сухими плодами, и поется канон на память св. Феодора Тирона, бывшего ратником и мучеником во дни гонений. Когда Иулиан отступник, ругаясь над Христианами, велел однажды, чтобы все продаваемое для пищи, на торжищах Цареградских, окроплено было кровью идольских жертв, тогда св. Феодор явился во сне Патриарху, чтобы охранить верных от осквернения и предложил ему сию простую пищу, для употребления тайно в домах: отселе Церковь установила совершать ежегодно воспоминание его благой помощи.

Другое продолжительное гонение подало повод к другому торжеству, которым заключается сия великая седмица. Я хочу говорить о недели православия, или первом воскресении поста. Когда седьмой Вселенский Собор, соединившийся, подобно первому, в Никеи, при Царе Константине и матери его Ирине и при св. Тарасие, Патриархе Цареградском, восстановил почитание святых икон, которые начал нечестиво истреблять Лев Изаврский, – то недолго после сего продолжались тишина и благоденствие Церкви на Востоке; новые иконоборцы восстали между властителями Цареградскими, и последний из них, Феофил, был самый жестокий.

По смерти его благочестивая супруга, Царица Феодора, вместе с малолетним сыном Михаилом, оставшись правителями потрясенного царства, избрали Патриархом св. Мефодия, знаменитого исповедника веры при ее гонителях, и с ним вместе созвали духовный Собор в Константинополе, для водворения мира в Церкви. Тогда, с великим торжеством, возвращены были ей иконы и утвари, расхищенные нечестивыми. Память сего радостного события празднуема была, молитвами о живых и усопших ревнителях православия, и предохранительным воспоминанием народу отлучений от Церкви, в разные времена произнесенных на различные лжеучения, которые

православная Церковь, по необходимости, должна была отринуть, в сильных выражениях, потому что они угрожали повреждением оснований веры. Она исполнила сей прискорбный долг из человеколюбия, чтобы спасти многие тысячи неопытных, обличением нескольких коварных обольстителей, и взяла себе в пример Апостола Павла, употребив, даже точное его выражение: «хотя бы и мы, или Ангел с неба, стал благовествовать вам не то, что мы вам благовествовали, да будет анафема». Так говорил Апостол язычников в послании к Галатам (1:8), описывая вслед за тем собственное обращение, из гонителя Церкви в Апостола, и я советую тебе прочесть еще раз его убедительное послание. Сия вечная память благочестивым Царям и Патриархам, Греческой и Российской Церкви, и сие громогласное отлучение ее отступников (по-гречески анафема), от тех времен и доньше, постоянно совершается в начале Четырехдесятницы, как назидательная картина грядущего разделения агнцев от козлиц, самим небесным Пастырем Христом, в последний день.

Церковь отражает от своего общения, как яд или язву от здорового тела, отрицающих бытие Божие, утверждающих, что мир сей самобытен, и что все в нем по случаю бывает, без промысла Божия, и не признающих благости, милосердия, премудрости Творца; отвергает также не поклоняющихся единому Богу во Святой Троице, неверующих пришествию на землю Сына Божия во плоти, не приемлющих благодати искупления, проповеданного Евангелием, как единственного средства к спасению, и неверующих, что Дух Святой, умудрявший Пророков и Апостолов, дабы возвестить нам истинный путь, и доньше обитает в сердцах верных. Церковь отвергает хулящих девство Божией Матери, отметающих бессмертие души, кончину века и грядущий суд с возданием, святые таинства Церкви Христовой, Соборы Св. Отец и их предания, с Божественным откровением согласные, и ругающихся над Св. иконами, которые Церковь приемлет, для воспоминания дел Божиих и его угодников и к возбуждению благочестивого им подражания. – Наконец, она отсекает от себя, не только невоздающих Божие Богови, но и Кесарево Кесареви, и дерзающих на мятежи и измену против Помазанника Божия, и обличает всех таковых, как недостойных членов, вредных для внутреннего и внешнего ее мира.

V. Неделя православия

Я только что возвратился из Казанского собора, с торжества Православия, и пишу эти строки, преисполненный тем, что видел и слышал. Мне казалось: предо мною раскрывалось в лицах постепенное шествие Церкви Православной, Соборной, от времен Апостольских и до наших, в котором видена была, по словам псалма, видима была шествия Твоя, Боже. Вся летопись Церкви, с древними и новейшими ее поборниками, царского и священного сана, Греческая и Русская, как будто развивалась в постепенности исторической, пред моими глазами. Вечная память ублажаемым донныне Константину и Елене, двум Феодосиям, Иустиниану и иным Императорам Византийским, вместе с памятью наших равноапостольных Владимира и Ольги, чрез царственные степени Иоаннов и Феодоров, Михаила, Алексия и великого Петра, с благочестивыми усопшими из его семейства, сливала времена давноминувшие с новейшими; она соединяла, в мыслях моих, Церковь Вселенскую с преданиями отечественными, и это было сладостно для слуха и сердца.

Пишу еще под влиянием сих высоких впечатлений, потому что это торжество Православия, которое ежегодно повторяется в первое Воскресение великой Четыредесятницы, в память восстановления чествования святых икон, представило моему воображению как бы продолжение седьмого Вселенского Собора в лицах. Сонм Святителей, в блестящих ризах, восседал на высоком амвоне обставленном их Диаконами, посреди великолепной колоннады Казанского собора, напоминающей древние базилики Востока: – ряд митроносных Архимандритов и облаченных Пресвитеров благоговейно предстоял, от святительского амвона до серебряной решетки пред иконостасом, посреди сжатой толпы народной, в глубоком безмолвии ожидавшей глагол Православия, – и этот глагол громко был возглашен Протодиаконом, с высокой кафедры проповедников слова Божия, пред иконою великого витии и столпа Православия, Златоуста. – Не так ли живописуется на иконах наших, коих празднуем обновление, и Вселенские Соборы, утвердившие догматы святой нашей веры, начиная от первого Вселенского в Никеи, при святом Царе Константине, и до последнего, опять в Никеи, заключившего священный сонм их?

Но как различны бывают впечатления, часто впрочем, происходящие от неведения или неразумения того, что поражает мысли и взоры! – Когда я, в этом торжестве Православия, видел одну только материнскую заботу

святой Церкви, о душевном спасении всех ее чад, чрез обличение соблазнов, с теплою молитвою о обращении заблуждающих, – другим мнилось слышать тут одни только проклятия, как будто когда либо произносит их Церковь! Они равнодушно пришли послушать эти мнимые проклятия, как приходят на какое-либо суетное зрелище, где легко приемлются впечатления всех, самых ужасных событий, потому что еще заранее знают, что это одно их представление, а не самая истина вещей. Но если бы немного обдумали они важность его церковного действия, которому пришли безотчетно внимать, и вникли бы в каждое слово страшных для Христианина отлучений от Церкви: – быть может, не так бы легко о них судили и не смешивали анафем с проклятиями.

«Скоро ли начнутся проклятия?» с улыбкою спросил меня, еще посреди обедни, один из таких слушателей. – «Их вовсе не будет», отвечал я. – «Как же, а анафемы?» возразил он. – «Это только явные, но безымянные отлучения тех, которые сами себя тайно уже отлучили от союза Церкви», отвечал я опять и тем окончилась моя невольная беседа. Странно однако, как люди, которые ежегодно слышат о сих анафемах и жаждут их послушать, для удовлетворения своего любопытства, не дадут себе труда тщательнее вникнуть, или по крайней мере расспросить у более знающих: что такое анафема? – Это Греческое слово собственно не выражает никакого проклятия, но заимствовано из древнего языка, где означало такие предметы, которые были неприкосновенны, потому что исключительно посвящались храму, или людей, по какой-либо особенной вине, отчужденных из среды общества, итак самое слово анафема, составленное из двух $\alpha\nu\alpha$ (от или воз) и $\theta\epsilon\mu\alpha$ (положенное), не заключает в себе ничего оскорбительного, ибо употреблялось иногда и в хорошем значении. А если впоследствии присоединилось к ним народное понятие о проклятии: то это потому лишь, что первенствующие Христиане, ради глубокого своего благочестия, боялись всякого общения с людьми, отлученными от Церкви, дабы не заразиться от них духовно, как опасаются в моровых поветриях прикоснуться к чумному, чтобы не заразиться от него телесно. Это весьма естественно: неужели здравие душевное менее нам драгоценно телесного? И не в праве ли Церковь, как духовное общество, отлучать из среды своей тех, которые пренебрегают ее догматы и уставы, когда всякое гражданское общество, начиная от государства и до малейшего его сословия, тоже делает с нарушителями своих прав и законов?

Святая Церковь, осторожная во всех своих действиях, употребляет даже для сего торжественного отлучения то самое слово, которое ей

заповедал, в послании к Галатам, великий Апостол язычников Павел: «Аще мы, или Ангел с небесе, благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет; якоже предрекохом и ныне паки глаголю: аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет!» и, как бы предвидя словопрение человеческое, Апостол присовокупляет: «аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был» (Галат. 1:8–10).

Достоин внимания, как премудро и снисходительно составлена служба недели Православия, и как дышит Христианскою любовью каждое ее слово, так что разве одни только невнимательные, и потому невнимающие, могут утверждать противное. – При самом начале, на обычной ектении, Диакон испрашивает у Господа: дабы соблюл свою Церковь от всяких ересей и суеверий, оградил ее миром, утишил раздирание ее, и силою Святого Духа, обратив всех отступников к познанию истины, сопричел их к призванному своему стаду и просветил бы светом своего Богоразумия мысли омраченных неверием, а верных укрепил непоколебимыми в правоверии.

За сим следует избранное послание Апостольское, в котором святой Павел умоляет Римлян: «блустись от творящих распри и раздоры и уклоняться от них; ибо таковые не служат Господу нашему Иисусу Христу, но своему чреву» (Рим. 16). И Евангелие от Матфея, вместе с милосердием заповеданным Церкви, назидает ее словом Господним, как поступать в отношении отступников; ибо сам Господь, сказавший в начале: «блюдите, да не презрите единого от малых сих, прииде бо Сын человеческий взыскати и спасти погибшего», повелевает обличать согрешения брата, сперва наедине, потом при двух или трех свидетелях, и наконец пред всею Церковью, а в заключение говорит: «Аще же и Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь: аминь бо глаголю вам: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех» (Матф. гл. 18). Столь решительно слово Евангельское, о непокоряющихся учению святой Церкви!

Но дабы смягчить слова прещения, словами милосердия, опять молит на ектении Диакон: дабы Господь, не хотящий смерти грешных, но ожидающий их обращения и покаяния, обратил всех отступивших от святой его Церкви, дабы они, вкупе со всеми верными, прославляли Бога истинного, верою и благочестием, и дабы, по заповеди нам данной, о любви к Богу и ближним, истинная любовь сия царствовала в душах наших, с прекращением всех беззаконий.

Первенствующий Святитель восполняет ектению Диакона благодарственною молитвою ко Господу, подателю всех даров, который не

отвращается от нас ради беззаконий наших; он исповедует беспримерное милосердие Божие, чрез искупление наше и ниспосланную благодать Св. Духа, и просит, при умножении терний суеты и страстей, ересей и расколов, подвергающих нас праведному суду Божию, не до конца прогневаться, но укрепить нас в правоверии и просветить заблуждающихся, да обратятся к Спасу своему: исправить жизнь их, несогласную с христианским благочестием, дабы укоренилась в сердцах спасительная вера, а самим пастырям Церкви даровать святую ревность и попечение их, о спасении заблудших, растворить духом евангельским, да все достигнем совершения веры, исполнения надежды и истинной любви, во славу Пресвятой Троицы.

Тогда лишь, после всех сих умилоостивительных, предварительных молитв, восходит на кафедру Протодиакон, и трижды возгласив: «Кто Бог велий, яко Бог наш? ты еси Бог, творяй чудеса!», приглашает нас, празднующих Православия день, наипаче прославить виновника всех благ Бога, который, после горького падения наших праотцев в раю, утешил свое достоиние радостным обетованием грядущего спасения, чрез свидетельства пророческие, и наконец, возглаголав нам чрез едиnorodного Сына и, утвердив силою Св. Духа, послал Апостолов проповедать во всю вселенную Евангелие царствия. Он читает громогласно изложение сего благовестия, вселенский Символ веры, и заключает сими словами: «сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди».

Потом, свидетельствуя пред всею Церковью, что мы приемлем Соборы святых Отец, их предания и писания, божественному откровению согласные, возвещает: что были однако, в различные времена, противники сему спасительному откровению; но Господь ограждал от них свою Церковь и разгонял врагов Православия; посему и мы, как ублажаем по долгу подвизавшихся за оное, так и противящихся, если они не покаются и не последуют священному писанию и преданию первенствующей Церкви, – отлучаем. За сим следуют двенадцать анафем, которые конечно, каждый Христианин одобрит во глубине своего сердца, ибо они защищают основные догматы нашей веры.

«Отрицающим бытие Божие и утверждающим, что мир сей самобытен и все в нем без промысла и по случаю бывает – анафема»!

Неужели кто-либо отречется произнести сию анафему, равно как и последующие?

«Произносящим хулы на Бога и не признающим его правды, милосердия, премудрости и всеведения.

Не признающим единосущия и равночестия Сына со Отцем и Св. Духом, во Святой Троице.

Безумно глаголющим, что не были необходимы для нашего спасения – пришествие на землю Сына Божия, его страдания и воскресение.

Не приемлющим благодати искупления, как единственного средства к нашему оправданию.

Дерзающим сомневаться в присно-девстве Св. Марии, Матери Божией.

Неверующим, что Дух Святой умудрил Пророков и Апостолов, утвердил нас чудесами в истинном пути спасения, и доселе обитает в сердцах верных.

Отметающим бессмертие души, кончину века, будущий суд и воздаяние.

Отметающим все святые таинства, содержимые Церковью.

Отвергающим Соборы святых Отец и их предания, согласные с божественным откровением.

Помышляющим, что не по благоволению Божию, царствуют православные Государи и не приемлют при помазании на царство даров Св. Духа, но дерзающим против них на бунт и измену, и наконец

Ругающимся над святыми иконами, которыми возбуждаются верные к подражанию угодникам Божиим».

И на каждое из сих возгласений Диякона, отвечает весь церковный клир, троекратно, потрясающей душу и своды храма анафемой, которой страшное величие невыразимо!

Тогда после сих печальных звуков, в утешение верующим, воспевается торжественно вечная память поборникам Православия, подвизавшимся за него словом и писанием, житием и страданием, и во главе всех, стоит, как я уже сказал, великий равноапостольный Константин, со своими благоверными преемниками и нашими ревнителями веры, начиная от Св. Владимира, Царями и Патриархами, до наших времен. Умилительна эта вечная память, на расстоянии стольких веков: ибо Церковь благодарная не забывает оказанных ей благодеяний, и в лоне ее живы духом и усопшие. Не забыты и Восточные Вселенские Патриархи четырех престолов, после наших, и весь сонм Митрополитов и Епископов, и убиенные на брани за веру и отечество; и всех, в благочестивой вере скончавшихся, в числе коих каждый может обрести своих присных, не оставляет материнскою заботою Церковь. Многолетие настоящему державному Блюстителю православия, Благочестивейшему Государю Императору, всему Царственному Дому и освященному Собору,

и всем православным Христианам, следует за благою памятью о усопших, и все это заключается опять милосердною молитвою: «дабы Святая Троица, утвердив их в православии, и не повинующихся святой Церкви хульников к ней обратила, дабы и они пришли в познание вечной истины, молитвами Богородицы и всех Святых».

Какой еще милости желать можно, после такого милосердного действия Церкви, несправедливо осуждаемой невеждою ее чиновниками?

При пении торжественного гимна великого Амвросия: «Тебе Бога хвалим» – сонм Святителей благоговейно прикладывался к святым иконам, во свидетельство законного их чествования, и со всем клиром возвратился внутрь святилища, из коего исходил к пастве, для утверждения в ней слова истины. – Невольно повторяли уста стихи хвалебного гимна, великолепно изобразившего, как на небесах все силы их, Херувимы и Серафимы, непрестанно восхваляют Господа, а на земле лик Апостольский, и Пророческое хвалебное число и все Мученическое воинство, со всею Вселенскою Церковью исповедуют Царя славы Христа. И мы вместе с ними воскликнем: «на тя Господи уповахом, да не постыдимся во веки. Аминь»!

Письмо VI

«Постную пучину преплыти тихо сподоби мя, Христе, утишая волны мысли моя, и в пристанище воскресения окорми».

Так начинаю я письмо сие, любезный друг, в котором хочу вкратце изложить порядок остальных церковных служб святой Четыредесятницы, чтобы не обременить твоего внимания, ибо по двум предшествующим письмам, ты уже можешь судить, сколь обильны красотами духовными и сии пять последующих недель поста: так например: «предложив духовную трапезу, пост научает нас обильно насыщаться ею: вкусим, как брашна, живительные дары Духа, и тем, как питье, струи слез боготочных и, возвеселившись, непрестанно принесем хвалу Богу».

«Как наречем вас, о Святые? – Херувимами? ибо на вас почит Христос; Серафимами? ибо непрестанно его прославляете: Ангелами ли? ибо вы чуждались своего тела; Силами ли? ибо вы творите чудеса; – многие ваши имена и еще большие дарования; молитесь о спасении душ наших».

Равно возвышенны, в продолжение сего времени, и чтения ветхозаветных книг, особенно на второй неделе, Пророка Исаии, когда он созерцал Господа на горнем престоле, и шестокрылатых Серафимов, окрест его вопиющих: «свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь вся земля славы его!» – Тогда, посреди дыма и гласа исполнявших храм, один из Серафимов, горящим углем с алтаря, коснулся уст Пророка, и очищенный дерзнул на зов Господа: «кого пошлю к людям моим»? воскликнут: «се аз есмь»!

И вот что вдохновенные уста сии чудно возвестили о Христе: «яко отроча родился нам, Сын, и дадеся нам, его же начальство бысть на раме его, и нарицается имя его: великого совета Ангел, чуден советник, Бог крепкий, властелин, князь мира, отец будущего века».

За сим премудрый Соломон, пророчески изображает тайную вечерю, под видом притчи, на третьей неделе: «Премудрость создала себе дом и утвердила столпов седмь, заклала свои жертвы и растворила в чаше своей вино и уготовила свою трапезу; послала рабов своих с высоким проповеданием: кто безумен да уклонится ко мне, и требующим ума говорит: приидите и пейте вино, которое я растворил вам, оставьте безумие и будьте живы, дабы во век воцариться, и възщите разума, да будете живы, и управьте себя на путь ведения».

Как первое воскресение поста посвящено памяти, о торжестве Церкви

против иконоборцев, так и второе воспоминает подвиги св. Григория, Архиепископа Фессалонийского, на частном Соборе в Царьграде, против ереси Варлаама и Акиндина, которые не признавали божественности света преображения Христова. Третье же воскресение посвящено поклонению честного креста Господня, и вся следующая неделя называется крестопоклонною. Синаксарий сего воскресения, весьма красноречиво и трогательно, описывает картину торжества.

«Когда проходящие долгий и жестокий путь, утомленные трудом, обретут где-либо, обильными листьями одетое тенистое древо, они, присев немного, отдыхают и, как будто опять сделавшись юными, совершают остальной путь: так и ныне, в постное время, посреди прискорбного пути и подвига, насажден святыми Отцами живоносный крест, подающий прохладение и покой, и утружденных творящий легкими и мужественными к довершению труда. И как бывает при Царевом пришествии, что ему предносят знамена и скипетр, потом же и сам он приходит, радуясь и веселясь о победе, и вместе с ним веселятся все ему послушные: так и Господь наш Иисус Христос, неуклонно хотящий показать победу над смертью и со славою явиться в день воскресения, предпослал скипетр свой, царское знамение, животворящий крест, исполняющий нас радости и прохлады, дабы мы были сколь возможно готовыми воспринять самого Царя и восхвалить светлого победителя: предпослал же посреди седмиц святой Четыредесятницы, ибо она подобно горькому источнику, по причине сокрушения и бывающей нам от поста горести и печали. Как некогда божественный Моисей вложил древо в средину горького источника и усладил его, так ныне Бог, проведший нас сквозь мысленное Черное море от Фараона, животворящим древом честного креста, услаждает горечь поста Четыредесятницы и утешает нас, пребывающих в пустыне, доколе не возведет, своим воскресением, к мысленному Иерусалиму. И поелику крест называется и есть древо жизни, и сие древо было насаждено посреди рая Эдемского, то божественные Отцы прилично насадили, посреди святой Четыредесятницы, крестное древо, напоминая вместе и невоздержание Адамово и исцеление оною настоящим древом, ибо вкушая от него не умираем, но еще более оживляемся».

Таково знаменование церковного обряда, совершаемого на утрени сей недели, после великого славословия. При умиленном пении: «святой Боже», Священник, предшествуемый Дяконом с кадилом, выносит из алтаря, на главе своей, крест, украшенный цветами, которые напоминают нам, что терновый венец Распятого процвел для нас розами и лилиями

полей. Он возлагает его на уготованный аналой, посреди церкви, и простирается пред ним трижды, со всем народом, при трогательном восклицании: «кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение твое славим».

Тогда поются, на оба хора, стихиры крестные, и величается спасительное древо, и призываются все отечества языков, к его радостному поклонению:

«Приидите вернии, животворящему древу поклонимся, на нем же Христос, Царь славы, волею руки распростер, вознесе нас на первое блаженство, их же прежде сластию украд враг, изгнаны от Бога сотвори. Приидите вернии, древу поклонимся, им же сподобихомся невидимых враг сокрушити главы; приидите вся отечества язык, крест Господень песнями почтим: радуйся кресте, падшего Адама совершенное избавление; о тебе вернейшии Цари наши хвалятся, яко твоею силою Измаильтеския люди державно покоряюще: ты ныне со страхом Христиане целующе, на тебе пригвоздившегося Бога славим, глаголюще: Господи, на том пригвоздивыйся, помилуй нас, яко благ и человеколюбец».

«Днесь Владыка твари и Господь славы на кресте пригвозждается и в ребра прободается, желчи и оцта вкушает сладость церковная; венцом от терния облагается, покрываяй небо облаки, одеждою облачится поругания и заушается брэнною рукою, рукою создавый человека; по плещема биен бывает одеваяй небо облаки; заплевание и раны приемлет, поношения и заушения, и вся терпит мене ради осужденнаго, избавитель мой и Бог, да спасет мир от прелести, яко благоутробен».

«Днесь пророческое исполняется слово: се бо поклоняемся на место, идеже стоясте нозе твои Господи, и древо спасения вкусивше, греховных страстей свободу уллучихом, молитвами Богородицы, едине человеколюбче».

В два последующие воскресения великого поста предлагаются, в назидание верным, духовные подвиги двух великих пустынножителей: в четвертое – святого Иоанна Лествичника, который проведя девяностолетнюю жизнь в созерцании на горе Синайской, оставил нам свое высокое творение, под названием Лествицы. Лествица сия, тридцатью ступенями, по числу лет земного возраста Христова до времени его явления миру, изображает постепенно духовное усовершенствование Христианина, и есть зеркало жития иноческого, запечатленное собственным примером Иоанна.

Дивная жена св. Мария Египетская, из бездны порока внезапно переступившая в состояние раскаяния, в храме Иерусалимском, и потом

достигшая совершенства духовного, в пустыне Иорданской, и даже силы чудодейственной, является нам в пятое воскресенье, как разительный пример благодати Божией над кающимся грешником, приглашая и нас к разрешению от страстей. Большая часть сей пятой недели поста убедительно нас к тому призывает; повторяется также чтение великого канона Андрея Критского, ибо уже близки ведущие дни страданий Господних.

В субботу, Церковь торжественно прибегает к покрову Божией Матери, обращая почти всю утреню в один умильный акафист Пресвятой Деве, взбранной воеводе верных, с частыми из глубины сердца восклицаниями: «радуйся невесто невестная»! Некогда, при Царе Ираклие и Патриархе Сергие, ее заступлением, спасена была столица Греческая, от губительной осады Сарацин и Скифов, в сии самые дни поста, и тогда, собравшиеся во Влахернском храме клир и народ, совершили, в честь ее благодарственное песнопение, не садясь для отдыха в течении целой ночи; от сего и произошло название неседального, по Гречески акафист.

Поелику в сем песнопении, между хвалебными восклицаниями в честь Пресвятой Девы, возвышенно изображено таинство воплощения Сына Божия: то Церковь узаконила, для памяти и назидания грядущих родов, в определенный день, совершать сие служение называемое похвалою Богородицы, а свободному усердию сынов своих поручила частое возобновление акафиста, в особенных церковных и домашних молитвах.

«Радуйся, поют ей верные, цвет неувядаемый, древо принесшее яблоко благовонное, сладкоуханная лилия, приятное кадило молитвы, одушевленный рай, облак всесветлый, светило незаходимо света, звезда являющая солнце, колесница сущего на Херувимах, корабль хотящих спастися, отишие в пучине скорбей, пристанище житейских плаваний, столп огненный, вводящий человечество в вышнюю жизнь».

Шестая неделя великого поста есть, как бы некое отдохновение на трудном его поприще, ибо два последние дня ее: суббота Лазаря и вербное воскресенье празднуются, и все каноны и стихирь прочих дней приготавливают мысленно к радостному сретению Христову, с ваями добродетелей, отвалив камень ожесточения от сердца.

«Марфе и Марии подражая, верные, пошлем ко Господу божественные деяния, как молитвы, дабы он, пришед, воскресил наш ум, мертв лежащий, во гробе лености безчувственно, и отнюдь не ощущающий божественного страха, и не имеющий в себе жизненных сил: воззовем ко

Господу: Господи щедрый, ты, страшным твоим предстанием, оживил древле друга твоего Лазаря, – так и всех нас оживи, имеющий велию милость».

На сей неделе кончается чтение книги Бытия, трогательною повестью о Иосифе, который как образ Христа, продан был братьями и узнан ими в Египте, и повестью погребения Иакова в земле обетованной. В тоже время Исаия, яркими пророчествами, указывает на самого Христа, восклицая:

«Так глаголет Господь: се я дал тебя в завет рода, во свет языкам, дабы ты был им во спасение, даже до последних земли. Так глаголет Господь, избавивший тебя Бог Израилев: освятите уничижающего душу свою, которым гнушаются рабы князей языческих; Цари узрят его и восстанут князья и поклонятся ему Господа ради, ибо верен Святыи Израилев, и я избрал тебя».

Пророчества Софонии и Захарии, читаемые на вечерни ваий, столь же ясно предвозвещают пришествие Господа, в обрадованныи Сион, и даже самые обстоятельства его вербного торжества: «радуйся, дщерь Сиона, проповедуй дщерь Иерусалимская, се Дар твой грядет к тебе, праведен и спасая; он кроток и воссел на подъяремника и жребца юного».

Воздвигается и умирающий Патриарх Иаков, на смертном одре своем, чтобы возвестить будущее двенадцати сынам своим и Христа грядущего от Иуды: «призвал Иаков сынов своих и рек им: соберитесь, да возвещу вам, что сретит вас в последние дни, соберитесь и послушайте меня, сыновья Иаковли, послушайте отца вашего. Иуда, тебя похвалят братия твои; руки твои на раменах врагов твоих, поклонятся тебе сыновья отца твоего; скимен (детище) львов Иуда, от леторасли возшел ты, сын мой, возлег и уснул как лев и скимен, – кто возбудит его? Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, доколе не придет предуставленный ему Умиротворитель, и Сей есть чаяние языков».

Столь высокими пророчествами встречает Церковь вербное торжество, в день воскресения Лазарева, которое узаконила праздновать накануне, потому что оно близко предшествовало страданиям Христовым и служит утешительным уверением общего всех восстания: – так поется: «общее воскресение, прежде твоя страсти уверяя, из мертвых воздвиг еси Лазаря, Христе Боже; тем же и мы, яко отроцы, победы знамение носяще, тебе победителю смерти вопием: осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне».

На память сего радостного пришествия Господа и мы, приемшие в руки освященные вербы, исходим как бы на сретение кроткому Царю, грядущему на вольную страсть, взывая: «днесь благодать Святаго Духа нас

собра и вси, взявши крест твой, глаголем: осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне!»!

А святая Церковь, как благая мать, руководя нас к сему духовному торжеству, глубокими созерцаниями поясняет нам, что значат сии ветви, и как должно встретить с ними Христа: «восплещем согласно верные, принося Христу, подобно отрокам, ветви добродетелей; распрострем и мы, на пути его, одежды боголюбезных дел и таинственно его приимем».

Письмо VII

Приступая к описанию богослужения страстной седмицы, я невольно останавливаюсь, пораженный величиим предмета, которого, быть может, неосторожно коснулся: ибо сию великую седмицу наипаче украсила Церковь, возвышенными песнями и знаменательными обрядами, и премудрым расположением Пророческих и Евангельских чтений, так чтобы даже и рассеянный Христианин, созерцанием одной сей недели, был приготовлен к сретению Пасхи, и чтобы день Господень, по словам Писания, не пришел к нему нежданно «яко тать нощию».

Каждый день страстной седмицы, есть как бы шаг в вечность, ибо, ее днями, постепенно обозначены последние дни земной жизни Христовой и с ними идут они ровною стопою: – какой страшный отголосок событий! Сколь же внимательны должны мы быть к сим искупительным дням, ибо и мы призваны идти, в путь земной и небесный, вслед за Христом!

«Грядый Господь к вольной страсти, Апостолам глагола на пути: се восходим во Иерусалим и предается Сын человеческий, как о нем писано есть. Приидите и мы, очищенными мыслями, сопутствуем ему и сораспнемся, и будем ради его мертвы житейским страстям, да с ним и оживем, и услышим его вопиющего: я уже более не восхожу в земной Иерусалим для страданий, но к Отцу моему и Отцу вашему, и Богу моему и Богу вашему, и возвыщу вас с собою в горний Иерусалим, в царство небесное».

«Господи, ты рек своим ученикам: взирая на меня, не мудрствуйте высокое, но руководитесь смирением; пейте чашу мою, которую я пью, да и вы прославитесь со мною в царствии Отца».

«Богатый Божеством пришел я, сам Создатель, послужить обнищавшему Адаму, коего образ волею на себя принял и, бесстрастный по Божеству, восхотел я положить за него душу».

Сими возвышенными увещаниями, как бы от лица самого Спасителя, сретает нас великая седмица его страданий, на первой утрени, руководя подобными назиданиями и в последующие дни. Органами же столь высоких созерцаний служат два духовные певца, оба пустынники, оба святители, но один оставивший паству для уединения, другой же из безмолвия восшедший на кафедру: Косма Маиумский и Андрей Критский вторят друг другу, утренними и вечерними трипеснцами, как бы некими антифонами, пересылаемыми от утра к вечеру и от вечера к утру; оба они, подобно двум светилам, озаряют священные дни сии.

На каждой утрени возбуждаемся мы, от сна греховного к духовным подвигам, рукою благодетельной Церкви, которая заблаговременно толчет в затворенные двери нашего сердца, чтобы грядущий Господь не застал нас спящими непробудно.

«Се жених грядет в полунощи и блажен раб, его же обрящет бдяща: недостоин же паки, его же обрящет унывающа: блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши и царствия вне затворишися; но воспрями зовущи: свят, свят, свят еси Боже, Богородицею помилуй нас».

Мы же, пробужденные сим спасительным зовом и чувствуя свое недостоинство, плачем, как Адам пред дверями рая, как невеста, оставленная пред брачным чертогом: «чертог вижу, Спасе, твой украшенный, и одежды не имам да вниду в он; просвети и одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя».

Сообразно с величием дней возвышается и богослужение: к часам и вечерне, которые, во все течение поста, совершались в понедельник и вторник, присоединяется преждеосвященная обедня, подобно как бывает в среду. Изменяется и самое чтение книг ветхого завета, хотя соблюден тот же порядок.

Вместо Исайи, является на шестом часе Пророк Иезекииль, исполненный страшных, таинственных видений, которые видел он, на водах Ховарских, во дни пленения Вавилонского. Он видит, на огненных колесах, движимых Духом, дивные образы животных, шестокрылатых, многоочитых, с четырьмя ликами: орла, тельца, льва и человека, которые даны Церковью символами Евангелистам; он видит их, стоящих лицом на все страны, и всюду стройно идущих и возносящихся над землею, а над ними сеяние славы Господней, в подобии человеческого: видит и таинственную книгу, которую дает ему вкушать Ангел, и находит ее сладкою.

Так и за вечернею, чтение Бытия кончилось: древний Иаков погребен уже в земле обетованной; открывается вторая книга Моисеова, Исход из Египта, под именем коего писание всегда знаменует царство греха, строго воспрещая к нему обращаться сынам Израиля. Рождение Моисея и его чудное спасение в колыбели, на водах Нила, и воспитание при дворе Фараона, и бегство в пустыню Мадиамскую, где его ожидали откровения Божии; все сие предлагается нам в первые три дня.

Красноречиво говорит также нашему сердцу многострадальный Иов, взамен Соломоновых притчей. Мы постепенно видим три разительные эпохи его жизни: сперва является он во всем блеске земного благополучия,

богатый имуществом, богатый детьми, за коих ежедневно молит, дабы не погрешили пред Господом, хвалимый Ангелами и возбудивший зависть дьявола, который просит о испытании праведника бедствиями. И вот, в промежутке чтений, для нас протек один только день, а для Иова день сей как бы целая вечность, – так внезапно исчезло его благоденствие: хищники расхитили стада, пустынный ветер обрушил на детей храмину, но Иов не ропщет: «Господь даде, Господь отъя!» восклицает он, раздирая свои одежды. В третий день он уже сидит пред нами, на гноище, покрытый язвами, терзаемый упреками жены и друзей, и посреди всех сих искушений, Иов смирен сердцем «и не даде безумия Богу».

Воспоминание сего невинного страдальца, во все дни недели, и в первый день память Иосифа, проданного братьями, вверженного в темницу между двух преступников, из коих один спасается, другой гибнет, и наконец, вознесенного над всем Египтом, который он чудно питает хлебом, – воспоминание сие возводит нас, древними образами Христа, к самым страданиям Христовым.

Но свьше всех книг ветхого завета питает душу, в великие дни сии, чтение Евангельское; каждый день на утрени и на обедни, внимаем мы современным деяниям Христовым: в понедельник о иссушении им смоковницы, за ее неплодие, и пророчество его о кончине мира, а потому Церковь предостерегая нас, поет: «братие, убоившись проклятия смоковницы, иссохшей за ее неплодие, принесем плоды достойные покаяния, Христу подающему нам великую милость».

Во вторник из Евангельских притчей, о пяти мудрых и пяти безумных девах, не возжегших светильники на сретение жениху, и талантах, дарованных отходящим владыкою рабам своим, извлекаются также назидательные стихиры.

«Приидите, верные, поработаем усердно Владыке, ибо он раздает рабам своим богатства; каждый да умножите в себе талант благодати: один пусть принесет мудрость, как плод благих дел, другой да совершает служение просвещения; верный пусть сообщается словом тому, кто не ведает таинств, и богатый да расточает убогим: так усугубим мы данное нам займы и, как верные строители благодати, сподобимся радости Владычней».

В среду, на утрени, постепенное чтение Евангелиста Матфея прерывается Евангелием Иоанна, в коем Спаситель, пред самым страданием прославляется свьше, небесным гласом, и возвещает вольную смерть свою; а на литургии опять повествует Апостол Матфей, о блаженной жене, пролившей миро на главу и ноги Иисусовы, и тем

помазавшей его на смерть; посему поется:

«Тебя сына Девы, Богом познала блудница и с плачем к тебе взывала, ибо сотворила дела достойные слез: разреши долг мой, как я разрешила власы; возлюби любящую, праведно ненавидимую, и я, вместе с мытарями, проповедаю о тебе, благодетеле человеков».

Но Церковь не довольствуется краткими Евангельскими чтениями, для столь великих дней; нет, она желает, одною седмицею заменить шесть предыдущих, в течении коих лишены были верные утешительного благовестия, и потому, в первые три дня, на часах, прочитываются все четыре Евангелия: Матфея и Марка в понедельник, Луки и Иоанна во вторник и среду. Таким образом, не одни страдания Христовы, но вся жизнь, весь новый завет его, повторяются памяти пред искупительною Пасхою, подобно как и в ветхом завете, Моисей повторил Израильтянам все заповеди Божии, Второзаконием, пред тем как другой Иисус, Навин, долженствовал ввести их, чрез Иордан, в землю обетованную.

Таковы три первые дня страстной недели, сходные между собою богослужением; но три последующее носят на себе разительный отпечаток молитв и обрядов, исключительно присвоенных каждому из них, сообразно с важностью воспоминаний.

Изменение сие начинается уже с самой утрени великого четвертка, во время коей оставляется обычное чтение псалтиря и, после Евангелия от Луки о вечери тайной, канон св. Космы, ее воспевающий, заменяет великопостный трипеснец; а на первом часе предлагается пророчество Иеремиино о страданиях Господних: «Я же, как агнец незлобивый, ведомый на заколение, не примечал, что на меня умыслили помысл лукавый глаголющие: приидите и вложим древо в хлеб его, и истребим его от земли живых, и да не помянется более имя его».

О том же пророчествует Исаия, на вечерни, которая в сей день совершается вместе с литургией великого Василия, ибо вечернее время соответствует самому часу вечери тайной: «Господь дает мне язык научения чтобы разуметь, когда подобает изрекать слово. Рамена я дал на раны, и ланиты мои на заушения, лица же не отвратил от стыда заплеваний, и Господь, Господь помощник мне был; сего ради не устыдился, но положил лице свое, как твердый камень, и разумел, что не буду постыжден, ибо приближается оправдающий меня».

И стихиры великого четвертка выражают, с одной стороны козни Иудейские и вероломство Иуды, с другой терпение Агнца Божия: «Уже стекается соборище Иудейское, да предаст Содетеля и Зиждителя всех Пилату. О беззаконные! о неверные! они готовят на суд грядущего судить

живых и мертвых; исцеляющего страсти страстям обрекают! Господи долготерпеливый, велия твоя милость, слава тебе».

«Агнец, которого проповедал Исаия, грядет на вольное заколение и плечи дает на раны, ланиты на заушения, лица же не отвратил от стыда заплеваний, и на смерть неблаговидную осуждается: безгрешный, все приемлет волею, да всем дарует из мертвых воскресение».

В сей день, воспоминающий краткое преподание нового завета, за мирною вечерею, запечатленное кровью Богочеловека, противопоставляется картина ветхого завета, данного Моисею посреди бурь и громов Синайских, и книга Исхода, огненными чертами, живописует дивное событие: «В третий день, при наступлении утра, раздались гласы и были молнии и облак мрачный на горе Синайской; сильно раздавался глас трубный и убоялись все люди в стане Израильском. Моисей извел народ, в сретение Богу из стана, и поставил под горою: гора же дымилась, ради схождения Божия на нее в огне, и восходил дым, как дым пещный, и ужаснулись все люди; сильно и громко истекали трубные гласы: Моисей глагола, Бог же отвечивал ему гласом.

Вслед за сею предлагается другая, таинственная беседа Бога с человеком, опять сквозь бурю и облак. Господь говорит Иову, когда уже начинал он, от продолжения бедствий, колебаться сомнением о правде Божией, и вопрошает его: испытал ли он премудрость Божию в делах творения? где был человек, когда Господь основал землю и все Ангелы его восхвалили? – Следует великолепный ряд картин мироздания: как заградил Господь врата изливающегося моря, и дал ему в одеяние облака, и повил его мглою и, положив ему пределы, рек: «доселе дойдеш и не прейдеш и в тебе сокрушатся волны твои». Каждый из вопросов разителен, своим необъятным величием, брэнному человечеству, и изнемогающий под сим бременем Иов наконец восклицает то, что должен воскликнуть, из глубины сердца, а не суетного ума, всякий дерзкий испытатель судеб Божиих: «вем Господи, яко вся можеш, невозможно же тебе ничтоже!» И тогда, после сознания своего ничтожества, вместе со смиренным Иовом, и он возможет сказать Господу: «прежде я только слышал о тебе слухом уха, ныне же око мое видит тебя».

О сем утешительном видении Бога, который сделался нам доступным в образе человеческом и, сообщением собственного тела и крови, дал нам новый завет, для обновления нашего, трогательно повествует в своем послании, на литургии, Апостол Павел; а Евангелист Матфей, от вечери тайной проводит нас к началу страданий Господних, к болезненной молитве во мраке Елеона, и горькому преданию и отречению Петра. На

столь страшном месте останавливается Евангелие и обличение Иуды, вместе с сокрушенною молитвою разбойника, на сей литургии, заменяет даже Херувимскую торжественную песнь: «Вечери твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими, не бо врагом твоим тайну повем, ни лобзания ти дам яко Иуда, но яко разбойник исповедаю тя: помяни мя Господи во царствии твоём».

И обычная похвальная песнь Богоматери уступает ирмосу утреннего канона, чтобы напоминовением вечери Христовой более приготовить сердце к ее приятию: «приидите верные, на горнем месте, насладимся Владычним угощением и бессмертною трапезою, возвышенными умами, из слова, научаясь познанию восшедшего паки ко Отцу Богу Слова, которого величаем».

Когда Архиерей совершает торжественное служение великого четвертка, то, как носящий на себе образ Христов, дополняет он изображение тайной его вечери, повторением, после литургии, смиренного умовения ног ученикам. Посреди церкви, на возвышенном амвоне, разоблачается Святитель, в кругу двенадцати сидящих Пресвитеров и, следуя словам Евангелия от Иоанна, громогласно читаемого Диаконом с кафедры, берет лентион, возливает воду в умывальницу и оmyвает им ноги. Для совершенного подобия, чтение Евангелия переходит, из уст Диакона в уста Архиерея и старшего из сослужащих; сим последним повторяются слова Апостола Петра, претящего оmyть себе ноги, самим же Архиереем ответ Христов; наконец, вновь облачившись, садится он посреди Пресвитеров и, доканчивая чтение Евангелия, говорит им от лица Господня: «вы глашаете мя Учителя и Господа, и добре глаголете, есмь бо; аще убо аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе, образ бо дах вам, да яко же аз сотворих вам и вы творите. Аминь, аминь, глаголю вам, несть раб болий Господа своего, ни посланник болий пославшего его; аще сия весте, блажени есте, аще творите я».

Письмо VIII

Наступил великий пяток, со всеми воспоминаниями страстей Господних; он стоит, между знаменательными днями сей недели, как некий возвышенный крест, приосеяющий субботний гроб Христов: до такой степени исполнен он весь скорбью и славою креста! каждый час его есть мера искупительных страданий Богочеловека; их отголосок отзывается в каждом глаголе его духовных песней, пророчеств и Евангелий.

Одна его утренняя есть уже повесть всех страданий Христовых, исторически расположенных в двенадцати Евангелиях: все события пятка являются в хронологическом порядке, отрывками избранными из всех Евангелистов, начиная от трогательной беседы Господа, прощающего с учениками после вечери тайной, и последней его молитвы пред разлукою, в такой целостности сохраненных любящим сердцем Иоанна: «ныне прославился Сын человеческий и Бог прославился о нем», и до последней злобы фарисеев уже над умершим, которые, по словам Матфея: «шедше утвердиша гроб, знаменовавше камень с кустодиею».

Тоже самое чтение, о страданиях, предлагается опять на царских часах, особенно для сего дня составленных из псалмов, относящихся к страданиям Христовым, но только в другом порядке: там соблюдалась в повествовании постепенность событий, здесь же напротив выступают, в виде свидетелей, четыре Евангелиста, один за другим, повторяя то же великое событие, но разнствуя только в изречениях. Это самое дает им признак достоверных свидетелей, которые согласны в существе дела, потому что верно повествуют то, что верно знают; разнятся же иногда в словах, ибо говорят что знают, а не то, в чем взаимно условились. Наконец, на вечерни, которая, молитвами и обрядами, живописует самое распятие и погребение Господне, история дня сего, прежде представленная в разделенных чтениях, сливается в одно чтение, составленное из трех Евангелистов, и происшествия протекают, одним непрерывным потоком, пред нашими очами.

Таково премудрое расположение Евангельских чтений; не уступает оному выбор, из посланий Апостольских и книг ветхозаветных, и самых антифонов и стихир, на утрени, часах и вечерни; торжество же литургии не совершается в день сей, как ради сокрушения и плача Церкви, так и по той глубокой мысли, что жертва Голгофская, принесенная Спасителем в великий пяток, есть единственная и заключает в себе все жертвы всех

алтарей.

Между первыми шестью Евангелиями утрени, пятнадцать возвышенных антифонов, частью извлеченных из псалмов и пророчеств, частью из сердечных сокровищ певцов духовных, потрясают душу умирительными стихами.

«Представим чистыми наши чувства Христу и, как друзья его, пожертвуем для него нашими душами, и не станем угнетать себя попечениями житейскими, вместе с Иудею, но во внутренних храминах наших возопием: Отче наш, иже еси на небесех, от лукавого нас избави».

Антифон сей вполне соответствует своему наименованию, ибо он противопоставляет мир Христианский злобе иудейской, выраженной в первом стихе его, словами пророческого псалма: «Князи людстии обращася на Господа и на Христа его».

Другие антифоны заключают в себе также прорицания ветхозаветные о Христе: «поставиша тридесять сребренников, цену цененнаго, его же оцениша от сынов Израилевых».

«Даша в снесь мою желчь и в жажду мою напоиша мя оцта».

«Разделиша ризы моя себе и о одежде моей меташа жребий».

Посреди столь разительных, своею ясностью пророчеств, приявших исполнение в сей великий пяток, еще иные антифоны выражают дивную противоположность Божества и страждущего человечества, в одном лице Христовом.

«Днесь висит на древе повесивший на водах землю, венцом из терния венчается Ангелов Царь, облакается в ложную багряницу одевающий облаками небо, заушение приемлет освободивший в Иордане Адама... поклоняемся страстям твоим, Христе, покажи нам и славное свое воскресение».

И вот что, в тех же песнях, взывает, со креста, Распятый к распинателям: «людие мои, что сотворил я вам, или чем вас огорчил? – слепцов ваших я просветил, прокаженных очистил, расслабленного со одра восставил. – Людие мои, что сотворил я вам и что вы мне воздали? – за манну желчь, за воду оцет, вместо любви ко кресту меня пригвоздили; но я уже не терплю более: призову моих язычников, и те меня прославят, со Отцем и Духом, и я им дарую жизнь вечную».

Лик Апостольский вопиет также к законоположникам Израилевым: «се храм, который вы распяли и предали гробу, но властью своею он воскрес. Не обманывайтесь иудеи; он есть спасший вас посреди Чермного моря и питавший в пустыне; он есть жизнь и свет и мир мира».

В противоположность такому их неверию: «малый глас испустил на

кресте разбойник и великую обрел веру, в одно мгновение спасся и первый взошел в отверзшиеся врата рая. Господи, приемший его покаяние, слава тебе».

Сколь же трогательные тропари предшествуют, и на царских часах, чтению четырех пророчеств Софонии, Иеремии и Исаии. После них, пред каждым из Евангелистов, Апостол Павел, носящий на себе язвы Господа Иисуса, возвещает о славе креста, им одним похваляясь, и объясняет нам всю любовь Бога, давшего пострадать за нас Христу, который поставлен Первосвященником для очищения грехов наших; он наконец восклицает: «ежели отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью: то сколь жесточайшему, думаете, мучению повинен тот, кто попирает Сына Божия, и не почитает за святыню кровь завета, которою он освящен, и ругается над духом благодати? – страшно впасть в руки Бога живаго»!

Еще слух и сердце исполнены сими высокими впечатлениями, когда опять повторяются нам все страшные обстоятельства распятия Господня, на великой вечерни, и даже в самое время его события; ибо у Евреев, как и теперь на Востоке, часы дня считались от восхождения солнца, а потому шестой час распинания соответствовал полдню; девятый же, когда предал дух Спаситель, третьему, и таким образом мы, в одно время с Аримафеем, приступаем к погребению божественного тела; но прежде приуготовляют нас к оному таинственные песни и паремии.

«Вся тварь изменялась от страха, зря тебя на кресте висящего, Христе; солнце омрачилось и потряслись основания земли, все сострадало создавшему все! Господи, волею нас ради пострадавший, слава тебе».

Так возглашает одна стихира и ей вторит другая: «страшное и преславное таинство днесь зрится; неосязаемому прикасаются, вяжется разрешающий от клятвы Адама: испытующий сердца и утробы неправедно испытуется; в темницу затворен затворивший бездну; Пилату предстоит тот, кому с трепетом предстоят небесные силы; рукою создания заушается Создатель; на крест осуждается Судия живых и мертвых; во гроб заключается разоритель ада! О незлобивый Господи, все терпящий милосердно и всех спасающий от клятвы, слава тебе».

На паремиях, Пророки Моисей и Исаия выступают, как бы на некое духовное прение, противопоставляя друг другу, один несказанную славу, другой несказанное уничтожение Господа; но сии обе, мнимые только крайности, теряются в необъятности бесконечного существа Божия, ибо ограниченному человеческому разуму равно непостижимо состояние уничтожения Господа, как и состояние его славы. Издали только можно

созерцать ее, в безмолвном ужасе, подобно Моисею, когда сей отважнейший из всех молитвенников, дерзновенно молил Господа показать ему славу свою, и скрылся от лица Божия, в расселинах камней Синая.

И кроткий Исаия, еще за восемь веков до его воплощения, напрягает силы духа, чтобы вынести зрение Бога, хотя умерившего неприступный свет, сквозь облачение умаленного образа человеческого; но посреди жалостного созерцания всех его страданий, за грехи мира, проникнутый ужасом, он восклицает: «род же его кто исповест»?

«Так глаголет Господь: се уразумеет отрок мой и вознесется и много прославится! ужаснутся о тебе многие, – так обесславится от человек вид твой и слава твоя от сынов человеческих: так удивятся о нем языки многие, и Цари заградят уста свои; ибо его узрят те, коим не возвещали о нем, и не слышавшие о нем уразумеют. Господи, кто веровал слуху нашему, и мышца Господня кому открылась? Мы возвестили им отрока, как корень в земле жаждущей; нет вида ему, ни славы, и мы зрели его, и не имел он вида, ни красоты: но вид его умален и бесчестен, паче всех сынов человеческих, – человек в язве сущий и ведущий терпеть болезнь; все отвращают лице свое от него, он поруган и вменен за ничто. Сей грехи наши носит и о нас болезнует; а мы думали, что он наказан от Бога язвою и трудом; он же мучим был за грехи наши и за беззакония наши терзаем; наказание нашего мира на нем, язвою его мы исцелили. Все мы как овцы заблудились, человек совратился с пути своего, и для наших грехов предал его Господь; и он посреди оскорблений, не отверзает уст своих, как овца ведется на заклание, безгласен как агнец пред стригущим: в унижении его совершился суд, – род же его кто изъяснит!»

Апостол Павел разрешает, своим посланием, таинственное недоумение обоих Пророков; он примиряет между собою славу и бесславие Господа – словом крестным: «ибо слово о кресте, для погибающих есть безумие, а для нас спасаемых – сила Божия; ибо написано: уничтожу мудрость мудрецов и разум разумных ниспровергну. Где мудрец, где книжник, где искусный в состязаниях века сего? не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? ибо когда мир, своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, тогда благоугодно было Богу спасти верующих – невежеством проповеди. Иудеи требуют чудес, а Еллины ищут мудрости: но мы проповедуем Христа распятого, – для иудеев соблазн, для Еллинов безумие, для самих же призванных, иудеев ли или Еллинов, – Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что безумное Божие мудрее человеков и неможное Божие крепче человеков».

Между тем, во время чтения сих возвышенных писаний и Евангелия, протекли для нас, в благоговейном созерцании, самые часы страдания Господня и наступил девятый час погребения. Тогда, в лице Иосифа Аримафейского, Епископ, окруженный священным Собором, сперва наполняет благовонием кадила святой алтарь, в память тех ароматов, коими обвил погребатель божественное тело; потом подымает его подобие, плащаницу, с престола, на коем, как на Голгофе, совершается всегда таинственная жертва Агнца; он несет на главе плащаницу, из зимней церкви в летнюю, и храм сей обращается в святой гроб, до радостного дня Пасхи: верные же сопутствуют Святителю, как некогда благочестивые жены Иосифу, зревшие где полагали Господа; а, в ожидании сего знаменательного шествия, лики поют погребальную песнь: «Тебя, одевающегося светом как ризою, Иосиф, сняв с дерева, с Никодимом, и видя мертвым, нагим, непогребенным, милосердый плач подъял и рыдая восклицал: увы мне, сладчайший Иисусе, которого еще недавно солнце, узрев на кресте висяща, обложилось мраком и земля поколебалась страхом, и раздиралась церковная завеса! – се ныне вижу тебя, ради нас приявшего смерть. Как погребу тебя, Боже мой, или какую плащаницею обовью? какими руками прикоснуся нетленному твоему телу, или какие песни воспою исходу твоему всещедрый? – величаю страдания твои, песнословлю и погребение твое с воскресением, зывая: Господи слава тебе».

Таинственным ожиданием наполнена вся чрезвычайная утренняя великой Субботы, достойная быть преддверием Пасхи. Христос во гробе посреди церкви, вокруг, в черных ризах, стоят священнослужители, но отверсты врата алтаря, как бы в сретенье Божественному мертвецу, и пение погребальное беспрестанно прерывается воскресными гимнами, а возженные в руках народа свечи проливают свет по всему храму, как зарю того невестественного света, который воссияет завтра из гроба.

При самом начале утрени, после шестопсалмия, тропарь выражает сие смешение плача и ликований: «благообразный Иосиф, с дерева снем пречистое тело твое, плащаницею чистою обвив и вонями, во гробе нове, покрыв, положи».

«Егда снисшел еси к смерти, животе бессмертный, тогда ад умертвил еси блистаньем божества; егда же и умершия от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя зываху: Жизнодавче Христе Боже наш, слава тебе».

«Мироносицам женам, при гробе представ Ангел вопияше: мира мертвым суть прилична, Христос же истления явился чужд».

Около плащаницы начинается другое смешение ветхозаветных песней Давида с новозаветными похвалами Христу, сперва запевают их оба лика, потом один чтец или певец откликается другому стих похвал, на каждый стих псалма, и так переплетается ими вся семнадцатая кафисма, как многотканый покров, возложенный праотцем Давидом, на тридневное ложе его Божественного сына.

«Блажени непорочнии, в путь ходящие в законе Господнем», восклицает Давид и ему отвечают: «жизнь во гробе положился еси, Христе, и Ангельския воинства ужасаются, снисхождение славяще твое», и снова Царь: «блажени испытующии свидения его, всем сердцем възыщут его».

Иногда сии разновременные песни текут, одна близ другой, взаимно чуждые по разности своих предметов; иногда же чудно сходятся между собою и, на расстоянии многих веков, Церковь как бы отвечает недоумевающему Пророку.

«В заповедях твоих поглумлюся и уразумею пути твоя», говорит он, и ему поясняются пути сии: «истинный небесе и земле Царь, аще и во гроб малый сам заключися, познался еси всей твари».

На три статьи разделена таким образом вся кафисма, и на конце ее, как и в начале, воспевается тропарь, но уже обычный воскресный, изображающий радость Ангелов и смятение Мироносиц: «благословен еси Господи, научи мя оправданием твоим».

Канон субботний выражает тоже возвышенное смятение неба и земли: «Спасе мой! силы небесныя и преисподния, помышляя о тебе, сущем горе на престоле и долу во гробе, недоумевали о твоей вольной смерти, ибо свыше всякаго ума являешься мертвым ты, начальник жизни».

«Ужаснися страхом небо и да подвядутся основания земли! се в мертвецах вменяется живущий в вышних и в малый гроб странно приемлется».

На девятой песни трогательно возглашает как бы из самого гроба, Божественный Сын к Матери, видевшей его на кресте: «не рыдай мене Мати, зрящи во гробе, его же без семени во чреве зачала еси сына; востану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Бог, верую и любовию тя величающия».

Песнь сия переносит нас, от недоступных созерцаний его Божества, к нежным, более понятным чувствам его человечества, и она повторяется на литургии, вместо обычной похвалы Пресвятой Девы.

После великого славословия, при тихом пении трисвятой песни, совершается опять торжественный ход с плащаницею, и хотя кажется

обряд сей есть отчасти повторение вечернего, чтобы там, где Священники соборно служили накануне с Архиереем, они могли бы, и у себя в церквах, совершить оный для прихожан, – однако же духовное значение утреннего хода отлично от вечернего. Тогда, подражая Иосифу, мы только предавали гробу божественное тело; здесь же торжественным несением плащаницы кругом церкви, с хоругвями, знаменуется, что и во время земного своего отдыха, Господь действовал как победитель, ограждая свою Церковь сокрушением ада. И другое таинственное действие изображает мертвенная плащаница, когда возвратясь в храм священнослужители, прежде нежели возложить ее на одр, приносят к царским дверям алтаря, пред лице престола, – то именно, что язвенный ради нас Господь, никогда не отлучался, Божеством своим, от престола славы Отчей.

По совершении хода, над тем же гробом, готовым упраздниться, возглашает свидетель грядущего восстания мертвых, Пророк Иезекииль: «на мне была рука Господня и, Духом Господним, извела и поставила меня среди поля, полного костей человеческих, и обвела окрест их, и много их было на лице поля, и сухи все. Дух рек ко мне: сын человеческий, оживут ли кости сии? – и я воскликнул: Господи, ты знаешь! и снова голос: сын человеческий, прорцы на кости сии и скажи им: кости сухие, услышьте слово Господне, се глаголет Адонаи Господь костям сим: дух жизни вдохну я в вас, и дам вам жилы, и наведу на вас плоть и простру по вас кожу, и дам вам дух мой, и оживете и узнаете, что я Господь; и я прорек, как заповедал мне Господь, и, вместе с моим глаголом, был глас и землетрясение: совокуплялись кости, кость к кости, каждая к своему составу; смотрел я – и явились на них жилы, и плоть росла, и простиралась сверху кожа; но в них не было духа. Ко мне был голос: прорцы о духе, прореки сын человеческий и скажи духу: так глаголет Адонаи Господь: от четырех ветров прииди дух и дохни на мертвых сих, да оживут, и я прорек, как заповедал мне Господь, и взошел в них дух жизни, и ожили все, и стали на ногах своих – собор многий, великий».

И Апостол Павел, повсюду неотлучный где только возвещается о язвах Господа, умоляет нас: «очистить себя от ветхого кваса злобы и лукавства, и праздновать в безквасии истины и чистоты, чтобы принять с верою обетованного Духа».

Посреди сих радостных ожиданий, Евангелист Матфей еще раз повествует, о последней злобе иудеев мнивших, стражами и печатью, удержать во гробе Сына Божия. Внимая сему, невольно приходит на мысль, как часто мелкий размер ума человеческого, не обнимая и не

покоряясь обширности судеб Божьих, силится отвергнуть непостижимое. На конце же утрени Церковь улаживает песнями погребателя Христова:

«Приидите, улаживим Иосифа приснопамятного, в нощи пришедшего к Пилату и живота всех испросившего: даждь ми сего странного, иже не имеет где главы подклонити: даждь ми сего странного, его же ученик лукавый на смерть предаде; даждь ми сего странного, его же мати зрящи на кресте висяща, рыдая вопияше: увы мне! увы мне, чадо мое, увы мне! – Симеоном предреченное в церкви, днесь сбьется: твое сердце оружие пройдет, но в радость воскресения твоего плач преложи».

По мере приближения таинственного конца страданий Христовых, торжественнее становится богослужение, и Церковь, лишившая себя приобщения тела Господня, в самый день его заклания, опять приступает к сему утешительному таинству в субботу Божию. Она даже обильно преподает дары Св. Духа крещением, которое издревле предпочтительно совершалось в сей день, дабы встретить Христа сонмом оправданных его кровью.

Литургия Св. Василия Великого соединяется с вечернею и поется по уставу поздно, так чтобы могла окончиться час спустя по захождении солнца и как бы взойти в пределы наступающего радостного дня. По обычаю Церкви, вечерня накануне праздника уже ему принадлежит, а не протекшему дню: посему и богослужение великой Субботы, стихирами и паремиями, частью изображает субботний подвиг Спасителя, частью же его воскресение. Церковь, привыкшая всегда соединять память заклания Агнца с памятью о его восстании, вечерними стихирами, уже сзывает нас на поклонение готовому воспрянуть, и воспеваает поражение ада:

«Обыдите людие Сион, и обымите его, и дадите славу в нем воскресшему из мертвых, яко той есть Бог наш, избавлей нас от беззаконий наших».

«Днесь ад стена вопиет: благо мне, когда бы не принял рожденного Мариною, ибо он, наступив на меня, разорил мою державу и врата медныя сокрушил, и как Бог воскресил души, искони мною плененныя».

Род же человеческий воспеваает: «всемирную славу, процветшую от человеков, и родившую Владыку, небесную дверь, Марию Деву, безплотных песнь и украшение верных: ибо она явилась небом и храмом Божества; она, разрушив враждебную преграду, водворила мир и отверзла царствие; имея ее утверждением веры, мы имеем поборником родившегося от нее Господа. Итак, держайте людие Божии, ибо всеильный Сын ее победит врагов».

Вслед за стихирами читаются пятнадцать паремий, из книг ветхого

завета, предобразующих грядущее воскресение и славу Церкви. Книга Бытия, о начале мира, открывает сей ряд возвышенных созерцаний, дабы, в предлежащем божественном мертвце, с ужасом узнали мы Творца вселенной, который один только мог, творческою силою своею, возобновить в нас свой утраченный образ, вначале им самим данный Адаму.

Потом Исаия торжествует восстановление человечества, под сенью Церкви: «светися, светися, Иерусалиме, ибо твой свет пришел и слава Господня на тебе воссияла; се тьма покроеет землю и мрак на язычниках, но тебя осеняет Господь, и слава его на тебе узрится, и пойдут Цари светом твоим и языки светлостью твоею; возведи очи твои окрест и виждь собранные чада твои, все сыны твои пришли издалеча и дочери твои на руках принесутся. – Кто сии, ко мне летящие, как облака, как голубицы со птенцами? – они притекли ради имени святого Господня и дабы прославиться Святому Израилеву».

Таинственный агнец пасхальный, данный Евреям в память их исхода из плена, и кровью коего они были избавлены от смерти, поразившей Египтян, предлагается здесь образом настоящего Агнца Божия, а его тридневное погребение предзнаменует тридневным пребыванием во чреве китовом Пророка Ионы, посланного проповедовать покаяние народу Ниневийскому, и, чтобы прямо указать на лице Иисусово, повествуется вслед за тем о другом Иисусе, Иисусе Навине, который провел Израиля, чрез Иордан, в землю обетованную.

Величественная картина прехождения Чермного моря, посреди коего, по словам Апостола Павла, крестился весь народ Израильский в Моисея, как мы во Христа, ибо Моисей был его образом, заключает первую часть паремий, и оба лика, по примеру Мариами и дев Израильских, возглашают попеременно: «поем Господеви, славно бо прославися!»! а чтец повторяет по стихам всю вдохновенную песнь: «коня и всадника вверже в море, поем Господеви: помощник и покровитель бысть мне во спасение, поем Господеви; сей мой Бог и прославлю его, Бог отца моего и вознесу его, поем Господеви; Господь сокрушай брани, Господь имя его, поем Господеви».

В последующих паремиях соединены образы заклания и воскресения Господня, с пророчествами о призвании язычников. Авраам готовится принести в жертву единственного сына Исаака, в предзнаменование единородного Сына Божия, пожертвовавшего за мир, и два величайшие по чудесам Пророка, Илия и Елисей, каждый воскрешают отроков, сими двумя примерами, приготавливая род человеческий к принятию воскресения

Христовая.

Но если они оба благовествуют чудесами, то Пророки Софония, Иеремия и Исаия, действуют словом. Все три видят грядущую славу Церкви и сонм язычников, ее восполняющий, а Иеремия обещает новый завет народу Божию, начертанный в мыслях и на сердцах; Исаия же обещает сему народу новое имя, которым назовет его Господь, и даст ему землю вселенную, и пастыря овцам Божиим, влагающего им Духа Святого. Он произносит даже те слова, какие повторил сам Иисус, во дни своего пришествия: «Дух Господень на мне, его же ради помаза мя, благовестити нищим посла мя; исцелити сокрушенные сердцем, проповедати плененным отпущение и слепым прозрение, нареци лето Господне приятно и день спасения».

Чудное спасение трех отроков, от огненной смерти в печи Халдейской, описанное Даниилом, среди пламени воспевших Бога отцов своих, заключает возвышенный ряд паремий, и опять оба лика вторят чтецу, возглашающему песнь их: «благословите вся дела Господня Господа, пойте и превозносите во вся веки».

Подобно как на утрени, Апостол Павел продолжает свое возвышенное убеждение: чтобы спогребшиеся со Христом, в водах крещения, и вместе с ним воскресшие, ходили во обновлении жизни и были бы мертвы греху, но живы Богу во Иисусе Христе; а Церковь, ради торжества крещения, в день сей совершавшегося над язычниками, подобно как и в Лазареву субботу, вместо трисвятой песни возглашает: «елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь, аллилуйя».

Чтением Апостола заключается погребальный день субботний, и начинает уже светать денница воскресения. Как бывает в природе, что лучи еще не явившегося солнца заранее уже озаряют верхи гор, – так освещается и Церковь, зарею солнца правды, готового воспрянуть: первый его отблеск на горнем ее месте, алтаре, и таинственный свет сей, как миро на главе, сходящее, по словам псалма, на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его, проливается, сперва на одежды верховного Святого, ближе и выспреннее других; созерцающего таинства, и на сослужащих ему Пресвитеров и Диаконов, которые внезапно изменяют одежды черные на белые, сходно с убелившимися облачениями престола и жертвенника, а потом и самый клир; четыре иподиакона, в светящихся ризах, приходят сменить черную стражу вокруг плащаницы, как бы в лице Ангелов и ожидая Мироносиц. Между тем, три отрока пред нею, умирительно поют: «воскресни Боже, суди земли, яко ты наследилши во всех языцех».

И когда вслед за тем, выходит из алтаря Диакон благовествовать о воскресении, все так светло и радостно в церкви, как будто бы уже стоял посреди нее Воскресший с приветом: «мир вам»! так все изменилось внезапно и небесная слава отразилась на земле.

Устами Диакона, Евангелист Матфей, извещает о пришествии Мирносиц к упраздненному гробу, и о сретении их Ангелами и самим Иисусом; не таит он и коварства фарисеев, давших сребренники воинам, чтобы разгласили о похищении тела; наконец возводит нас мысленно, вслед за учениками в Галилею, в гору, поклониться Иисусу, и мы слышим последние слова возносящегося Господа: «дадеся Ми всяка власть, на небеси и на земли; шедше убо научите вся языки, крестяще их, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся елика заповедах вам, и се аз с вами есмь, во вся дни, до скончания века. Аминь».

Тогда совершается литургия Св. Василия Великого, и проникнутые таинственным ужасом, после всех сих необъятных созерцаний, вместо Херувимской песни мы восклицаем: «да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет: Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным; предходят же сему лица Ангельстии, со всяким началом и властью, многоочитии Херувими и шестокрилатии Серафими, лица закрывающе и вопиюще песнь: аллилуйя».

Письмо IX

Приближается наконец радостное, давно желанное утро, и как встречают его верные? как проводят остаток Божьей Субботы? – в чтении Деяний Апостольских, не выходя из храма, как бы желая предварить даже самих Мироносиц, и вместе с Ангелом отвалить камень от гроба Жизнодавца. Бьет полночь, и последний гимн отдается субботе, опять слышится ее таинственный канон: «волною морскою кто древле покрыл мучителя гонителя (Фараона), того, дети спасенных (Иудеев), под землю скрыли (Христа); но мы, как девы (Израильские), поем Господу, славно бо прославися».

С каноном престаёт уже суббота, и настает воскресение. Торжественно отверзаются царские врата и, на главах священнослужителей, вносится плащаница в алтарь и полагается на престоле. Песнь: «воскресенье твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси», в первый раз слышится в алтаре, еще затворенном: потому что великие судьбы человечества прежде открываются на небесах, нежели являются на земле. Потом священнослужители исходят с крестом и хоругвями и, обходя вокруг церкви, во мраке и тишине ночи поют: «воскресение твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси, и нас на земли сподоби, чистым сердцем тебе славить».

У западных, заключенных врат, останавливается приготовительное шествие. Между тем пустеет храм, за клиром следует народ; дети Адама стремятся к новому Адаму, чтобы, при радостной вести о его восстании, узкими вратами войти в его новую жизнь, и здесь как первое лепетание младенца, раздаётся в устах возрожденного человечества: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Но на сей клик, сокрушивший веры ада, не вдруг отверзаются двери церковные; нескорое их открытие выражает радостное неверие учеников. Далее возглашается и пророческий псалом Давида: «да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежать от лица Его ненавидящие Его», и каждый стих псалма поясняется тем же убедительным: «Христос воскрес»!

Наконец, начальствующий в священнослужении, держа в одной руке крест с изображением распятого Христа, а в другой кадильницу с фимиамом, движением ее, начертывает знамение креста против затворенных дверей храма, и они отверзаются; начинается торжественный

вход из внешней тьмы во внутренний свет храма, по подобию шествия Христова, от преисподних земли в превыспренняя неба, с избавленными им, когда вход отверст был крестом его. Ликующий сонм с победною песнью, уже не останавливаясь, шествует чрез всю церковь, прямо в алтарь, отверстый на всю Пасху, ибо отныне царствие Божие открыто верным: храм же внезапно весь озаряется светом возженных свеч, а лики поют: «воскресения день, просветимся людие, пасха, Господня пасха! от смерти бо к жизни и от земли к небеси, Христос Бог нас приведе, победную поющия».

«Очистим чувства и узрим Христа, блистающего неприступным светом воскресения, и победную песнь поюще, ясно да услышим рекущего: радуйтесь».

«Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует мир, видимый же весь и невидимый : Христос бо воста, веселие вечное» .

Из вдохновенной души Св. Иоанна Дамаскина излился божественный канон сей, венец всех духовных песней; первая вняла ему, на юдоли плача, лавра Св. Саввы и радостно передала Вселенской Церкви. Вся песнь, как один порыв восторга; светлые мысли певца обтекают и небо и землю и бездны, ибо сам он исполнен Христом, все наполняющим.

«Ныне вся исполнишася света: небо же и земля и преисподняя, да празднует убо вся тварь востание Христово, в нем же утверждается».

Вторым ирмосом канона Дамаскин призывает верных: «пить новое питье, чудесно текущее, не из бесплодного камня (ударенного жезлом Моисея), но из гроба Христова, который струить источник нетления».

Как младенец, прильнувший к лону нежной матери, или держащийся за край ее одежды, чтобы всюду быть с нею, – так песнопевец Иоанн не разлучен от Искупителя, соединившись с ним духом:

«Вчера спогребохся Тебе, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебе: сраспинахся Тебе вчера, Сам мя спрослави, Спасе, во царствии Твоем».

Между каждым ирмосом во время стихов, повторяемых и разделяемых многократным: «Христос воскрес из мертвых» ! священнослужители попеременно ходят, со крестом и кадилом и светильниками, по всей церкви, наполняя ее фимиамом, как бы ранними ароматами Мирносиц, которые, со слезами искав мертвеца, поклонились радостно живому Богу. – Шествуя, они возглашают всюду: «Христос воскрес», чтобы никто не остался в сомнении, в сию спасительную, светозарную ночь, когда безначальный свет всем воссиял из гроба. В ирмосах же, то изображается видение Пророком Аввакумом Ангела,

указавшего день спасения; то с Исаиею приглашаются верные «утреневать глубокую утреню, и вместо мира принести песнь Владыке, чтобы узреть Христа, правды солнце, всем жизнь воссиявшего»; то открывается победоносное торжество Его в самой области ада:

«Снизшел еси в преисподняя земли, и сокрушил еси верей вечныя, содержащия связанные, Христе, и тридневен, яко от кита Иона, воскресл еси от гроба».

«Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечного начало», восклицает Дамаскин и поясняет, сколь для нас велико торжество искупления: «сей нареченный и святой день, един суббот Царь и Господь, праздников праздник и торжество есть торжеств, в он же благословим Христа во веки».

В сей торжественной песне ликуют оба Сиона, но несравненную славою венчается новый пред древним: «возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада и севера и моря и востока, чада твоя, в тебе благословящая Христа во веки».

«Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия: ликуй ныне и веселися Сионе, ты же чистая красуйся, Богородице, о востании рождества твоего».

С чем можно сравнить сию возвышенную утреню? – некое духовное восхищение владеет всеми: каждый, в порыве священной радости, хотел бы выразить свои чувства и, вместо речей, текут из уст песни; каждый готов был бы разыграть пред Господом как Давид пред знаменательным кивотом, ибо люди Божии видят ныне исполнение древних образов во Христе. Когда узникам, долго томившимся во мраке темницы, вдруг отверзаются двери и является освободитель, – до исступления доходит восторг их: сбрасывая цепи, бросаются они к ногам своего благодетеля, или в объятия друг другу, и скачут и плачут, и смеются и поют, и прощаются взаимно, и молятся, и опять плачут, и опять поют; – так и наутрени Пасхи.

«Воскресения день! и просветимся торжеством, и друг друга обьемем, рцем: братие, и ненавидящим нас простим вся воскресением и тако возопиим: Христос воскрес из мертвых».

С сею песнью начинается взаимное лобзание; привет мира раздается по всей церкви, которая вся обращается в единое тело Христово, связуемое духом Его любви, ибо в подобные минуты нельзя, поистине, не от всей души, лобызать своего брата.

Тогда как святой Дамаскин, довольно уже возбудил восторга, своими божественными песнопениями, место его занимает другой церковный ви-

тия, святой Златоуст, и в кратком слове убеждает каждого, кто благочестив, насладиться настоящим светлым торжеством, и внити в радость Господа своего. Дабы показать, сколь велика открывшаяся нам милость Господня, он напоминает притчу о наемниках, которые в разное время пришли работать в виноград, но от щедрот домовладыки все получили одинаковую плату за труд. Всех зовет он на трапезу Господню и никому не велит скорбеть о своем убожестве, ибо явилось общее царство, никому не страшиться смерти, ибо Сошедшим в ад поруган ад, мнивший приять землю и сретивший небо: «где твое жало, о смерть? ад, где твоя победа? – воскрес Христос, и ты низвергся».

Та же духовная радость окрыляет часы Пасхи, они пролетают в песнях, и каждая песнь гласит о победе Христа над смертью и адом. За многократным: «Христос воскрес из мертвых», следует обычная воскресная песнь: «воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу, единому безгрешному; кресту твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресение твое поем и славим».

Потом воспевается пришествие Мироносиц, к упраздненному гробу, и кондак утреннего канона, повторяемый на литургии: «аще и во гроб снизшел еси, безсмертне, но адову разрушил еси силу, и воскресл еси яко победитель, Христе Боже, женам Мироносицам вещавый: радуйтесь! и твоим Апостолом мир даруяй, падшим подай воскресение».

И наконец радостный тропарь, столь живо изображающий вездесущее Божество Христово, в самый час его смерти: «во гробе плотски, во аде же с душею яко Бог, в раи же с разбойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй неописанный».

Сии торжественные песнопения, во всю неделю Пасхи, заменяют не только часы, но и полунощницу и начало вечерни: ибо в светлые дни сии, вся служба божественная совершается на подобие первого дня. Неумолкаемое: «Христос воскрес!» равномерно открывает и заключает литургию Пасхи, как радость, которую не могут вместить в сердцах своих верные; при начале обедни также поется священнослужителями: «да воскреснет Бог и расточатся врази Его!» вокруг престола, на котором простерта плащаница, оставляемая до дня Вознесения, в знамение того, что Господь, по воскресении из мертвых, еще сорок дней пребывал на земле. Пред концом богослужения благословляется артос (по-Гречески хлеб), напоминающий, что Спаситель был для нас хлебом жизни, и сей артос разделяется верным, в последний день Пасхи, ради общей их любви во Христе.

С первого дня Пасхи и до Вознесения продолжается на литургии

чтение деяний Апостольских, дабы Христиане могли слышать, как быстро распространилась проповедь о искуплении, не смотря на все гонения и страдания, коих подвергались первые чада новозаветной Церкви. Одна из самых торжественных минут литургии, когда Епископ совершает ее соборно в Пасху, есть чтение Евангелия, которым изображается вселенская проповедь Апостолов, на всех языках и ко всем народам. Какое же Евангелие избрано в день сей, для радостного благовестия? – начало от Иоанна, сего ученика Христова, возлежавшего на лоне возлюбленного Учителя и столь ясно открывшего нам тайну его Божества: «В начале бе Слово и Слово бе к Богу и Бог бе Слово; сей бе искони к Богу. Вся тем быша, и без него ничтоже бысть еже бысть; в том живот бе и живот бе свет человеком; и свет во тьме светится и тьма его не объять».

Архиерей первый начинает читать Евангелие по-Славянски на престоле, после него сослужащие Пресвитеры, по-Еврейски, Гречески, Римски, на каких языках была начертана надпись на кресте, а потом и на других новейших языках, наследовавших спасение. Вне же алтаря становятся четыре Диакона, один на амвоне лицом к востоку, а прочие у северных, южных и западных врат церкви, которая в сие время изображает собою вселенную, ибо «во всю землю изыде вещаше их и в концы вселенныя глаголы их», и они возглашают тоже Евангелие по-Славянски, оканчивая его сими словами: «яко закон Моисеем дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть».

И на вечерни, которая изображает вечернее явление Спасителя ученикам, последовавшее сквозь затворенные двери их храмины, в самый день воскресения, Епископ читает Евангелие о сем утешительном событии, стоя лицом к народу, в дверях алтаря, как бы представляя тем образ пришествия Христова, и Церковь слышит, из уст его, дважды повторенный привет Спасителя, уstraшенным ученикам: «мир вам» ! после чего он тотчас сообщил им, чрез дуновение, дар Духа Святого, дающий власть вязать и разрешать грехи; слышит также и о сомнении отсутствовавшего Апостола Фомы, который сам себя лишил на время божественной радости, не восхотев поверить воскресению Господа, доколе не вложил в язвы Его перста своего. Но чрез восемь дней, по словам Иоанна, разрешается неверие и самого Фомы: он видит Господа, он влагает персть свой в язвы Его, и в радостном восторге восклицает: «Господь мой и Бог мой!» Иисус же, в ответ ему, говорит: «яко видева Мя веровал еси; блажени не видевшии и веровавшие». А Иоанн, предвидя грядущее неверие, не столь легко разрешаемое, внушает всем: «Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос, Сын Божий, и да

верующе живот имате во имя его» .

Книга третья. О семи таинствах

Письмо I

Описание молитв и обрядов Четыредесятницы и Пасхи, раскрывающих пред нами тайну страданий и воскресения Богочеловека, постепенно приводит к созерцанию тех духовных сокровищ, которые даровал Спаситель Своей Церкви, положив ей основанием семь таинств, по словам Писания: «Премудрость созда себе дом и утверди столпов семь».

Таинства сии, недоступные брэнному уму нашему, что показывает самое их название, доступны, однако же, нашей вере, как явствует из тесного их соединения с жизнью человеческою, во всех важнейших ее эпохах. Сия самая, неизбежная и вместе спасительная связь их, побуждает меня изложить пред тобою, любезный друг, те молитвы и обряды, какими Церковь видимо поясняет невидимое таинств, и чрез наружную оболочку делает их как бы осязаемыми чувствам, чтобы тем воскрылять дух наш к их созерцанию.

От лона матери уже воспринимает нас Церковь и, еще прежде нежели младенческие годы наши вверены опытным пестунам, приближаются два таинства к самой колыбели, одно возрождающее, другое утверждающее, крещение и миропомазание. Они с любовью прияв младенца, возвещают, что иные родители, иные пестуны, не по плоти, а по духу, нужны новорожденному, не только в мир, но и во Христа: а третье, божественное таинство причащения, тогда же сообщает ему Христа просвещающего всякого человека, грядущего в мир, научая вместе, и какую духовною пищею должен питаться, во всю жизнь свою, сей новый гражданин небесного царствия.

Но младенец растет, вместе с годами развиваются страсти, не от дурной его природы, против повреждения коей, в Адаме, даровано достаточное врачевство Христом, но от дурного направления свободной воли; она извлекает новые отрасли, из корня первородного греха, вместо того, чтобы окончательно умерщвлять его, развитием жизни благодатной. Тогда Церковь призывает опять человека на путь добродетели четвертым спасительным таинством покаяния, которое, подобно крещению, омывшему от греха Адамова, очищает пред Богом от грехов, содеянных в жизни, если только мы искренно их сознаем и оплачем.

Как благословение, дал Бог человеку способность размножать род свой, но, с падением Адама, грех и его проклятие упали на сию способность и сделали рассадник рода человеческого рассадником первородного

греха: посему, в Христианстве, необходимо было дать новое благословение, для рождения подобных себе во славу Творца, и Церковь благословляет юношу и деву, на супружеский союз их, пятым таинством брака.

Наконец, когда, как перезревшей плод, или рано увядший цветок, готовится человек оставить землю своего странствия, и страшная вечность ему предстоит: заботливая Церковь не отпускает его в путь, без духовного подкрепления, и шестое таинство елеосвящения, совершаемое над болящим, исцеляет тело, или располагает душу к ее отшествию.

Но чтобы, в сонме людей, были мужи, могущие преподавать сии спасительные таинства, Церковь избирает достойнейших из среды их и, рукоположением, непрерывающимся от времен Апостольских, сообщает им седьмое таинство священства, чрез которое и они, в свою чреду, получают силу сообщать братии благодать Святого Духа.

Таковы сии семь столпов дома Премудрости, сии семь ветвей знаменательного подсвещника, пророчески поставленного Моисеем в скинии и Соломоном в храме; они светят меру и предстоят Церкви, как семь высших Духов, всегда блистающих на небесах у престола славы.

Мы же, с должным благоговением, приступая ныне постепенно к рассматриванию каждого из семи таинств, в той мере, сколько они могут быть для нас доступны, приготовим себя, чрез сие созерцание, и к благоговейному их приятию, когда некоторые из них спасительно сретят нас на жизненной дороге, подобно Ангелу, руководившему юного Товию, на трудном пути его, в Халдейской земле пленения.

Письмо II

Прежде нежели приступить к описанию богослужения, совершаемого при святом крещении, я должен однако тебе напомнить, что как вообще все таинства имеют силу сообщать нам благодать Св. Духа, так и каждое из них отдельно заключает в себе особенный дар его, под каким-либо чувственным видом.

Таким образом, святое крещение омывает нас от первородного греха, чрез наружное погружение в водные струи, при наитии на них благодати. Оно, творческою силою имени Отца и Сына и Св. Духа, возрождает нас к новой жизни, уже не по ветхому праотцу, который заразил весь род свой духовною болезнью и тлением греха, (потому что рожденное не может быть совершеннее родившего, и от зараженного источника естественно идет зараженный поток), но по новому человеку, Христу Богу, который все Собою обновил и, собственным принятием крещения, сообщил божественную силу таинству.

Как в самую минуту крещения Спасителя, видимо явилась миру троичность Лиц единого Божества: глас Отца возвестил о Сыне и Св. Дух снисшел в виде голубине, и как Спаситель, посылая в мир Апостолов, повелел им: «шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» – так и святая Церковь, ни на одну йоту не отступая от слов Христовых, производит в число чад Его, тремя погружениями, во имя каждого лица Святой Троицы, что самое составляет основание и сущность святого крещения; прочие же молитвы и обряды только поясняют таинство или приготавливают к нему верующих.

В первые века Церкви, готовящиеся к святому крещению назывались оглашенными, потому что оглашались первоначальным учением веры; они не могли быть в храме, во время совершения таинств; благонадежнейшие из них и уже назначенные к просвещению, приготавливаемы были в течении целого поста, молитвами и поученьями, к принятию таинства, и, во время первой половины литургии, позволялось им находиться в притворе храма, до особой о них молитвы.

Драгоценный памятник, сих огласительных поучений, остался нам от четвертого столетия, в творении Св. Кирилла, Архиепископа Иерусалимского, который постепенно приготавливал рабов греха к свободе усыновления божественного, возрождая верою их души.

«Ужасное зло есть грех, говорит он, и болезнь души самая жестокая есть преступление закона, которое лишает ее совершенно сил и повергает

в огонь вечный. Но что же самый грех? – это не есть враг, отважно нападающий на тебя человек, но негодная отрасль, из тебя прозябающая; когда забываешь Бога, тогда начинаешь мыслить злое и совершать дела незаконные. Впрочем, не ты только сам бываешь виновником греха; первый виновник и отец зла есть диавол; это сказал Господь, а не я: «яко диавол исперва согрешает» (1Иоан. 3:8). Согрешил же он не потому, чтобы от природы получил необходимую склонность ко греху; нет, он будучи сотворен добрым, по собственному произволению, сделался диаволом и сатаной, от действий получив наименование противника; он возбуждает похоти в тех, которые ему повинуются: чрез него и праотец наш Адам изгнан из рая. – Но Тот, кто пролил за нас драгоценную кровь Свою, освободит нас от греха; предайся только Ему верою. Хочешь ли видеть человеколюбие Божие? – когда преслушал заповедь Адам первозданный, не мог ли Бог тогда же предать его смерти? и что же? – правосудие изгоняет недостойного из рая, но Он поселяет грешника прямо рая, дабы видя откуда ниспал, мог в последствии спастись покаянием».

«Великое, поистине, есть дело крещение, и потому с размышлением к нему приступай. – Так как человек состоит из двух частей, из души и тела, то и очищение двоякое: бесплотное для бесплотного, и телесное для тела; вода очищает тело, а Дух Святой запечатлевает душу, чтобы нам приступить к Богу, с сердцем окропленным и телом омытым водою чистою. Итак, когда ты смотришь на воду, то не простую воду представляй себе, но от действия Св. Духа ожидай спасения: ибо без того и другого, невозможно тебе достигнуть совершенства; не я говорю сие, но Господь Иисус Христос: «аще кто не родится свыше, водою и духом, не может внити в царствие Божие» (Иоан. 3:5). Ни тот, кто крещается водою, но не удостоен Духа, не имеет совершенной благодати; ни тот, кто хотя бы добр был по делам, но не получил запечатления водою, не внидет в царствие небесное: слово дерзновенно, но не мое, ибо так определил Господь: «иже веру иметь и крестится, спасен будет, а иже не иметь веры, осужден будет» (Марк. 16:16).

«Если же кто желает знать, почему чрез воду, а не чрез другую стихию, дается благодать, тот найдет разрешение сему в Божественном писании. Вода есть нечто живительное и наилучшее из четырех видимых стихий мира: небо есть жилище Ангелов, но небеса из воды: земля есть обиталище человеков, но земля из воды и, прежде всего шестидневного устройства творения, Дух Божий носился над водою; начало мира вода, и начало спасения Иордан; освобождение Израиля от Фараона совершилось посредством моря, и освобождение мира от грехов совершается чрез

омовение водою, при содействии слова Божия. Где Бог вступает в завет с кем-либо, там и вода: с Ноем заключен был завет, после потопа, и знаменем крещения была умывальница, поставленная в скинии. Крещение есть конец ветхого завета и начало нового: освятил крещение Иисус, крестившись Сам, будучи безгрешным, для того чтобы крещаемым даровать божественную благодать и славу. И ты, нисшедши в воду, мертвый грехами, и как бы погребшись в оной, подобно Иисусу во гробе каменном, восходишь оживотворенный правдою, дабы ходить в обновлении жизни, и сия спасительная вода, в одно время, для тебя и гроб и мать».

«О странное и чудное дело! восклицает Св. Кирилл, не истинно мы умерли, не истинно погребены были, ниже истинно воскресли, но в наружном обряде таинства – подражание, а в самой истине и силе его – спасение. Христос был истинно распят, истинно погребен, истинно и воскрес, а мне, хотя я не болел и не страдал, спасение дарует по единому общению своих страданий».

Ныне приготовления к таинству, состоящие в предварительных заклинаниях против прелести диавола, которому работал мир до Христа и еще работает вне Христа, падают на представительное лицо восприемников младенца, с тех пор как распространение Христианства призывает нас еще младенцами, в царствие Божие. Но и при самом начале Церкви, бывали частные случаи крещения младенцев: так Апостол Петр окрестил в Яффе первого из язычников, сотника Римского Корнилия, со всем его домом от мала до велика. Вера крещаемого священника, родителей и восприемников, восполняет недостаток самопознания в младенце; а благодать Божия, как милость свыше раздаваемая, не по заслугам, но по нашей вере и по любви Христовой к человечеству, приемлет всякий возраст, ибо все равно ее недостойны и одинаково нуждаются в спасении.

Поелику же восприемники, некогда избираемые для назидания новых Христиан и ограждения их от языческого враждебного общества, ныне, не только обязаны научать истинам веры, воспринимаемым ими от купели, но даже, по его младенчеству, за него отречься и давать обеты: то помысли, с какою осторожностью должно принимать на себя столь священное звание, и с какою верою не заочно, но лично, должно предстоять при совершении таинства, влекущего за собою столь великую ответственность. Поистине, восприемник, постигающий всю важность своего звания, есть настоящий духовный отец младенца, и узы таинственного родства, воспринятые им пред лицом Христовым, столь же

священны, как и узы крови и простираются до некоторой степени на плотских его детей, которые делаются братьями сыну духовному.

Священник, оглашавший язычника, поставлял его лицом к востоку, у дверей церкви, в одном хитоне, и разрешал пояс, показывая тем, что отныне разрешается союз его с миром, и что стоящий в преддверии истины, должен обратиться от мрака прежних дел. Тогда, по троекратном дуновении в лицо его, для изгнания духа лукавства, трижды осенял знамением креста, с возложением руки на главу его и нарекал ему имя, с молитвою: «чтобы Господь сохранил прибегшего к Его святому имени, исполнил его веры, надежды и любви, для разумения истинного Бога, написал его в книгу жизни и прославил в нем имя Пресвятой Троицы».

Сею молитвою начинается и над младенцем оглашение, за коим следуют четыре заклинания против прелести искусителя. На последнем, Священник, взывая к Создателю человеков, дабы отверз мысленные очи новорожденному и дал ему Ангела светлого, дует на уста, чело и перси младенца, трижды произнося слова сии: «изжени из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его».

Здесь исчисляет он многообразные виды обольщений: духа прелести, духа лукавства, духа идолослужения и всякого лихоимства, духа лжи и всякой нечистоты, чтобы тем обнаружить человеку его тайного врага, и внушить необходимость совершенного с ним разрыва, для искреннего соединения со Христом. После сего, обращая на запад крещаемого, трижды его спрашивает: «отрицаешься ли сатаны и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его и всея гордыни его»? и восприемники отвечают за младенца: «отрицаюся».

Но, не довольствуясь сим отречением, чтобы еще более разрушить союз с духом прелести и неправды и показать, сколь должно быть осторожным против его тайных неприметных обольщений, Священник еще трижды спрашивает: «отреклся ли еси сатаны»? и опять трижды ему отвечают: «отрекохся». В засвидетельствование явной вражды велит он и дунуть и плюнуть на него, и тогда обращает новопросвещаемого, от темного запада к светлому востоку, с утешительным вопросом трижды повторяемыми «сочетаваешься ли Христу»? и, вняв трижды ответ: «сочетаваюся», еще трижды спрашивает: «сочетался ли еси Христу»? требуя решительная слова: «сочетахся». – «И веруеши ли Ему»? говорит наконец Священник, «верую Ему яко Царю и Богу», ответствует восприемник и произносит за младенца символ веры.

Сие испытание есть уже последнее; посему прежде нежели крещением облечь во Христа, Священник хочет слышать произвольную

твердую исповедь Божества и вочеловечения Христова, дабы с верою принято было таинство, сообщаемое только верою, а потому опять спрашивает: «сочетался ли еси Христу и веруеши ли Ему»? и снова слышит тот же ответ и символ. Тогда велит крещаемому поклониться Христу, как поклонился некогда прозревший слепец, исцеленный Спасителем, и восприемники поклоняются с сими словами: «поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней».

Священник заключает оглашение, молитвою к Господу, хотящему всем человекам спастися и в разум истины внити, чтобы сподобил раба своего благодати крещения, исполнил его силы Святого Духа, в соединении Христу, и сделал его чадом царствия.

Приуготовив таким образом младенца к приятию крещения, он приступает к освящению самой воды, наружного вида таинства, но прежде, умиленно и втайне, молит Господа, испытующего сердца и утробы, призреть собственные его согрешения, дабы возвещающий свободу другим сам не остался рабом греха, и, не взирая на недостойнства Священнослужителя, утвердит новорожденного Христу во святой его Церкви.

Укрепленный смирением, он возвышает голос: «велий еси Господи и чудна дела Твоя, и ни едино слово достойно будет к пению чудес Твоих»! и пространно возвещает славу Божию, которая поет солнце и славит луна, и слушает свет, и трепещут бездны, коему присутствуют звезды и служат Ангельские силы, закрывая крылами лица свои. Потом, нисходя с ужасом к неизглаголанному человеколюбию Христову, не потерпевшему видеть род человеческий мучимый от диавола, и в образе раба пришедшему спасти нас, восклицает: «Ты убо, человеколюбче Царю, прииди и ныне, наитием Святого Духа, и освяти воду сию», и испрашивая на нее все благословения Иордановы, знаменует трижды крестом с сими словами: «да сокрушатся под знамением креста Твоего вся сопротивныя силы».

Наконец молится, чтобы дух лукавый, наводящий омрачение помыслов и мятежные мысли, не сошел с крещаемым в воду сию, которая да обратится в воду избавления, освящения, очищения плоти и духа, ослабу уз, оставление прегрешений, просвещение души, баню нового бытия, обновление духа, дарование сыноположения, одежду нетления и источник жизни; молит, чтобы крещаемый, отложив ветхого человека, облекся в нового и, погребшись со Христом в водах крещения, с ним бы и воскрес и причелся к перворожденным чадам на небеси.

Наступила самая минута совершения таинства; но, пред тем как погрузить младенца в подобие смерти Христовой, Пресвитер освящает его

на сие таинственное погребение елеем, как мертвеца, ибо отныне он уже мертв миру, но жив Богу, а потому и елей сей называется елеем радования, и помазует перси, во исцеление души и тела, уши во услышание веры, руки для подвигов и ноги во еже ходити по стопам заповедей.

Таинственный елей знаменует также благую маслину Иисуса Христа, к которой прививается крещаемый, как новая ветвь, будучи отвергнут навсегда от дикой маслины мира, и самые воды купели освящаются крестообразно елеем, в знамение мира Божия с человеками; ибо Господь, предобразуя грядущую благодать Свою, послал в ковчег Ноя голубицу с масличною ветвию.

Тогда взяв обнаженного младенца и возложив на главу его руки, Священник, взирая к востоку, погружает его трижды в спасительные воды, с призыванием имени Отца и Сына и Св. Духа, и новое чадо Церкви возносится от купели, таинственно рожденное и усыновленное Богу, чрез Иисуса Христа, свыше всякого слова. Оно облачается в ризу правды, в белую одежду нетления, заменившую кожаные ризы, какие дал Господь согрешившему Адаму, а восприемникам даются свечи, в знаменье того невещественного света, который просветил младенца и сделал его способным приять другое целительное таинство миропомазания, т. е. совершения в вере.

Подобно как при крещении, посредством воды, духовно омывается человек от греха, так и под видом мира, коим помазывается тело, запечатлевается и утверждается возрожденный от купели, в истинах веры, и ему сообщаются силы духовной благодати, для подвигов, какие требуются от Христианина. И хотя Священник совершает сие второе таинство, вслед за первым крещения, для того, чтобы новое чадо Церкви имело в себе, уже при самом начале, орудия сильные противоборствовать обольщениям: но миро, чрез которое они сообщаются, должно быть предварительно освящено Епископом соборно, потому что Апостолы всегда совершали в вере новокрещаемых, соборною молитвою, с возложением рук. Так Петр и Иоанн, были посланы, от всего сонма двенадцати, в Самарию, для утверждения, в вере принявших там святое крещение и запечатлели их дарами Св. Духа; и сами Апостолы, прежде нежели сошел на них видимо Дух Святой, по вознесении Христовом, и сделал их учителями вселенной, были утверждены в вере Спасителем, в день Его воскресения, когда, явившись сквозь затворенные двери храмины, Он дунул на них и сказал: «приимите Дух Свят».

Миро же употребляется для того, чтобы Епископ, освятивший оное, мог заочно освящать им крещаемых, и чтобы видимо изобразить

невидимое помазание Св. Духа, нисходящее на Христианина, подобно тому помазанию, каким освящались ветхозаветные Священники, Цари и Пророки. Пресвитер, с молитвою, постепенно знаменуя миром крест на всех частях тела, на челе, очах, ноздрях, устах, ушах, персях, руках и ногах, говорит, при каждом помазании: «печать дара Духа Святаго, аминь». С сей только минуты принадлежит младенцу имя Христианина, ибо и название Христа, т. е. помазанника, выражает, что Спаситель был свыше помазан Духом Божиим, как Он сам о себе возвещает: «Дух Господень на Мне, его же ради помаза Мя, благовестити нищим посла Мя».

Священник совершает трижды, с восприемниками несущими младенца, хождение кругом купели, против солнца, возглашая: «елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь», ибо новый воин, облекшийся во Христа, должен идти к нему, солнцу правды, руководимый учением веры, не по привольному пути мира, склоняющемуся на запад, но вопреки его стихиям и началам и собственным страстям своим.

После сего знаменательного хода, чтение послания Апостола Павла к Римлянам, объясняет нам духовную силу таинства крещения: «Все мы, крестившиеся во Иисуса Христа, погружались в смерть Его; и так мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых, славою Отца, так и мы ходили в обновленной жизни, ибо если мы соединены с Ним подобием смерти, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы исчезло тело греха, дабы нам не быть уже рабами греху, ибо кто умер тот свободен от греха. Если же мы умерли со Христом, то верим, что нам и жить с Ним; зная, что Христос, воскресший из мертвых, уже не умирает, смерть уже не имеет над Ним власти; ибо когда Он умер, умер однажды для греха, а живя Он живет для Бога. Так и вы почитайте себя для греха мертвыми, а живыми для Бога, во Христе Иисусе Господе нашем» (Рим. 6:3–11).

Конец Евангелия от Матфея свидетельствует, после чтения Апостола, о самом учреждении таинства Христом: «Одиннадцать же учеников пошли в Галилею на гору, куда повелел им Иисус, и увидя Его, поклонились Ему, а иные усомнились и, приблизясь, Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небеси и на земли; итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я заповедал вам, и се Я с вами, во все дни, до скончания века, аминь».

В первобытной Церкви новокрещенный, не выходя почти из храма, семь дней носил белую одежду, возложенную на него, в отличие и знак

духовного торжества, а на восьмой день, Священник, с молитвою разрешал ему пояс одежды и, окропив святой водою, омывал губою, как уже очищенного и совершенного, и постригал власы в знак отложения мертвых дел. Он опять напоминал ему, сими обрядами, что облеченный в светлую ризу Христову, омовенный от греха и очищенный Его верою, и постриженный во имя Его, должен быть чистым, во все течение жизни своей, соблюдая нескверную одежду нетления и обрезывая в сердце своем все страсти житейские.

Ныне, когда оба таинства вместе совершаются над младенцем, присоединяется к ним и окончательный обряд сей. Священник, испрашивая новорожденному соблюдение даров Св. Духа и жизнь вечную, кропит его водою с сими словами: «оправдался еси, просветился еси, освятился еси, омылся еси, именем Господа нашего» и отирает его напоенною губою, вспоминая при сем великие таинства, над ним совершившиеся.

Наконец, он постригает его крестообразно, во имя Пресвятой Троицы, и молит: чтобы на главу освященного верою младенца, сошло благословение Божие, по примеру Давида, и чтобы, возрастая до седин старости, он славил Господа и зрел, во все дни своей жизни, благая Иерусалима.

Письмо III

После двух возвышенных таинств, которые внезапно возводят человека, от тьмы греховной к свету Христову, и делают его совершенно новым созданием, перерождая в водах крещения и запечатлевая миром дары Св. Духа, – после сих таинств, Господь даровал нам третье, еще более божественное (если только можно так выразиться): ибо Он благоволил, чтобы мы искренно Ему приобщались, вкушением Его тела и крови, и в сей духовной пище обретали ту силу, которая должна поддерживать нас на пути к вечной жизни.

Всякое торжество мира или союза, между людьми, запечатлевается братскою трапезою, в засвидетельствование взаимной любви, и угощающий не щадит своих сокровищ, чтобы только показать всю силу своей преданности тем, которые пришли на дружественный зов его; но сокровища, какие предлагаются нам на божественной трапезе Спасителя, свыше всего человеческого, как и самое естество Его. То, что многострадальный Иов пророчески приводил, будто бы во свидетельство своей благодати и любви к нему домашних, которые, желая еще теснейшего с ним союза, восклицали: «о кто бы дал нам от плотей его насытиться!» (Иов. 31:31) то самое дозволил сынам человеческим, пострадавший за них Сын Божий, в знамение Своей любви.

И как все ветхозаветное было только тенью, образом нового завета, то и при даровании закона народу Израильскому, избранному Богом, чтобы приготовить мир к принятию Христову, дана ему была, в память избавления из плена Египетского, таинственная пища, агнец пасхальный, коего кровь, окроплявшая дома иудеев, спасала их от Ангела смерти, поражавшего Египтян. И другая небесная пища дарована была спасенным агнчею кровью – манна, сорок лет питавшая их в пустыне, доколе не взошли они в обетованную землю, и манна сия была знамением того небесного хлеба, каким питает нас Искупитель, на пути странствия в свое царство. Он дал нам сию бессмертную пищу, как плод, созревший на Его крестном древе, которым Он возвратил нас к невинности Адамовой, подобно как и Адаму насаждено было в раю древо жизни, дабы жив был во век (Быт. 3:22). Итак, повсюду образ сей таинственной пищи: в раю начало, и тень ее в пустыне, а совершение в горнице Сионской, где Спаситель, благословив и преломив хлеб, сказал: «приимите, ядите, сие есть тело Мое» (Матф. 26:36).

Но прежде нежели, грядущий на вольную страсть, установил сие

таинство, Он уже заблаговременно приготавливал умы к его принятию, учением и предобразовательными чудесами. Так учреждал Господь и таинство крещения: ибо прежде чем даровал ему благодатную силу омывательства грехи, Он предпослал в пустыню Иоанна, крестившего только крещением покаяния, с проповедью, что грядущий по нем крестит, уже не одною водою, но и Духом. И здесь Спаситель показал Себя заранее питателем народа, два раза чудесно размножив несколько хлебов, на пять и на четыре тысячи людей, приучая их к той мысли, что Он один будет питать Собою вселенную. Когда же народы потекли вслед за Ним, для сей земной пищи, Он возвестил им, что пища, от Него ожидаемая, будет небесная, и что без нее нет истинной жизни: «Я есмь хлеб живый, сшедший с небеси; ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира». Тогда Иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть плоть Свою? – Иисус же сказал им: «истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына человеческого и пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни; ядущий мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день: ибо плоть Моя истинно есть пища и кровь Моя истинно есть питие; ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцом, так и ядущий Меня жить будет Мною; сей то есть хлеб, сшедший с небеси, не так как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет во век» (Иоан. 6:15–58).

И многие из жителей Капернаума, начатки будущих Капернаитов, по их неверию, тогда же воскликнули в лицо самому Христу Богу: «жестокое есть слово сие, кто может его послушати!»! Посему Спаситель, предвидя неверие и зная что человек, омраченный грубыми чувственными помыслами, не может возвыситься духом, до тайны Его Божества, предварил учеников Своих: что никто не может придти к Нему, если сего не дано будет от Отца Его, и, желая от них свободной веры, спросил: «не хотите ли и вы отойти»? но Петр ответствовал Ему, и за Апостолов и за всех верующих: «Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго» (ст. 65–69).

Итак, чистая и божественная жизнь, жизнь духовная, которую утратил человек, вкусив от плода древа познания добра и зла, не может быть вновь им приобретена иначе, как вкушением истинного хлеба небесного, хлеба жизни. Недостаточно одного верования в слова Христовы, необходимо самое приобщение Его тела и крови, столь ясно выраженное Господом, как первое условие и залога вечной жизни. Божественная жизнь должна найти

для себя достойное вместилище, в самом естестве нашем, чтобы уничтожилось тление, врожденное в нас от первородного греха, и чтобы весь человек мог воскреснуть в последний день, не только в духе, но и в прославленном теле, ибо не одна душа, но душа и тело составляют человека; посему и Слово Божие сделалось для нас пищею, под двумя самыми свойственными ее видами, хлеба и вина. Весьма положительны слова Христовы: «если не вкусите плоти Сына человеческого и не пиете крови Его, не будете иметь в себе жизни» (Иоан. 6:53). Здесь нельзя сомневаться в настоящем их значении; остерегись же дать какой-либо иной превратный смысл столь ясным изречениям и видеть нечто символическое, или некое духовное приобщение там, где Спаситель возглашает во услышание всем: «плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питье» (ст. 55). Он должен пребывать в нас, как и мы в Нем, чтобы весь человек жил Его жизнью.

«Сие творите в Мое воспоминание» (Лук. 22:19), сказал Спаситель ученикам своим, и тем самым Он дал им, еще до смерти, залог вечного Своего присутствия между ними, которое потом обещал при вознесении: «и се Я с вами во все дни, до скончания века» (Матф. 28:20). Учредив Апостолов священнодействителями Своего нового завета, и дав им власть совершать, во имя Его, то что Сам совершил пред ними, Он сделал возможным, для всех человеков, вкушение Своей плоти и крови, и таким образом непрерывно возобновляется крестная Его жертва, дабы люди, всех мест и времен, могли лично в ней участвовать и действительно приобщаться Сыну Божию, ибо сие есть условие их вечной жизни.

Повторение тайной вечери Христовой есть божественная литургия, во время коей, при молитве Священнослужителя, наитием Св. Духа, прелагаются хлеб и вино в тело и кровь Христовы, а верные приступают к приобщению оных. поелику таинство сие, возвещающее смерть Господню до его второго пришествия, столь велико, что по словам Апостола Павла: «кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против тела и крови Господней, и ест и пьет осуждение себе, не уважая тела и крови Господней» (1Кор. 11:27–29), то внимательная Церковь, допуская к страшному таинству невинных младенцев, следует, в отношении взрослых, совету того же Апостола: «и так да испытывает себя человек и таким образом пусть ест хлеб сей и пьет от чаши сей» (ст. 38).

Но как будет испытывать себя сам человек? как вникнет во все изгибы кичливого сердца и достойно оценит все грехи свои пред Богом? Если он подлинно, как в зеркале, увидит свою мрачную душу, то не овладеет ли им чувство отчаяния, которое навсегда заставит его отказаться, страха ради,

от приобщения тела и крови и, этим самым лишением жизненной пищи, лишит его и вечной жизни? С другой стороны, по свойственной каждому наклонности оправдывать свои поступки, сколь многие, с внутренним самодовольным оправданием, приступили бы к таинству и сделались повинными телу и крови Господним! Могли бы случиться и такие люди, которые, чувствуя даже свое недостойнство, страха ради нареkania человеческого, дерзнули бы вкусить себе осуждение, в спасительном таинстве. Борьба внешнего человека с внутренним и совести с деяниями, едва ли не затруднительнее еще самых утонченных тяжб мира сего, для разрешения коих прибегают к посредничеству и суду беспристрастного лица, имеющего законную власть их оканчивать; не подобного ли же посредничества требует и человек, в борьбе с самим собою?

Все сие предвидела благая Церковь, на все обратила свое материнское внимание, когда оградила страшное таинство приобщения и самих причащающихся, другим предохранительным таинством покаяния. Посредством исповеди человек, открывая душу свою самому Богу, пред лицом посвященного Ему служителя, получает от него разрешение в грехах своих, если приносит в них искреннее раскаяние, или запрещается ему приступать к таинству тела и крови, властью свыше дарованною от Христа ученикам своим. «Приимите Дух Святой, сказал им Господь, кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите, на том останутся» (Иоан. 20:22–23), и еще прежде Петру: «что свяжешь на земли, то будет связано на небесах, что разрешишь на земли, то будет разрешено на небесах» (Матф. 16:19). И как основанием каждому из семи таинств Церкви служат, частью собственный пример, частью слова Христовы, почерпнутые из Евангелия, то и сие четвертое таинство покаяния столь же ясно проявляется в новом завете, как самая его необходимость чувствуется в собственном нашем сердце.

Еще прежде проповеди Спасительной, мы уже слышим глас вопиющего в пустыне Иоанна: «покайтесь, ибо приблизилось царствие небесное» (Матф. 3:2), и вся Иудея стремится на Иордан, исповедовать грехи свои Предтече и принять от него предварительное крещение покаяния, чтобы потом достойно встретить грядущего Христа, им возвещаемого, ибо одни чистые сердцем Бога узрят. И Спаситель беспрестанно окружен мытарями и блудницами, кающимися пред Ним в грехах своих и получающими разрешение, которые потом делают его усерднейшими последователями, ибо им отпускаются грехи за многую любовь: «кому мало прощается, тот меньше любит», по словам Христовым (Лук. 7:47).

И к какому другому средству могли бы мы прибегнуть, для

примирения и общения со Христом, если не чрез сие спасительное таинство, утратив однажды чистоту, дарованную нам в водах крещения? Чем можем заглазить проступки, в которые вовлекает нас гордость духовная и плотская, если не смирением кичливого сердца, чрез откровенное сознание грехов наших, пред подобным нам человеком! Древние Христиане, менее нас испорченные, следуя заповеди Апостольской: «исповедайте друг другу согрешения» (Иак. 5:16), ложились на праге церковном и объявляли грехи свои вслух всей братии. Ныне же, когда от послабления нравов, подобное сознание, пред всеми людьми, могло бы быть употреблено во зло: снисходительная Церковь не требует общественного произвольного обличения и довольствуется, чтобы кающиеся доверяли грехи свои одному освященному лицу, как приходили некогда исповедоваться Иоанну и Апостолам: и если с должною искренностью приступать к сему таинству, то оно не только послужит к разрешению грехов настоящих, но и преградою к будущим. Как часто удерживает от греха одна мысль, что должно будет открыть его духовнику, дабы, чрез добровольное сознание пред одним лицом, обязанным хранить тайну, избежать обличения, пред сонмом человеков и Ангелов, на страшном судилище Христовом.

В первобытные времена кающиеся, отлученные от приобщения тела и крови Христовых, за тяжкие согрешения, разделялись на четыре разряда. Одни не смели входить в церковь и с плачем просили молитв от проходящих; другие стояли в притворе и подходили под руку благословляющего Епископа, вместе с готовящимися ко крещению, и с ними удалялись из храма; последние оставались и во время литургии, но не приступали к св. дарам, и сие испытание, продолжавшееся иногда несколько лет, смотря по степени вины, бывало сокращаемо по мере усердия кающихся. И теперь возлагается церковное наказание или эпитимья, на тяжко согрешивших, чтобы, удалив их на время от божественного причастия, дать им возчувствовать вину свою и избежать осуждения недостойных причастников, виновных в теле и крови Христовых. – Но и тех, которых Церковь почитает достойными божественного таинства, и тех приготавливает она к сей бессмертной трапезе, постом и молитвою, заблаговременно отвлекая их помыслы от житейского, и внутренне очищая весь состав брэнного человека, дабы не опалился огнем причастия Христова.

Прежде, когда более совершенства обреталось в Христианах, и вся жизнь их была, как одно чистое говение пред Господом, они ежедневно или в каждый воскресный день, подкрепляли себя на высокие подвиги,

небесным хлебом Спасителя, как мы ежедневно поддерживаем грубое тело пищею; и когда, в течении нескольких недель, кто-либо из Христиан не приближался к св. дарам, Пресвитеры, по долгу своему, спрашивали их: не имеют ли на душе какого тяжкого греха, воспреещающего им причастие? ибо и больным и отсутствовавшим оно разносилось, руками Дяконов. С постепенным же распространением Христианства, между людьми всякого рода и целыми народами, Церковь начала поступать осторожнее, при раздавании святых даров, нежели как бывало прежде, в меньшем кругу верных, и четыре поста были избраны удобнейшим временем для совершения сего Христианского долга, в духе истинного покаяния.

Самый пост не есть новое учреждение Церкви, но заимствован ею, как вспомогательное орудие для молитвы, из примеров святых мужей ветхого завета и самого Спасителя. Сколько Пророков приготовляли себя постом к делу проповеди и возлагали его, как покаяние, на целые народы! Мы видим Моисея и Илию, после сорокадневного поста, вознесшихся духом до созерцания Божия; видим Иоанна Предтечу, которого Спаситель назвал величайшим из всех рожденных женами, проводящего всю жизнь свою в посте, среди пустыни. Сам Искупитель пребыл в сорокадневном посте, на горе искушения, и говорил о учениках своих: «они будут поститься, когда отыметя у них жених» (Матф. 9:15), что и исполнилось, во время его страдания и смерти и по его вознесении, ибо Апостолы пребывали всегда в посте и молитве. А Церковь, по мере своего распространения, применяясь к нуждам времени и людей, вместе с некоторыми наружными обрядами, определила также и продолжение каждого поста и самый род пищи, для единообразия и порядка, дабы, чрез добровольное лишение, доставить верным подвиг спасительного послушания ее уставам.

Таким образом, Христианин, внутренне расположенный к принятию таинств, сперва приступает благоговейно к покаянию. Духовник, вместе с кающимся, молитвенно прибегает ко Христу, пастырю и агнцу, и вспоминая примеры ветхозаветные о прощении Давида и Манассии, умоляет разрешить и сего грешника во всех его беззакониях, и пред самую исповедью делает ему сие трогательное увещание: «се чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое: не утрашися, ниже убойся, и да не скроеши что от мене, но не обинуюся рцы вся елика соделал еси, да приимиши оставление от Господа нашего Иисуса Христа. Се икона Его пред нами, аз же точию свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся елика речеши мне; аще ли что скроеши от мене, сугуб грех имаши. Внемли убо, понеже бо пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отыдеши». По искренней исповеди кающегося, Пресвитер, с новою

молитвою к Господу, не хотящему смерти грешника, но дабы обратился и жив был, разрешает его по свыше данной ему власти.

Тогда начинаются приготовления молитвенные к причастию, называемые вечерним и утренним правилом. Прежде нежели предаться покою, исповедавшийся, вместе с обычными молитвами на сон грядущий, читает еще канон или акафист сладчайшему Иисусу, исполненный чувств раскаяния, и акафист Божией Матери, ее величающий, и вслед за тем канон Ангелу хранителю. Другой умиленный канон причащения, который изображает всю важность приемлемого таинства, предлагается на утро, вместе с иными возвышенными молитвами, сердечным изливанием святых: Василия Великого и двух Иоаннов, Златоуста и Дамаскина, и двух Симеонов, нового Богослова и Метафраста. Так сильны и трогательны сии двенадцать молитв, что их внимательное чтение невольно смягчает ожесточенное сердце, невольно исторгает вздохи и слезы, и эти вздохи облегчают душу, эти слезы очищают сердце и умиротворяют огонь божественных таин, пополающий недостойных.

Первый, св. Василий прибегает ко Христу, источнику жизни и бессмертия, вспоминая Его страдания и, подобно блудному сыну, восклицает: согреших Господи, согреших на небо и пред Тобою, и не смею достоин воззрети на высоту славы Твоя! Но хотя и проникнутый чувством своего недостойнства, как создание благого Творца, не отчаивается о своем спасении, вместе с разбойником и мытарями, и молит взявшего грех мира – взять и его тяжкое бремя греховное, и очистит и соединит с Собою, да не в суд будет причастие святых, но в общение Св. Духа и напутие живота вечного и благоприятный ответ на страшном судилище Христовом.

Златоуст следует за великим Василием и в ужасе останавливается: «Господи Боже мой, вем, яко не смею достоин, ниже доволен, да под кров внидеши храма души моя, занеже весь пуст и пался есть, и не имаши во мне места достойна, еже главу подклонити! но якоже с высоты нас ради смирил еси себе, смирися и ныне смирению моему, и якоже восприял еси в вертепе и в яслях бессловесных возлещи, сице восприими и в яслях бессловесная моя души и в оскверненное мое тело внити». Далее воспоминает он все примеры, человеколюбивого снисхождения Спасителя к грешникам и общения с ними, и на сие опираясь, молит о благодатных действиях божественного причащения, и для своей грешной души.

Потом Метафраст, изображая постепенно страдания воплотившегося Господа, молитвенно применяет к нам все божественные действия Христовы: просит, Его крестом умертвить страсти наши, погребением

погребсти лукавые советы, воскресением восставить падшего, и вознесением одесную Бога сподобить десной части спасаемых, и освятить наитием Св. Духа, и на втором пришествии дать сретить Господа на облаках, с ликами Святых. Но после столь светлых надежд, внезапно заглянув в свое сердце, с трепетом переносится он к сему последнему дню и, еще прежде Его пришествия, предстоит уже пред Господом, у святого жертвенника, и пред страшными и светлыми Ангелами, преклоненный своею совестью, и приносит свои лукавые и незаконные деяния, обличая их во всей наготе и подробности, не для себя, но более для нас, дабы побудить грешника, невольным повторением грехов своих к их сознанию.

И кроткий Дамаскин взывает также к имеющему власть оставлять грехи человекам, чтобы презрел все его согрешения и сподобил таин божественных, не в тяжесть, не в муку, не в приложение грехов, но в очищение и освящение и обручение будущего живота и царствия; а в другой молитве, памятуя и кровоточивую жену, исцелившуюся одним прикосновением края ризы Христовой, и блудницу разрешенную, когда держала Его пречистые ноги, он содрогается благоговейно, при единой мысли, что дерзает воспринять все тело Христово.

Молитва Симеона, нового Богослова, возносится до торжественности гимна. Он смиренно молит Христа принять ее, от скверных устен его и мерзкого сердца, и нечистого языка и души оскверненной, и дать силу дерзновенно изглаголать все что желает, и научить что творить и глаголать: «и язвы зриши моя, но и веру веси, и произволение зриши и воздыхание слышиши; не таится тебе, Боже мой, творче мой, избавителю мой, ниже капля слезная, ниже капли часть некая; несоделанное мое видесте очи Твои, в книзе же Твоей и еще несодеянная написана Тебе суть». Но зная, что никакие грехи не превосходят долготерпения и человеколюбия Бога нашего, который творит кающихся общниками своего Божества, он снова дерзает, радуясь вкупе и трепеща, огню причащаться и, странное чудо! орошается не опалаясь, как древле купина горевшая неопально.

Наконец божественный Златоуст, прибегая к заступлению Пречистой Девы и Сил небесных и всех Святых, заключает ряд вдохновенных молитвенников, столь живо проникнутых восприятым ими Христом, – умилительную молитвою, которую, пред самым приобщением, уже в дверях царских, Пресвитер, с чашею в руках, велит повторять за собою причастникам, как исповедание их веры и смирения: «верую Господи и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз. Еще верую, яко сие есть

самое пречистое тело Твое, и сия самая есть честная кровь Твоя, молюся убо Тебе: помилуй мя и прости ми прегрешения моя вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, и сподоби мя неосужденно причаститься пречистых Твоих таинств, во оставление грехов и в жизнь вечную. Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя прими; не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя Господи во царствии Твоем».

Письмо IV

Доселе я говорил тебе о четырех первых таинствах, чрез которые необходимо должен пройти каждый Христианин, чтобы соединиться со Христом и быть истинным чадом Его святой Церкви. Теперь обращаю твое внимание и на три последующие таинства, не всегда и не всем сообщаемые, смотря по различным обстоятельствам жизни.

Одно из таковых есть брак, установленный при начале мира, самим Создателем, чтобы от благословенного корня рождались благословенные плоды и, после искупления мира, образующий духовно, чрез соединение мужа и жены, вечный союз Христа с его Церковью: брак не бывает однакоже общим уделом, хотя поистине блаженно и любезно Богу состояние супружеское, когда оно соответствует своей высокой цели.

Рождение детей есть как бы непрерывное продолжение творческого дела Божия, и рождаемое нами не есть одна лишь плоть, одушевленная чувственною жизнью, но существо разумное; посему сколь должно быть для нас священно таинство брака, и сколь страшная дерзость похищать творческий дар, для низких страстей и неблагословенных рождений! Человек, нравственным и естественным бытием своим, возносящийся над прочею тварью, уже ли должен, в одном лишь произведении себе подобных, уподобляться бессловесным?

Когда же только соединению двух разного пола лиц, как двум жизненным началам, вверено свыше благословение производить детей, то не согласно даже и с законами естественными нарушение подобного союза, или распространение оно далее необходимого двойства; тогда бы и жизненные силы сделались чуждыми первобытному чистому их назначению и самому свойству брака, двух только и навсегда обращающего в плоть едину, по словам Писания.

«И созда Господь Бог ребро, еже взя от Адама, в жену, и приведе ю ко Адаму, и рече Адам: се ныне кость от костей моих, и плоть от плоти моя; сия наречется жена, яко от мужа своего взята бысть сия; сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будут два в плоть едину» (Быт. 2:22–25). Жена создается из ребра мужа для того, чтобы человек, сотворенный по образу Божию, был единственным началом существ своего рода, подобно как Бог есть единственное начало всех родов существ, и дабы жена была всегда близка к сердцу мужа и естественно расположена к покорности, будучи как бы его частью; наконец, чтобы облегчилось между ними взаимное сообщение мыслей, чувствований,

совершенств, и весь род человеческий сделался единым телом.

Посему строго запрещается, в Христианстве, многоженство и своевольное расторжение супружеского союза; даже и второй и третий браки, хотя и дозволяются Церковью, по снисхождению к немощи человеческой, однакоже, особенно третий, не без очистительных молитв и некоторой эпитимьи, как отступление от первой чистоты единственного брака и угождение чувственности. В особенности наблюдает Церковь за твердостью сего священного союза, внимая словам Спасителя: «еже Бог сочета, человек да не разлучает» (Марк. 9:9). Одно только нарушение верности супружеской, то есть самого закона естественного, может, по словам Христовым, быть виною расторжения столь твердых уз. (Матф. 19:9).

Как новый завет есть исполнение и совершенствование ветхого, так и во всех его постановлениях, предметы чувственные уступают всегда высшей духовной цели: по сей причине требуется ныне более чистоты и условий нравственных ко вступлению в супружество, нежели как в первобытном законе Моисеевом. По правилам Вселенских Соборов, признанным всею Церковью, брачующиеся должны быть чужды всякого кровосмешения, проистекающего от родства плотского, по крайней мере до пятой степени, чтобы более уважались узы родства и тем соблюдалась чистота в семействах. Но тем же священным правилом наблюдается при браке и духовное родство, происходящее от спасительного таинства крещения, дабы высшее рождение по духу, не уступило и не примешалось низшему, по плоти, и таким образом не утратились бы небесные плоды первого.

Самые молитвы и обряды таинства, как некая возвышенная проповедь, научают брачующихся всей важности предначинаемого ими подвига, на поприще скоротечной жизни, и так всегда действует заботливая Церковь, являя себя истинною матерью верным чадам, к ней притекающим.

Прежде всего троекратные оглашения, о желающих вступить в супружество, повторяются в три праздничные дня после литургии, во услышание всей церкви, для того чтобы отклонить от таинства всякий злоумышленный обман и предупредить недоумение о узах родства, или каких-либо тайных обетах. А между тем, жених и невеста должны приготовить себя духовно, исповедью и причастием, к своему новому званию и потому браковенчание полагается, по уставу, тотчас после литургии и никак не позже вечерни, из видов благоразумной предосторожности.

Обряд обручения, некогда отделенный от венчания, во избежание

частных случаев непостоянства, соединен с самым таинством и совершается пред началом брака, в трапезе церковной. После кратких церковных молитв, Священник, с троекратным крестным знаменем, дает сперва жениху золотой перстень, блеском металла изображающий, что он, как солнце, должен светить своей супруге, и потом дает серебряный, подобие луны, невесте, как меньшему светилу, заимствующему от большего свет свой, и обручает их друг другу, во имя Пресвятой Троицы. Они взаимно меняются перстнями, а Священник воспоминает патриархальное обручение Ревекки Исааку, чрез служителя Авраамова, бывшее в Месопотамии, и молит Господа: утвердить обручаемых в вере, единомыслии, истине и любви, поясняя в то же время силу и знаменование перстня, из примеров ветхозаветных.

Тогда жених и невеста, держа в руках возженные свечи, изображающие духовный свет таинства, торжественно входят в церковь, предшествуемые Священником с кадильницею, дабы познали, что жизненный путь их должен быть по заповедям Господним, а благие дела, как фимиам, возноситься к Богу. Навстречу им, оба лика с громогласным пением: «слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»! приветствуют их стихами 127-го псалма, в котором Давид начертал картину благословений Божиих, осеняющих благочестивое супружество.

«Блажени вси боящиеся Господа, ходящие в путех его; труды плодов твоих снеси, блажен еси и добро тебе будет; жена твоя, яко лоза плодovitа, во странах дому твоего: сынове твои яко новосаждения масличная окрест трапезы твоея: се тако благословится человек бояйся Господа. Благословит тя Господь от Сиона и узриши благая Иерусалима вся дни живота твоего, и узриши сыны сынов твоих. – Мир на Израиля».

Здесь, после нескольких поучительных слов, о святости супружества, и уже пред самым началом венчания, Священник, еще однажды, испытует сердца брачующихся, дабы, пред лицом всей Церкви, объявили они добровольное согласие на взаимный союз, без нарушения иных священных обещаний, и, вняв их решительному ответу, приступает к бракосочетанию, благословением царства Пресвятой Троицы.

После краткой эктении, о их благосостоянии душевном и телесном, произносит он три пространные и трогательные молитвы, в коих воспоминается таинственное создание жены из ребра Адамова, и первое благословение брачное в раю, распространившееся в последствии на Авраама и других Патриархов и праотцев Христовых по плоти. Он молит, чтобы Сам воплотившийся от Девы и благословивший брак, в Кане Галилейской, благословил и сочетающихся рабов Своих, как Авраама и

Сарру, Исаака и Ревекку, Иакова и всех Патриархов и Моисея, как родителей Пресвятой Девы, Иоакима и Анну, и родителей Предтечи, Захарию и Елисавету, и сохранил бы их, подобно Ною в ковчеге, и Ионе во чреве китовом, и трем отрокам в печи Вавилонской, и даровал бы им радость, какую имела Царица Елена, когда обрела честный крест. Он молит также Господа: помянуть не только брачующихся, но и родителей их воспитавших, зане молитвы родителей утверждают основания домов, и даровать новым супругам, вместе с плодами чрева, единомыслие душ и телес, долгоденствие, целомудрие, взаимную любовь в союзе мира, благодать в чадах, обилие благ земных и венец неувядаемый на небесах.

Тогда, с возложением на их главы венцов, которые знаменуют, что подвиг девственного целомудрия венчается свыше, Священник повторяет над каждым лицом, называя его по имени, самые слова, запечатлевающие таинство: «венчается раб Божий рабе Божией, во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и, благословив трижды обоих, произносит: «Господи Боже наш, славою и честью венчай я».

Чтение послания Апостола Павла к Ефесеям, повелевает женам повиноваться мужьям своим, как Господу, ибо муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, а мужьям любить жен своих, как и Христос возлюбил Церковь, и самого Себя за нее предал и, приводя во свидетельство сего неразрывного союза слова Бытия, наконец восклицает: «тайна сия велика: я говорю по отношению ко Христу и к Церкви; таким образом, каждый из вас должен любить жену свою, как самого себя, а жена должна бояться своего мужа». (Еф. 5:32–33).

Вслед за Апостолом, Евангелие от Иоанна возвещает первое чудо Спасителя, в Кане Галилейской, когда Он, преложением воды в вино, засвидетельствовал небесное благословение таинству брака. После двух окончательных ектений молитва Господня: «Отче наш», как основание и венец всех молитв, освящает совершившееся таинство.

Еще два знаменательные обряда исполняются над брачующимися, напоминая им новые обязанности их звания. Священник, благословив сперва общую чашу, для общения брака, трижды заставляет их вкушать из нее вино, растворенное водою, дабы уразумели юные супруги, что отныне, из той же чаши, должны они черпать нераздельно радость и горе и не чуждаться общения между собою. Потом, соединив их руки на эпитрахили, в знамение неразрывного союза, ведет их трижды кругом налож, подобно как при таинстве крещения вокруг купели бывает водим или носим крещаемый, ибо и теперь предлежит новое поприще, хотя тот же путь указан по Христу. В сие время оба лика поют: «Исаие ликуй, Дева

име во чреве, и роди Сына Еммануила, Бога же и человека, Восток имя Ему, Его же величающе, Деву ублажаем».

«Святити Мученицы, добре страдальчествовавшии, и венчавшиися, молитесь ко Господу, помиловатися душам нашим».

«Слава Тебе Христе Боже, Апостолов похвало, Мучеников радование, их же проповедь Троица единосущная».

Сии торжественные гимны суть те же, которые поются при таинстве священства. Но тогда ликование совершается в алтаре, выражая торжество чисто духовное и небесное, а при браке – среди церкви, чем изображается радость брака земная, восходящая до небесной. Первый гимн прославляет благословенное, высшее рождение Еммануила, дабы чрез сие низвести, на вступающих в брак, благословение к рождению детей. Во втором и третьем гимнах, представляются радование и венчание Мучеников и Апостолов, дабы мысль торжествующих брак не останавливалась на одной земной радости, но стремилась горе, к радости небожителей.

По окончании торжественного шествия, Священник снимает венцы с супругов, приветствуя их словами, наполненными патриархальной простоты времен Авраамовых: «возвеличися женише якоже Авраам, и благословися якоже Исаак, и умножися якоже Иаков, ходяй в мире и делаяй в правде заповеди Божия».

«И ты, невесто, возвеличися якоже Сарра, и возвеселися якоже Ревекка, и умножися якоже Рахиль, веселящися о своем муже, хранящи пределы закона, зане тако благоволи Бог».

Вместе с приветствием он еще однажды молит Господа, благословившего брак Галилейский, воспрять и венцы сих брачившихся, нескверными и непорочными, в своем царствии; а юные супруги смиренно преклоняют головы пред Господом, внимая последней молитве, воссылаемой к небу о их благоденствии и, по приглашению Священника, целомудренным взаимным лобзанием, запечатлевают святую и чистую любовь свою.

Письмо V

Немощи человеческие, телесные и душевные, имеют также духовное врачевание, в спасительном таинстве елеосвящения, чрез видимое помазание болящего освященным елеем, при молитве Священнослужителей об отпущении его грехов. Сие таинственное действие называется еще соборованием, потому что, в знамение семи утешительных даров Святого Духа, семь Священников должны по уставу совершать оное, хотя и меньшее число их может дополнить, теплою молитвою недостаток соборного служения.

Пример божественных Апостолов, которые, будучи посылаемы самим Спасителем, по словам Евангелиста Марка (6:12–13), «проповедовали покаяние и многих бесов изгоняли, и помазывали маслом многих больных и исцеляли», служит основанием сему таинству, точнее определенному в послании Апостола Иакова, дабы верные знали, как должно приступать к нему: «болит ли кто в вас, да призовет Пресвитеры церковные, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем во имя Господа: и молитва веры спасет болящего и воздвигнет его Господь, и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему» (Иак. 5:14–15).

Столь великие обещания, духовные и телесные, заключаются в елеосвящении! Самый наружный обряд его, с семикратным чтением Апостола и Евангелия, до такой степени утешителен, что даже непостижимо: каким образом мысль о неминуемой кончине сопрягается ныне с совершением сего таинства над болящим, когда, напротив, все его молитвы гласят о исцелении, хотя, вместе с тем, они могут служить и напутствованием к вечной жизни. Апостол не говорит: «умирает ли кто из вас, но болит ли кто, пусть призовет Пресвитеры, и воздвигнет его Господь». Мы же, по губительному неверию, прибегаем сперва к внешней помощи, а когда уже нет более никакой надежды, приступаем к приобщению и соборованию, забывая, что сказал Спаситель слепцам, просившим у него исцеления: «по вере вашей буди вам» (Матф. 9:29).

И можно ли ожидать облегчения, когда болящий приемлет таинства, или в совершенном изнеможении, так что и самое внутреннее сознание ему изменяет и дух не напряжен к молитве, или когда, не будучи приготовлен к той мысли, что причастие и елей суть таинственные орудия исцеления, слышит внезапное их предложение, как смертный приговор, и таким образом бывает более исполнен страха смерти, нежели упования жизни, во время тайнодействия. Сами ближние, окружающие одр

больного, действуя часто в том же духе неверия, не решаются сделать ему спасительного предложения таинств и упускают благоприятное время. Многие предполагают даже, будто бы елеосвящение не может быть повторяемо и, посему ложному мнению, лишают сами себя, на поприще многоболезненной жизни, еще одной твердой опоры духа и врачевания телесного. Господь же не престаёт взывать к нам: «приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы». (Матф. 11:28).

Когда полное число Пресвитеров совершают таинство, то старший из них, наполнив сперва фимиамом покой болящего, кадит окрест стола, на коем лежит святое Евангелие и поставлены в кандиле елей и блюдо пшеницы, с семью свечами и водруженными стручками для помазания, и благословляет начало обычных молитв. За ними следуют тропари покаяния: «помилуй нас, Господи, помилуй нас», и умильный канон о елее, пустынное творение великого Арсения, который, объясняя силу таинства, взывает к божественному врачу: «да тихостию печати Своея милости назнаменает чувства рабов Своих». После кратких стихир и эктении, о освящении елея и здравии болящего, начальствующий творит первую молитву над кандилом: чтобы Господь, исцеляющий души и тела, Сам освятил елей сей, во исцеление помазующегося и в очищение всякой страсти и скверны плоти и духа и всякого зла, А между тем поются трогательные тропари, на разные гласы: скорому в заступлении Христу Богу, и святому Его Апостолу и брату Иакову, первому строителю таинства, и чудотворному Святителю Мир Ликийских, и точителю мира великомученику Димитрию, и святым безсребренным мученикам и целителям, наконец Св. Иоанну, божественному другу Христову, и Пречистой Матери Божией.

Тогда читаются, Диаконом или чтецом, первое Апостольское послание Иакова, о установлении таинства елеосвящения, а начальствующим Пресвитером первое Евангелие от Луки, о Самарянине, который милосердовал к ближнему, впадшему в руки разбойников. Вслед за тем, вспоминая благодеяния Христовы к роду человеческому, Им просвещенному и искупленному, и благодать служения, данную Пророкам и Апостолам, тот же Пресвитер просит Господа: сделать и его достойным служителем нового завета, и сотворить елей, уготованный для больного, елеем радования, освящения, одеждою царскою, броней силы, во отгнание всякого диавольского действия, печатью ненаветною, вечным веселием, и помазывает болящего крестообразно, на челе, ноздрях, ланитах, устах, персях и руках, с сею молитвою: «Отче святыи, врачу душ и телес, пославыи едиnorodного Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа,

всякий недуг исцеляющего и от смерти избавляющего, исцели и раба Твоего от обдержавшие его телесные и душевные немощи, и оживотвори его благодатью Христа Твоего, молитвами Пресвятой Богородицы и предстательством Святых (коих называет имена)».

Подобно сему действуют и другие шесть Священников; каждый в свою очередь, вняв чтению Апостола и прочитав сам Евангелие, помазывает елеем болящего, с тою же молитвою: Отче святыи, врачу душ и телес»; но, прежде, нежели приступить к самому таинству помазания, каждый изливает душу свою пред Господом, в пространной и красноречивой молитве, чувствуя свое недостойнство и величие таинства и нужды болящего, как зеркало собственных немощей, и воспоминает многочисленные примеры помилования грешников и исцеления, в ветхом и новом заветах. Столь умилительны и вместе столь возвышенны сии молитвы, что они невольно извлекают слезы у предстоящих и тогда даже, когда дух их смущен и развлечен, отчаянным положением болящего, близкого их сердцу.

Не менее разительно чтение шести остальных Апостолов и Евангелий. Здесь является учитель язычников, Павел, и повелевает сильным носить немощи немощных и, по примеру Христову, угождать не себе, но ближнему во благое, взывая к Богу терпения и утешений. Он внушает, что все суть члены тела Христова, и исчисляет степени церковные и дарования, превознося над всеми любовь: называет верующих храмами Бога живого и просит очиститься, от всякой скверны плоти и духа; поставляет в пример, как его самого избавил Господь, среди гонений, когда уже он не надеялся спасти жизни, и заповедует упование на Бога; исчисляет плоды духовные, внушая духовным, дабы исправляли падающих, и наконец, после многих назидательных увещаний, о всегдашней радости и непрестанной молитве, просит верных да не угашают в себе Духа. Сей возвышенный ряд посланий кончается, словами Апостола к Солунянам: «Сам же Бог мира, да освятит вас всесовершенных во всем, и всесовершен ваш дух: и душа и тело непорочно, во пришествие Господа нашего Иисуса Христа, да сохранится». (1Сол. 5:22–23).

А предметами шести евангельских чтений избраны, после притчи о Самарянине, сказание о мытаре Закхее, обратившимся при посещении его Иисусом: послание на проповедь в Иудею учеников, коим Господь дал власть изгонять духов нечистых, исцелять всякий недуг и воскрешать мертвых; также исцеление, самим Спасителем, тещи Петровой и многих болящих, и притча Его, о пяти мудрых и пяти безумных девах, не приготовивших елей в сретение жениху, и великая вера жены

Хананейской, усердно испросившей здравия своей дочери. Наконец Евангелист Матфей сам о себе повествует, как он из мытаря сделался Апостолом, и приводит ответ Иисусов роптавшим на Него фарисеям: «не требуют здравии врача, но болящии; шедше же научитесь, что есть: милости хочу, а не жертвы? не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние». (Матф. 9:12–13).

Когда же и последний из Пресвитеров совершит помазание, тогда все они окружают одр больного, (если сам он не может взойти в их средину), и начальствующий, разгнув святое Евангелие, возлагает письменами на главу его и произносит молитву к Господу Иисусу, не хотящему смерти грешника, но да обратится и жив будет: «не полагаю руку мою грешную, на главу пришедшего к Тебе во гресех и просящего у Тебя, нами, оставление грехов; но Твою руку крепкую и сильную, яже во святом Евангелии сем, еже сослужители мои держат на главе раба Твоего, и молюся с ними и прошу милостивное и непамятозлое человеколюбие Твое Боже, Спасителю наш».

После сего смиренного начала молит он Господа, об оставлении грехов болящего, по примеру древнего милосердия к кающимся и, сняв с главы Евангелие, дает целовать оное больному. Краткая ектения, о милости, жизни, здравии и спасении его и оставлении грехов, вместе с двумя стихирами святым безсребренным исцелителям и Божией Матери, заключает таинство, и приавший оное благоговейно трижды кланяется совершителям, говоря из глубины сокрушенного сердца: «благословите отцы святии и простите мя грешного».

Письмо VI

Наконец желаю я беседовать с тобою, любезный друг, о великом таинстве священства, которое может по справедливости назваться венцом и связью всех других, ибо оно служит спасительным орудием для их сообщения, по благодати, данной Апостолам и постепенно нисшедшей, чрез непрерывное рукоположение, до нынешних служителей Церкви Христовой.

Спаситель избрал Себе предпочтительно, из всего сонма верующих, сперва двенадцать Апостолов, потом и других семьдесят учеников, и послал их с даром чудес и исцелений, проповедовать царствие Божие, еще во время собственной проповеди, когда Сам, как верховный Первосвященник, готовил принести Себя Отцу в жертву, за грехи мира. По совершении же сей жертвы, в самый день Своего воскресения, Он даровал Апостолам власть отпущать грехи и, вознесшись на небо, излил на них видимо Св. Духа, в огненных языках.

Так исполнились слова Пророков, обещавших Израилю изливание Духа Святого на детей его, и новое священство взамен ветхозаветных Левитов; ибо и Глава новой Церкви, Христос, был поставлен Первосвященником, не по чину Ааронову и обрядам иудейским, но по чину Мелхиседека, Священника Бога Вышнего, таинственного по рождению и кончине, и помазан от Отца, Духом Святым.

Здесь, в сугубой благодати, дарованной Апостолам, и в той, какая сообщена была семидесяти ученикам, проявляются уже, при самом начале благовествования, две основные степени священства: Епископа и Пресвитера, впоследствии учрежденные Апостолами, с различием во власти при сходном священнодействии; ибо, совершая одинаково божественную жертву тела и крови Христовых, Пресвитеры подчинены Епископам и от них приемлют посвящение. Третья же начальная степень Дякона, то есть служителя, установлена Апостолами, в первенствующей Церкви, для служения верным при божественной трапезе, дабы высшие строители таин Христовых могли исключительно посвятить себя проповеди и молитве. В книге Деяний (6:6) сохранился и самый образ посвящения в сан духовный, чрез возложение рук Апостольских на главу избираемого, при соборной молитве, сообщавшей ему благодать Святого Духа. Христиане, исключительно предназначенные для совершения и преподавания таинств, должны сами, в большей мере, быть причастниками благодати, дабы получить дерзновение приблизиться к страшному алтарю

Христову. И доныне, от времен Апостольских: действие рукоположения или хиротонии (по-Гречески) служит запечатлением таинства священства, при возведении в три главные степени: Дякона, Пресвитера и Епископа, неизменно сохранившиеся во Вселенской Церкви. Прочие же чины церковные суть ничто иное, как их подразделение и применение к состоянию духовных лиц, и посему таинство священства не повторяется над приемлющими сии звания.

Таким образом, Дяконы именуются архидиаконами или протодиаконами, как старейшие между собратиею при особе архиерейской, и вообще имя иеродякона присвоено всем монашествующим из числа их, как равно иеромонахами, т. е. священноиноками, называются Пресвитеры или Священники иночествующих. Начальствующий над белым духовенством при соборе, протоиерей, соответствует саном начальнику обители, который, судя по ее степени, бывает строителем, игуменом или архимандритом, но в сущности есть ничто иное как Священник, с некоторыми преимуществами во власти и служении.

Четыре степени существуют также в высшем достоинстве Архиерейском, которое, по уставам Вселенских Соборов, должно быть необходимо устранено от уз и обязанностей брака, дабы Святители, чрез отречение от мира, удобнее могли, как истинные пастыри, заняться стадом, вверенным им от Главы Церкви Христа.

Они бывают Епископами или Архиепископами, судя по важности своих епархий (на Востоке же Архиепископом сначала стали именовать начальствующих над несколькими Епископами одной области); сан Митрополита означает собственно столичного Архиерея, со властью Архиепископа. Титул же Патриарший присвоен исключительно Архиепископам: Иерусалимскому, как Святителю Сиона, матери Церкви; Антиохийскому, как наследнику кафедры, на которой восседали Апостолы Петр и Павел, и которой принадлежит начало имени Христиан; Александрийскому, как преемнику Св. Апостола Марка; Константинопольскому, как Архиепископу столицы Греческой империи. В той же степени, до отделения Западной Церкви, был Римский Архиепископ, как святитель древней столицы; а по отделении Папы, от общения прочих Восточных Патриархов, звание пятого их собрата перенесено было, общим их согласиём, в возвеличенную Провидением Церковь Российскую. Посему и ныне Патриархи, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, пребывая в духовном союзе со Святейшим Синодом, который заменил в России Патриарха, суть

представители Православной Восточной Кафолической Церкви, созданной на основании Апостолов и Пророков, имеющей краеугольным камнем самого Христа Бога.

Теперь я постараюсь объяснить тебе постепенно священные обряды, употребляемые Церковью при рукоположении своих служителей, и прежде всего, скажу несколько слов о причетниках, которые, не составляя еще собственно священного чина, призваны предварительно на служение Богу, чтобы из числа их посвящались впоследствии Диаконы и Пресвитеры. Посему когда, во время служения архиерейского, приводятся к его кафедре, посреди церкви, избранные в должность причетников, то сперва постригают им власы, в знак посвящения Богу, а потом облачают в белый стихарь, одежду чистоты духовной. В первенствующей Церкви между ними находились, не только чтецы и свещеносцы, по-нынешнему псаломщики и пономари, но и заклинатели, которых должность исключительно состояла в чтении заклинательных молитв, против духов нечистых и над болящими.

Высшая из приготовительных степеней церковного служения и ближайшая к священству, есть степень иподиакона, предназначенная для того, чтобы в некоторых случаях, в служении архиерейском, заменять Диакона. Избранный приводится также на средину церкви, к сидящему Архиерею, и два Диакона или иподиакона, всегда находящиеся при особе Святителя на литургии, по его благословению, возлагают крестообразно орарь на нового служителя Христова, дабы препоясать его сим знамением силы и готовности к служению. Святитель осеняет, крестным знамением, главу его, произнося молитву посвящения, и тотчас, для введения в новую должность, дают ему как служителю, держать умывальницу и лентион, во время умывания рук архиерейских.

Чин хиротонии Диакона и Пресвитера совершается почти единообразно, в общем и открытом ходе обрядов, но с важным различием в молитвах и словах тайнодейственных, и не в одинаковое время литургии. Дьякон рукополагается по освящении даров, в знак того, что он может только служить таинству, совершаемому Епископом или Пресвитером, но не имеет власти действовать, а Пресвитера посвящают тотчас после великого входа, чтобы он сам участвовал в приношении бескровной жертвы. Он, и на великом входе, предварительно идет пред Св. дарами, покровенный воздухом, в знамение благодати Духа Святого, готовой его осенить. Более же двух посвящений, одного Диакона и одного Пресвитера, по уставам Соборов Вселенских, не бывает на одной литургии.

Два Диакона приводят новопоставляемого ко вратам царским, и

поклоняясь Архиерею, сидящему на кафедре близ угла престола, как бы одесную Христа, невидимо присутствующего на престоле и действующего чрез видимое служение рукоположителя, возглашают: «повели, повелите, повели, преосвященнейший Владыко». Второе повелите относится к Церкви, ибо в первые времена ее, участвовавшие в избрании служителя алтарю, сами присутствовали при его представлении Святителю. Тогда Протодиакон, если поставляется Диякон, если же Священник, то Архимандрит или Протоиерей, ведут его около престола против солнца, как и при других таинствах, по пути к востоку духовному, а не западу, и указывают ему целовать сперва четыре угла престола, как престол самого Господа, на коем совершается его жертва за грехи мира, потом некоторые части святительских одежд и наконец, руку Архипастыря, орудие готовое излиться на него благодати; но прежде, посвящаемый, смиренно повергается к стопам его, в знак всегдашнего послушания власти церковной. Трижды повторяется таинственное шествие, а между тем лики поют торжественные гимны, которые, восторгая душу к созерцанию, представляют, по трем степеням священства, три созерцательные образа: Диякону, – образ Мучеников, чтобы обречь себя служить Христианским таинствам с самопожертвованием, даже до мученичества, как перводиакон и первомученик Стефан.

Пресвитеру, – образ Апостолов, чтобы он их учению и примеру последовал, в совершении таинств и проповедании Христианских догматов.

Епископу, – не только образ Апостолов, но и образ Пресвятой Девы Богоматери, чтобы он, подражая ее дарованию чистоты духа и тела, и подкрепляясь ее молитвою, питал в себе материнское чувство в отношении к детям Церкви и, высшим служением, распространял в ней жизнь Божию дары Св. Духа.

«Святити Мученицы, добре страдальчествовавши и венчавшиися, молитесь ко Господу, помиловатися душам нашим».

«Слава Тебе, Христе Боже, Апостолов похвало, Мучеников радование, их же проповедь, Троица единосущная».

«Исаие ликуй, Дева, име во чреве, и роди Сына Еммануила, Бога же и человека: Восток имя Ему, Его же величающе, Деву ублажаем».

Тогда Святитель, восстав с кафедры, становится у правого угла престола, и пред ним преклоняет правое колено новопоставляемый, если ему назначена меньшая степень Диякона, как бы еще не полное иго Христово, и оба колена, если готовится в Пресвитеры; Архиерей же, с крестным знаменем возложив на главу его руку и край своего омофора,

знамение воплощения Христова, провозглашает имя и степень посвящаемого, и всю Церковь приглашает к соучастию в тайнодейственной молитве, сими словами: «божественная благодать, всегда немощныя врачующи и оскудевающия восполняющи, проручествует благоговейнейшего Иподиакона или Диакона, в Диакона или Пресвитера; помолимся убо о нем, да приидет на него благодать Всесвятого Духа».

По-Гречески отвечают лики на сие провозглашение: «Кирие елейсон», Господи помилуй, в память неразрывного общения с матерью нашею, Греческою Церковью. Тогда Святитель, еще трикратно благословив главу посвящаемого, втайне призывает на него благодать Святого Духа, испрашивая ему дары потребные той степени, на которую он возводится. По исполнении молитвы, преподавая ему священные одежды и книгу, или орудие служения, каждый раз и опять по-Гречески, возглашает во услышание всей Церкви «аксиос», т. е. достоин, а за ним то же повторяют по три раза лики, доколе не облачится ставленник. Тогда новому Диакону дают, на все время совершения даров, держать над ними рипиду, знаменуя его служение Церкви; Священник же становится в ряды своих сослужителей к престолу, и Архиерей, по предложении хлеба в божественное тело, полагает ему в руку одну животворящую часть, как залог вверяемый ему от Христа и долженствующий верно быть сохраненным, а посвященный, став позади престола, размышляет над сею страшною святынею о своем недостойнстве, доколе не услышит призывного возгласа: «святая святым»! В самый час приобщения, новые служители алтаря, приступают к бессмертной трапезе прежде прочих, той же степени, чтобы почувствовали, с какою ревностною любовью возжелал Христос сотворить с ними сию пасху. Оба они, последнею эктениею и заамвонною молитвою, заключают литургию, после коей Епископ дает им в алтаре приличное наставление.

С чрезвычайным великолепием совершается торжество посвящения Архиерейского, дабы с одной стороны верные чада Церкви видели, на какую высокую степень поставляется их пастырь и исполнились к нему благоговения, а с другой, чтобы и сам посвящаемый Епископ, чрез произносимые им обеты и таинственные обряды, познал всю важность и долг своего звания. Введением на сей выпранный путь служат предварительные молитвы, произносимые при его наречении, сонмом Архиереев, когда в присутствии Святейшего Синода объявляют о его избрании, и умилительные тропари Св. Духа, воспеваемые тогда старческим гласом Святителей, представляющих Соборную Церковь.

«Благословен еси Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей,

ниспослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную, Человеколюбче слава Тебе».

«Егда снисшед языки слия, разделяше языки Вышний; егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва, и согласно славим Всесвятаго Духа».

Чудная противоположность изображается стихами сего тропаря: в Вавилоне смешение языков, от надменного столпотворения, и враждебное разделение народов; в смиренной же храмине Сионской огненное раздаяние языков, сделавшее рыбаей ловцами вселенной, дабы все народы соединились во славу Божию. Таков благодатный отголосок нового завета, на одну из страшных картин ветхого.

Самый чин посвящения Архиерейского начинается, испытанием в вере избираемого и его присягою, ибо Епископ поставляется в Церкви, как светильник, не только народу, но и Пресвитерам, ему сослужащим, и вера его должна быть несомненна. Для сего собираются все Архиереи, находящиеся в столице, и садятся, в полных облачениях, на амвоне посреди церкви; нареченный выходит к ним из алтаря, в сопровождении старшего Священнослужителя и Дякона, которые в древности были представителями клира и города, избравших себе Епископа, и ручались пред Собором за нравственные его качества. Он становится на край разостланного ковра, с изображением парящего великого орла над градом, ибо орел образует высоту богословского учения, которое обязывается благовестить поставляемый Епископ и, подобно орлу, всегда горе парящему, горняя мудрствовать и горних искать, по Апостольскому слову, бдительным оком надзирая над паствою, а град образует сию паству, вручаемую новому Пастырю; отседе малые орлы, всегда подстилаемые на литургии под ноги Архиерея, служат ему, во всю жизнь, напоминовением той присяги, какую он должен здесь совершить, наступив на орла. Тогда на вопрос первенствующего между Святителями: «чего ради пришел еси, чего просиши и како веруеши»? отвечает он: «хиротонии Архиерейския благодати» и читает громогласно символ веры. По благословении старейшего и по вторичном его вопросе, о том: «как исповедуешь вочеловечение Христово»? ибо сей догмат есть основание нашего спасения, он становится на средину орла, и пространнее излагает свое исповедание, согласно с Соборною Апостольскою Церковью, отвергая все ереси и громко возглашая им анафему, чтобы никто из православных Христиан, собранных в церкви, не сомневался в том, что он исповедует веру Кафолическую Восточную, как единую истинную.

В третий раз первенствующий Архиерей вопрошает ставшего уже на

главу орла: «как содержит он каноны Св. Апостол и Св. Отец»? Избранный же клянется соблюдать уставы Вселенских семи Соборов и девяти поместных, и быть в общении и любви с братьями своими Епископами и повиноваться духовной власти Святейшего Синода, исполняя свято долг своего звания, который в подробности излагает. В то же время творит он, как подданный, обычную присягу своему Государю, призывая Бога во свидетели истины всех своих обещаний Церкви, и подходит к амвону принять благословение всех Архиереев, после чего поется многолетие и он возвращается в алтарь, а литургия начинается обычным порядком.

Когда же, после входа со святым Евангелием, все Архиереи, вслед за первенствующим, торжественно вступают в алтарь, и воспевается трисвятая песнь, возносящая мысли к созерцанию таинственной Троицы, – тогда избранный приводится опять Протоиереем и Архидиаконом ко вратам царским. Там приемлет его сонм Архиереев, посреди коих преклоняет колена, прямо против среды престола, как бы припадая непосредственно ко Христу, невидимо здесь присутствующему; они возлагают сперва разгнутое Евангелие, письмена на главу его, как бы руку самого Господа Иисуса, зовущего на проповедь слова Божия, а с тем вместе и свои освященные руки, и первенствующий возглашает тайно действенные слова: «избранием и искусом боголюбнейших Архиереев и всего освященного Собора, божественная благодать»... и прочее, как при хиротонии Пресвитера и Дякона.

Потом, благословив его троекратным знаменем креста, во имя Пресвятой Троицы, он тихо произносит над ним молитву, воспоминающую преемственную благодать священства, нисшедшую к служителям Церкви от самих Апостолов. Между тем все Архиереи продолжают держать, на главе его, десные руки, потому что, по уставам вселенским, один Святитель не может посвящать равного себе и необходимо соборное рукоположение: они также тихим голосом отвечают: «Господи помилуй» на тихую ектению одного из среды своей, молящегося о благе Церкви и новопоставляемого ее сановника. Наконец, первенствующий заключает таинство другою трогательною молитвою, в коей просит Господа: «сотворить сего нового строителя таинственным Своим подражателем, путевождем слепых, светом сущих во тьме, наказателем немудрых, учителем младенцев, светильником в мире, да совершив души вверенные ему в сей жизни, предстанет престолу Его непостыдно и великую мзду примет, юже уготовил пострадавшим за проповедь Евангелия».

После общего «аминь» произнесенного всеми Святителями, старший

из них приемлет от Диаконov священные одежды и подает саккос, панагию, омофор новому Епископу, провозглашая его, со всем Собором, «аксиос» достойным; а он на каждую одежду просит благословения всех Архиереев, целуя их руки: наконец, увенчанному митрою, все участвующие в рукоположении, дают целование мира, как равному себе. Тогда отходят и разоблачаются; остается один первенствующий и, для слушания Апостола и Евангелия, возводит на горнее место вновь посвященного своего сослужителя, водворяя его в святилище и утверждая на кафедре церковной. Они совершают вместе божественную литургию, и первый из них приемлет дискос, а второй чашу, на великом входе; благословение же святых даров принадлежит старейшему: но во время причащения старший подает Пресвитерам святое тело, а младший святую чашу. По окончании божественного служения, все Архиереи, в мантиях, собираются опять у престола, и старейший надевает на посвященного мантию с источниками, изображающими источники благодати, долженствующие истекать из уст его; потом восходят они на амвон, посреди церкви, и первенствующий вручает, с пастырским поучением, жезл правления новому Епископу, который благословляет народ.

Письмо VII

Хотя я уже сказал тебе все, что при собственной моей неопытности, как мирянин, мог говорить о святых семи таинствах, касаясь более внешних обрядов нежели самого догмата: хочу однако присовокупить еще нечто, о иночестве, которое, не будучи в числе таинств, служит в некоторых случаях важным дополнением оных, ибо принято как приготовление к высшим степеням Иерархии, образует духовное обручение со Христом, и даже, по возвышенности своих обетов, называется у Св. Отцов вторым крещением.

По примеру великого пустынножителя Пророка Илии, удостоившегося видеть славу преображения на Фаворе, и по примеру Иоанна Предтечи, большего из всех рожденных женами, по словам самого Христа, начали уединяться первые отшельники Христианства, чтобы, вдали от искушений и напастей языческого мира, молитвенно созерцать Господа, подобно Ангелам на небесах. Они последовали совету Апостола Павла, который, предвидя скорби истинных Христиан, представил сам себя в пример отречения от мира: «я вам сказываю, братие, время уже тесно; имеющие жен должны быть как неимеющие, и радующееся как нерадующиеся, и покупающие как не приобретающие, и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся, потому что преходит образ мира сего, а я хочу, чтобы вы были беспечальны. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1Кор. 7:26–33).

Отселе любовь к целомудрию и возвышенность духа над всеми преходящими благами, и разрешение от всех мирских уз, или, по крайней мере, пламенное желание сей духовной свободы, были всегда первыми стихиями монашеского быта. Есть люди, в которых, по особенной благодати Божией, влечение ко всему божественному, священному и вечному, столь живо, что они, кажется, только легкою нитью придерживаются временного и конечного: тогда собственно духовная природа человека столь резко в нем проявляется, что противоположная ей умирает уже почти в сей жизни, и самая жизнь, по словам Апостола, сокровена со Христом в Боге. Такого рода люди не предпринимают решительного намерения отказаться от всего временного, чтобы заняться вечным; безбрачие, строгое воздержание в пище, удаление от житейских наслаждений, не служат для них средством к достижению чего-либо высшего по духу; нет, они уже сами находятся в сем высшем состоянии,

которое так преисполняет их сердце, так удовлетворяет всем их желаниям, что они, сами по себе, непринужденно воздерживаются от всего, так называемого житейского, и внешний образ их жизни есть только выражение внутреннего их расположения. У большей части Христиан, в течение жизни, бывают иногда минуты, в которые благочестивая деятельность овладевает внутренним человеком, до такой степени, что все телесные потребности умолкают и как бы не действуют. То, что со многими случается редко, с немногими же чаще, то самое, у некоторых избранных, бывает обычным.

Таковы были Антоний Великий, Пахомий, оба Макария, и другие основатели жития иноческого в пустынях Египта; таковы, и в каменистых ущельях Палестины, Иларион, Евфимий, Феодосий, Савва, не считая прочих великих отшельников. Святые мужи сии отличались, не только глубоким знанием вещей божественных и великим благочестием, но и, по выпренности своего духа, не подчиненного внешним впечатлениям, они имели ясный взгляд на предметы и разум благих советов, некоторые же еще и дар чудес и сверхъестественную силу исцелений и прозрение будущего. К ним, как к избранным друзьям Божиим, стекались из далеких стран народы, привлекаемые свойственным каждому уважением ко всему священному и великому, и многие последовали их примеру. Между сими подражателями некоторые имели истинное расположение к иноческой жизни, но это, не совсем ясное в них чувство, требовало еще образования и развития, ибо внутреннее их духовное богатство не могло само достигнуть совершенства; получив же однажды направление, они уже, твердою стопою, шли по новому выпренному пути. Таким образом, вокруг уединенных келий первых отшельников, образовались постепенно скиты, то есть места подвигов духовных, и обширные лавры, как бы венец их, по самому наименованию и ими наполнились вскоре Египет и Сирия.

В четвертом столетии, самом цветущем для иночества, Св. Василий Великий, Архиепископ Кесарии, проведший многие годы в уединении, после продолжительного учения в Афинах, и посетивший обители пустынножителей, написал, сходно с их уставами, правила монашеской жизни для отшельников своей Каппадокийской епархии, отколе распространились они во всю Восточную Церковь, вместе с обрядами литургии и другими канонами сего величайшего Иерарха. Святая гора Афонская и монастырь Студитов в Константинополе сохранили, во всей строгости, устав иноческий Вселенского учителя, и в совершенной чистоте передали Церкви Российской, когда, во времена Великого Князя Изяслава, в XI веке, первые пустынножители наши, Антоний и Феодосий Печерские,

пожелали устроить, по образу их, свою новую обитель в лесах и в пещерах Киева: оттоле развилось иночество по всей России, и всегда было украшением и спасением отечества, во дни его славы и бедствий.

Я рассказал тебе, вкратце, о начале иночества; но если бы вникнуть пространнее в постепенное его развитие, если бы обнять мыслью сей так сказать, отдельный монашеский мир, исполненный совершенства духовного, который процвел в песках Фиваиды и утесах Палестины и дремучих лесах нашей родины, если бы изобразить все подвиги святых отшельников и их безмолвную жизнь, посвященную частью молитве, частью трудам и призрению убогих, – какая бы величественная, назидательная картина развилась пред тобою! Но я не могу выходить из кратких пределов сего письма и опишу тебе только одни трогательные обеты, произносимые при вступлении в иночество. Ты увидишь из них, какие добродетели требуются от инока и сколь священно и назидательно миру лицо его, когда, по мере слабых сил человеческих, исполняет он долг своего звания; ты увидишь также, и может быть не без изумления, что отречения монашеские не многим разнятся от тех обетов, какие дает каждый Христианин, при святом крещении, потому что, кроме безбрачия и девственности, которая присвоена иночеству, как высшая добродетель процветшая в мире только со времен Спасителя, и кроме исключительного упражнения в посте и молитве, все прочее: смирение, целомудрие, послушание, преданность Христу Богу, требуются от инока наравне с каждым Христианином. На всех одинаково лежит легкое иго Христово и пребывание наше в мире не может служить извинением, в тяжких отступлениях от заповедей Божиих.

Трехлетний искус, или степень послушника, служит вступлением в монашескую жизнь, чтобы желающие оной прежде испытали свои силы и тогда уже произносили невозвратные обеты. Есть еще и другая приготовительная степень: прежде совершенного пострижения облачают иногда послушника не в полное одеяние инока, с установленными молитвами, что называется рясофором, т. е. ношением рясы, дабы, в ожидании полного иночества, он еще более утверждался на избранном пути. Самое иночество заключает в себе две степени, малый и великий образ (по-Гречески схима), потому что чистое житие инока дает ему Ангельский образ на земле: но название схимника, обычаем, исключительно присвоено у нас только инокам высшей степени, весьма малочисленным, которые, памятуя совершенное свое отречение и уже, живя мыслью за гробом, большею частью предаются безмолвию и затвору.

Когда наступит день желанного пострижения, готовящийся брат, пред

началом литургии, приняв благословение Игумена, слагает с себя обычные одежды, на паперти церковной, и стоит в преддверии, в одной власянице, без пояса и обуви и покрова, в знак своего разрешения от мира; по входе с Евангелием и пении антифонов, вся братия, с возженными свечами, исходит за ним, как бы в сретение кающемуся сыну Евангельской притчи, и поет умиленным напевом: «объятия отча отверсти ми потщися, блудно иждих мое житие, на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою».

В дверях царских, как бы во вратах отеческого дома, встречает Игумен трижды припадающего брата и творит ему краткое увещание: чтобы он отверз ушеса своего сердца, внемля гласу Господа, зовущего восприть свое легкое иго, и помнил бы, когда со страхом и радостью будет давать обеты, что Сам Спаситель, и Его Матерь и все небесные Силы, внимают словам его, которые отзовутся ему в последний день воскресения.

Тогда вопрошает: «что пришел еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и святой дружине сей»? и вняв ответу: «желая жития постнического, честный отче», опять спрашивает: «желаеши ли сподобитися ангельского образа и вчинену быти лику монашествующих»? – «Ей, Богу содействующу, честный отче», смиренно отвечает послушник: Игумен же одобряет его благое намерение сими словами: «воистину добро дело и блаженно избрал еси: но аще и совершиши е; добрая бо дела трудом стяжаваются и болезнию исправляются».

Но, не довольствуясь произвольным пришествием нового подвижника и его первым сознанием, он еще испытывает подробно: «вольною ли мыслью приступает к Богу, а не от нужды и насилия? пребудет ли в монастыре, и постничестве даже до последнего издыхания? сохранит ли себя в девстве и целомудрии и благоговении и в послушании к настоятелю и братии? и потерпит ли всякую скорбь и тесноту жития монашеского, ради царствия небесного»? и на все сие слышит тот же смиренный ответ, исторгаемый сознанием своей немощи и упованием небесной силы: «ей, Богу содействующу, честный отче».

После столь искреннего сознания, удаляющего уже всякую тень сомнения о доброй воле постригающегося, Игумен подает ему благие советы, объясняя в чем состоит житие иноческое: он полагает основанием его чистоту, смиренномудрие и совершенное самоотвержение, предостерегает о искушениях, какие воздвигнет на воина Христова враг человеческий, памятью прежнего жития, и предлагает ему в пример

святых Мучеников и Самого, обнищавшего нас ради Господа, и наконец еще однажды спрашивает: «обещается ли пребывать в сих обетах, даже до конца жизни, по благодати Христовой?»

«Ей, Богу содействующу», снова отвечает подвижник: Игумен же, вспоминая молитвенно благоутробие щедрого Бога, рекшего Израилю: «аще бы и жена, забыла изчадие свое, Аз не забуду тебе», укрепляет дух нового брата, обетованием небесной силы в подвигах духовных, и утешения Святого Духа, и части святых Антония, Евфимия, Саввы и сущих с ними во Христе Иисусе.

Он велит преклонить голову сперва ему, потом и всей братии и молит Господа, признавшего достойными Себе служителями тех, кои оставили все житейское, и показавшего нам различные пути ко спасению, – оградить и сего раба Своего, силою Св. Духа, принять его чистую жертву Богу и, с отъятием власов его, отъять и всякую похоть бессловесную, сподобив его легкого своего ига, и соблюдения святых заповедей, и сопричтения к лику избранных.

Тогда, указывая ему на святое Евангелие, лежащее на аналое, как на самое присутствие Христово, напоминает, что по собственной воле хочет он обручения великого и Ангельского образа; это подтверждает сам постригающийся и, по повелению Настоятеля, трижды подает ему ножницы от святого Евангелия. Игумен же говорит: «се от руки Христовы приемлещи я: виждь кому сочетаеши, к кому приступаеши и кого отрекаеши», и в третий раз, прияв из рук его ножницы, с благословением имени Божия, постригает власы ему, крестообразно, во имя Пресвятой Троицы.

При тихом пении всей братии: «Господи помилуй» начинается облачение нового инока в одежды его сана, рукой Настоятеля, объясняющего постепенно их духовное значение, с призыванием имени Троицкого Бога. «Брат наш, говорит он, облачается в хитон вольные нищеты и нестяжания: приемлет парамант, во обручение великого образа и знамение креста Господня, на свои перси; одевается одеждою радости духовной; препоясует чресла свои силою истины, в умерщвление тела и обновление духа; покрывается шлемом надежды спасения и покрывалом послушания; приемлет (мантию) ризу спасения и броню правды; обувается в сандалии во уготовление благовествования мира: приемлет меч духовный, иже есть глагол Божий, и наконец: «брат наш приял обручение великого Ангельского образа, и облекся во все оружия, во имя Отца и Сына и Святого Духа»; но при каждом облачении, он просительно обращается к братии: «рцем о нем: Господи помилуй»!

Тогда Настоятель, с молитвою, дает крест, в правую руку инока, напоминая ему слова Христовы: «рече Господь: аще кто хочет последовати Мне, да отвержется себе и возмет крест свой и да последует Мне».

Он дает ему и возженную свечу, с которою должен стоять всю литургию, до своего причащения, у иконы Спасительной, и опять произносит: «рече Господь: тако да возсияет свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех».

Облачив же совершенно нового инока, молится: чтобы Господь ввел раба Своего в духовный Свой двор, сопричел к словесному Своему стаду: очистил его мудрование от плотских похотей, и дал бы ему непрестанно воспоминать блаженство, ожидающее любящих Бога и распявшихся, житием монашеским, ради царствия небесного.

Тот же самый порядок вопросов, увещаний и молитв наблюдается и при пострижении в великую схиму, но по важности сего высшего Ангельского образа, есть разность в некоторых молитвах и увещаниях, которые пространнее, будучи приспособлены к духовным нуждам схимника, а в облачении есть изменение: – вместо клобука надевают на него куколь незлобия и потом еще аналав, подобный священнической эпитрахили с крестами. Особенный канон положен также на утрени для пострижения, и трогательны самые антифоны, которые должен произносить приемлющий схиму, когда вступает в церковь: «хотех слезами очистити моих грехов рукописание, Господи, и прочее живота моего благоугодити Тебе, но враг льстит мя и борет душу мою; Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Кто обуреваем и притекай к пристанищу сему не спасется? или кто, болезнуя и припадая ко врачеству сему, не исцелеет? Содетелю всех и врачу недужных, Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Овча есмь словесного Твоего стада, и к Тебе прибегаю, пастырю доброму, взыщи мя заблудшего Боже, и помилуй мя».

Когда пострижение иноческое не совершается во время литургии, то и тогда, после облачения нового брата и краткой эктении Диакона, о его благосостоянии духовном, и пения крещального стиха: «елицы во Христа крестистесь, во Христа обдекоствесь, аллилуйя», читается, во услышание его, Апостол и Евангелие. Св. Павел, в послании своем к Ефесеям (9:10–17), научает какова духовная брань наша и как должны мы сражаться:

«Братия, укрепляйтесь в Господе и в могуществе силы Его: облекитесь во все оружия Божия, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не с плотию и кровию, но с

начальниками, властями, с мироправителями тьмы века сего, с духами злобы поднебесными. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противустоять в день злый и, все преодолев, устоять. И так станьте, препоясав чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в уготовление благовествования мира. А паче всего воспримите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого, и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие».

И Евангелист Матфей, проповедуя самоотвержение, именем Христовым, зовет к Нему нового подвижника: «любящий отца или мать, более нежели Меня, недостоин Меня, и любящий сына или дочь, более нежели Меня, не достоин Меня; и кто не возьмет креста своего и не последует за Мной, тот не достоин Меня. Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я упокою вас; возьмите Мое иго на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим, ибо Мое иго благо и бремя Мое легко» (Матф. 10:37, 38; 11:28, 30).

А братия, приветствуя целованием мира нового своего сподвижника, поют: «познаем, братия, таинства силу: блудного сына, от греха востекшего к отчому дому, преблагий отец, встретив, лобзает и вновь дарует ему познание своей славы, и совершает таинственное с горными пиршество, закалая тельца упитанного, дабы мы достойно сожительствовали и предавшему его на заклание, человеколюбивому Отцу, и славной сей жертве – закалаемому Спасу душ наших».

Книга четвертая. О праздниках и погребении

Письмо I

Мы несколько отвлеклись, любезный Друг, от постепенного хода церковных служб и празднеств, последующих Пасхе, и как бы утомленные семинедельным восходом на светлую вершину, господствующую над всеми горными торжествами Церкви, остановились, чтобы вкусить плоды крестного пути, в созерцании ее таинств: со столь высокой точки могли мы окинуть, радостным взором, и трудный восход наш и легкое уже шествие, за пределами воскресения Господня. Так, если только можно сравнивать небесное с земным, так усталому путнику, долго скитавшемуся по бесприютным горам, внезапно открываются, с их темени, благословенные южные долины и, забывая все трудности пути, он жадно стремится в их роскошное лоно, на берега живых источников, под тень прохладных рощей.

Так и для нас, отрадно пролегает духовная стезя, на расстоянии восьми недель, от светлого праздника Пасхи до огненного сошествия Св. Духа на Апостолов, и еще далее до праздника всех Святых, взошедших в радость Господа своего: в противоположность постной триоди, триодиею цветною назвала Церковь ликующее богослужение сего времени, в которое ликует с нею самая природа.

«Днесь весна душам, воспевает она, ибо Христос, как солнце, воссиял из гроба, тридневен, и отогнал мрачную бурю нашего греха, и царица времен приносит дары свои светоносному дню, царю над всеми днями».

Та же глубокая мудрость, с какою расположены были все песни чтения и обряды, возбуждавшие нас к покаянию в течение великого поста, явствует и в цветной триоди, для уверения нашего в спасительном воскресении Христовом. В самое первое воскресение, после Пасхи, заботливая Церковь напоминает нам о кратком неверии Апостола Фомы, послужившем, для всех веков, твердым основанием веры в Воскресшего, который, дав осязать себя сомневавшемуся, исторг из уст его радостное: «Господь мой и Бог мой»!

«О преславное чудо! восклицают верные, Иоанн возлежал на персях Бога Слова, Фома же сподобился осязать Его ребра, и один извлек оттоле глубокое созерцание богословия, другой же тайно научает нас и ясно свидетельствует, о знамениях Христова возстания, взывая: «Господь мой и Бог мой»!

«Сколь велико и беспримерно множество щедрот Твоих, Человеколюбец, и сколь Ты долготерпел! – от иудеев заушаемый и от

Апостола осязаемый, и много испытываемый отметающимися Тебя: как воплотился Ты? и как распялся безгрешный? – но вразуми и нас, подобно Фоме, звать к Тебе: «Господь мой и Бог мой, слава Тебе».

На следующей неделе память погребателя Иосифа и Мирносиц, первых свидетельниц воскресения Христова, представляет взорам нашим, еще однажды, упраздненный гроб, а пред дверьми его, как бы для взаимного удостоверения, – того, кто привалил к ним камень, и жен, обретших оный уже отваленным на третий день, для кафедры благовестнику Ангелу. «Подобало, говорит синаксарий сей недели, женскому полу, первее падшему под грех и наследовавшему клятву, первое увидеть и воскресение Христово и прежде всех внять радостной вести; ибо первая Ева услышала горькое слово: в печалях родиши чада».

«Мужество благого их намерения победило немощь женской природы: они возлияли миро со слезами на гроб, и радостью исполнились уста их, воззвавшие: «воскрес Господь»! И в песнях прославляющих их подвиг, в течение всей недели, часто ликующие гимны сливаются с погребальными великой субботы, как отголосок божественной страсти, издаваемый гробовым утесом, вместе с обличениями на иудеев.

«Да рекут иудеи: как утратили воины стрегущие Царя? почто камень не сохранил в себе камня жизни? – или погребенного пусть возвратят, или воскресшему да поклонятся с нами».

За столь многими свидетельствами воскресения следует, на расстоянии недели, евангельская повесть Иоанна, о расслабленном овчей купели, которого исцелил Господь, во время празднеств Еврейской пятидесятницы, в день субботний, и тем воздвиг на себя негодование иудеев. Еще более возревновали они, когда Мессия, укоряя их жестокосердие, указал им на Моисея и Пророков, о Нем свидетельствовавших, и уже явно обнаружил Себя Сыном Божиим и равным Богу, дабы все чтити Сына, как чтут Отца. «Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, Его пославшего», сказал Он, и сие столь ясное свидетельство о Божестве, исшедшее из уст Самого Господа, возглашается Церковью во услышание верных, как новое уверение небесной славы распятого и воскресшего, который Сам, подобно Отцу, воскрешает мертвых и совершает суд.

Трогательны стихиры, воспевающие немощь расслабленного и человеколюбие Христово: «разслабленный, как мертвец непогребенный, видев Тебя воскликнул: помилуй меня Господи, ибо одр мой был мне гробом, и человека не имею, да ввержет меня в возмущающиеся воды купели; Спаситель же, милосердя ему, вещал: тебя ради Я в плоть

облекся, тебя ради Я человек, и ты ли еще глаголешь: человека не имею! – но возьми одр твой и ходи».

Три были великие праздника у иудеев: Пасха, в память исхода их из Египта, Пятидесятница, воспомявшая им закон данный Моисею на Синае, чрез пятьдесят дней после исхода, и наконец поставление кущей, под сень коих собирались они всенародно, каждое лето, в память сорокалетней бездомной жизни в пустыне. Воскресение Господа, бывшее на другой день пасхи Еврейской, и спустя пятьдесят дней сошествие Св. Духа на Апостолов, освятили, для новозаветной Церкви, оба празднества ветхого завета. Преполовление, то есть средний между ними день, пересекающий период на две половины, почитается также особенными молитвами и обрядами. Продолжающееся, от самой Пасхи, чтение Евангелиста Иоанна, представляет Иисуса, на половине праздника иудейского, вшедшего в храм и учащего: – того довольно было, чтобы день сей обратил на себя особенное внимание Церкви. Она вслушалась в слова Спасителя, возглашенные в святилище Иерусалимском: «аще кто жаждет да грядет ко Мне и пьет» и посему поет Ему в среду преполовения: «преполовившуся празднику, жаждущую мою душу благочестия напой водами, Христе Боже, источниче наша жизнь».

Отселе, в радостный день сей, который, по словам утреннего канона, с одной стороны озаряется божественною светлостью Пасхи, с другой же сияет благодатью Утешителя Духа, и своим обоюдным светом соединяет оба торжества, – бывает, после литургии, крестный ход на воды, дабы утолилась, освященными струями, благочестивая жажда Христиан.

В два последующие воскресения предлагается Евангелие от Иоанна, о Самарянке, которой открыл себя Христос, обещая ей источник духовный, на веки утоляющий жажду, и о слепце, который всю свою жизнь помышляя единою ночью, воззвал к сыну Давида и прозрел, по глаголу Его, умывшись в купели Силоамской.

Исповедание веры его в божественного исцелителя, посрамило кичливое неверие фарисеев. «Веруеши ли в Сына Божия?» спросил Иисус изгнанного из их сонма; «а кто он? Господи, простодушно отвечал прозревший, чтобы мне веровать в Него!» Иисус сказал ему: «и видел ты Его и Он говорит с тобою»: он же сказал: «верую Господи» и поклонился Ему. Подражая блаженному верованию прозревшего слепца, воззовем и мы ко Христу Богу, мысленному солнцу правды, который прикосновением Своим просветил, внутренно и наружно, лишенного света от самого рождения, – да озарит Он и наши душевные очи и покажет нас сынами света, с верою к Нему вопиющими: «неизреченно Твое благоутробие,

Человеколюбец, слава Тебе».

Чрез сорок дней после Пасхи, сообразно с временем самого события, празднуется славное вознесение Христова одесную Отца, по крестным подвигам земной жизни. Таким образом, как предшествующие дни Его страданий, так и последующие светлому возстанию, верно и постепенно обозначены службами церковными, дабы не стерлась из памяти ни одна драгоценная минута сего краткого времени. – Подобно Апостолам, непрестанно ожидавшим утешительных явлений своего Учителя, в течении сорока дней, пока не вознесся видимо пред ними, стоит и Церковь, во все сии дни, как бы на духовной страже, и потом опять с учениками Господа, в псалмах и пениях духовных, ожидает еще десять дней обетованного Утешителя Духа. Тогда только цветная триодь, воздав последнюю хвалу Святым Божиим, уступает место обычному порядку служения.

Но накануне Вознесения, еще однажды, повторением всех пасхальных гимнов, заключается светлое торжество воскресения Христова, и сие отрадное повторение как бы утешает верных, провожающих на небеса своего Искупителя: за вечернею дня отдания праздника уже воспевается вознесение:

«Книги писаний божественных и книги премудрых богоглагольников явно прияли совершение, ибо Господь, по возстании своем, восходит славно на небеса и земля тайно ликует».

Какая торжественная картина развивается в сих песнях: «Господь возносится на небеса, да пошлет Утешителя миру, небеса приготовили престол ему, облака восхождение, Ангелы дивятся человека зря превыше себя, Отец ждет того, кто вечно пребывает в Его недрах. Дух же Святый велит всем Ангелам Его: возвысьте врата верхи ваши и все народы воспещите руками, ибо Христос возшел туда, где был прежде».

Все оставившие на земле земное и пепельное персти, призываются мысленно возвести горе взоры и чувства и, как бы на горе Масличной, взирать сквозь отверзшиися врата небес, на облаконосимого Христа, раздающего Апостолам дары свои. И поистине, чистого созерцания, требуют выпренье песнопения торжественного дня сего, которые, устами Св. Отцов, огласили Церковь подобно как огласились небеса хорами Ангелов, с трепетом воспевших неприступную славу возносящегося.

Замечательны пророчества Исаии и Захарии, читаемые накануне праздника: «рцыте дщери Сионой, се Спаситель твой приходит, имея с Собою мзду, и дело Его пред лицом Его. Кто сей пришедший от Эдома? багрянец Воссора на ризах Его. Сей красен в одежде Своей, вопиет с кре-

постию великою: Я глаголю правду и суд спасения! Почто же багряны ризы Твои и одежды Твои, как бы от истоптания точила виноградного, исполнены крови истоптания? – Один я истоптал точило, и нет мне в помощь мужа между языками!.. Не ходатай, ни Ангел, но Сам Господь спас их, ибо любит и щадит, Сам избавил и восприял и вознес их во все дни века».

Захария же ясно возвещает: «се день грядет Господень и станут ноги Его, в день тот, на горе Елеонской, прямо Иерусалима, от восток солнца, и в день тот изыдет вода живая из Иерусалима, – и будет Господь Царь по всей земле; в день оный Господь будет един, имя его едино окружающее землю и пустыню».

Поелику Церковь, в начальные столетия, имела правило, между днями Пасхи и Пятидесятницы, созывать Соборы, для утверждения веры и для устройства дел своих, то она учредила праздновать в воскресный день, после Вознесения, память первого Вселенского Собора, трехсот восемнадцати Святых Отцов в Никеи, которые засвидетельствовали грядущим векам Божество Иисуса Христа, богохульно отвергаемое нечестивым Арием.

Из семи Вселенских Соборов, утвердивших несомненно догматы Православия, всех торжественнее и священнее был сей первый Никейский, в 325 году. Его составляли Святители, еще украшенные тогда дарами Апостольскими и силою чудодейственной, Мученики и Исповедники веры Христовой, которые не только словом ее засвидетельствовали, но, по глаголу Апостола Павла, носили на теле своем язвы Господа Иисуса: ибо многие из них подверглись жесточайшим истязаниям, при последних гонениях на Христианство, и заседали, покрытые сединами, в бессмертном сонме своих сподвижников, как изувеченные воины Иисуса Христа. Император великий Константин, собравший их со всех пределов своей обширной державы, сам благоговейно лобызал их священные раны и смиренно воссел, посреди Ангельского сонма пастырей, исполненных Духа Святого и язв Христовых.

Но хотя и созданные, из дальних и чуждых друг другу областей, все они, основываясь на слове Божиим и на преданиях Апостольских, произнесли единодушно Символ исповедания веры, который и доньше, как незыблемое ее основание, поется на каждой литургии. Посему Церковь, признательная к сим великим светильникам, которые, напоив ее чистыми водами православного учения, сами наслаждаются вечною радостью на водах упокоения, ублажает их достойными хвалами:

«О божественный полк, тайну благочестия ясно предавший Церкви,

благотворительные оруженосцы Господа, светлые звезды на мысленной тверди небесной, необоримые столпы таинственного Сиона, миром дышащие цветы рая, золотые уста Слова, Никейская похвала и украшение вселенной! – прилежно молитесь о душах наших».

Накануне дня Сошествия Святого Духа, как накануне памяти страшного суда, перед великим постом, опять совершается память усопших, чтобы и они сподобились, чрез посредство молитвы, благодати готовой излиться на их живых собратий.

Наступил и великий день Пятидесятницы, богословски празднуемый Церковью; ибо она прославляет сошествие Св. Духа, возвышенными гимнами Пресвятой Троицы, украшая именем Ее самое торжество первого дня: а в следующий воспевают, в подобных же песнях, благодатные дары, изливаемые Духом Святым на верующих.

Торжественным Его сошествием на Апостолов совершилось откровение миру трех лиц Божества. По сей причине и особенно, когда нечестивый Арий дерзнул нарушать древнее основание веры в Господа Иисуса, вопреки ясным словам Св. Писания, и когда вслед за ним другой богохульник Македоний начал отвергать Божество Духа Святого, – блюстители догматов православия, соборною анафемою, отлучив еретиков от общения Церкви, для ограждения верных от губительного учения, соединили с Пятидесятницею торжество Св. Троицы. А величайший Богослов сего времени и последующих веков, утвердивших ему сие славное звание, Григорий, друг великого Василия и предместник Златоуста на архипастырском престоле Царьграда, послужил органом Пресвятой Троицы, изложив, по мере сил человеческих, недоступную ее тайну верующим. Они же, в свою череду, ему поют: «пастырская свирель твоего богословия ритором победы трубы, тебе бо глубины Духа изыскавшу, и красоты вещания приложишася от Бога».

Столь возвышены догматические слова св. Григория, что они обратились в ликующие гимны: «приидите людие Триипостасному Божеству поклонимся: Сыну во Отце со Святым Духом; ибо Отец, прежде всех веков, родил Сына соприисносущного, и Дух Святой был во Отце с Сыном прославляемый, – едина сила, едино существо, едино Божество. Ему поклоняясь все глаголем: Святой Боже, все соделавший Сыном содействием Св. Духа; Святой Крепкий, коим мы познали Отца и Дух Святой пришел в мир; Святой безсмертный, утешительный Дух, от Отца исходящий и в Сыне почивающий, – Троица Святая, слава Тебе».

«Видехом свет истинный» поется также на вечерни праздника, и та же радостная песнь повторяется на каждой литургии, по явлении Св.

даров, «прияхом Духа небесного, обретохом веру истинную, нераздельной Троице поклоняемся, Та бо нас спасла».

И отрадная молитва Утешителю, ежедневно и непрерывно произносимая нами, есть один из гимнов торжества сего: «Царю небесный, утешителю, Душе истины, иже везде сый и вся исполняй, сокровище благих и жизни подателю, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша».

Тогда же читаются, на паремиях, пророчества Иоиля и Иезекииля, о грядущем излиянии Духа, столь светло совершившиеся в день сей, и из книги Чисел Моисеевой, о знаменательном ниспослании того же Духа Божия на семьдесят старцев Израильских. Господь, снисшедший в облаке пред скинию свидения, отняв от Духа сущего в Моисее, уделил им, и они стали прорекать посреди сонма в пустыне, как прорекли Апостолы в концы вселенной, со дня сошествия на них огненных языков.

Таковы вдохновенный слова Иоиля, от лица Господа: «и будет по сих: излию от Духа Моего на всякую плоть, и прорекут сыны ваши и дочери ваши, и старцы ваши сония увидят, и юноши ваши видения узрят: ибо на рабов Моих и на рабынь Моих, в те дни, излию от Духа Моего и прорекут, и дам чудеса на небеси горе и знамения на земли низу, и всякий, кто призовет имя Господне, спасется».

Таковы слова Иезекииля: «и дам вам сердце новое, глаголет Господь, Дух новый дам вам и отыму сердце каменное от плоти вашей, и дам вам сердце плотяное; Дух Мой дам в вас, и сотворю, да в оправданиях Моих ходите и судьбы Мои сохраните и сотворите, и будете Мне в люди и Я буду вам в Бога».

Утренние гимны праздника сего не уступают вечерним; здесь Косма Маиумский, украсивший своими творениями великие дни страстной седмицы, воспевает, в описательном каноне, благодатную силу Духа Святого, и состязается на стихирах с Григорием Богословом.

«Духа источник, пришед на землю, мысленно разделялся в огненные реки, орошая Апостолов, и был для них как облак, одождяющий пламенем и лиющий огонь просвещения; чрез них же и мы прияли благодать, огнем и водою: свет Утешителя просветил мир».

«О чада светообразныя Церкви, примите решительное очищение грехов и огнедышащую росу Духа, ибо ныне пришел закон от Сиона, в языках огнеобразных благодать Духа».

«Приидите и уже, не боясь огня, устрашавшего на неприступном Синае, станем на горе Сионской во граде живого Бога, ликуя с духоносными Его учениками».

«Дух Святой, богословствует Григорий, есть свет и жизнь и живой источник; дух премудрости, дух разума, благий, правый, умный, обладающий, очищающий грехи, Бог и боготворящий, огонь от огня происходящий, глаголющий, действующий, разделяющий дарования, коим все Пророки и божественные Апостолы с Мучениками венчались: – странное слышание! странное видение! огонь разделяется в подавание дарований».

И пред чтением Евангелия, о первом свидании воскресшего Спасителя с учениками, оба лика попеременно воспевают избранные стихи псалмов, пророчески изобразивших благодатное явление Духа Божия по вселенной.

«Небеса поведают славу Божию», восклицает один, «Духом уст Его вся сила их», отвечает другой. – «Свидетельство Господне верно, умудряющее младенцев», кротко возглашает первый и грозно откликается второй: «земля потряслась, ибо небеса канули от лица Бога Синаина». Вот и подвиги Апостолов, в устах псалмопевца: «во всю землю изыде вещание их и в концы вселенная глаголы их; – послещи Духа Твоего и созиждутся и обновиши лице земли; Господь дает глагол благовествующим силою мною, Господь благословит людей своих миром».

Подобно как Евреи, по собрании плодов своих, праздновали постановление кущей, и это было образом воскресения из мертвых, когда, по разрушении телесных наших сеней, мы вкусим плоды трудов своих в сенях небесных: так и в день Пятидесятницы, обычай народный, не без духовного побуждения, древесными ветвями, обращает все храмы и их преддверия и дома, в зеленые сени мимотекущего земного странствия, и рассыпает цветы на могилы.

Вслед за литургиею начинается торжественная вечерня, совершаемая в Иерусалиме на горе Сионской, над могилами отшедших братий. Пред концом ее Настоятель храма, преклонив колена вместе с народом, и обратясь к нему лицом, в дверях царских, читает во услышание всех, семь умиленных молитв, разделенных на три части, в честь каждого лица Святой Троицы, о грехах наших и о спасении, ожидаемом свыше по благодати Духа Святого, и наконец о братиях усопших, требующих наших поминовения. Сии вдохновенные молитвы, искони учрежденные святым Василием Великим, исторгают невольные слезы, памятью грехов собственных и преставшихся душ, и трогательную картину представляет в сию минуту вся церковь, поверженная на колени, как бы в ожидании огненных языков, невидимо сходящих на тайных угодников Божиих.

Наконец, спустя неделю, торжественно воспоминает Церковь весь лик своих Праведников, чтобы никто из числа их, таивший пред миром свои

добродетели, не утаился от ее должного чествования, и чтобы явственнее показать обилие Духа Святого, излившееся на землю и вознесшее горе персть нашу, после Его видимого сошествия на Апостолов.

«Духовные витии, ученики Спасовы, верою сделавшись органами Духу, рассеялись в концы земли, православно сея честное проповедание, и от них прозябло, божественным земледелием и благодатью, воинство Мучеников, которые, образуя страдания Господа своими многообразными ранами, с дерзновением молятся о душах».

Таким образом, весь Божественный Промысел о человеках, от начала грехопадения Адама и даже до воплощения Бога Слова, и возведения нас, Духом Святым, на небеса, – все сие заключают в себе обе Триоди, постная и цветная, для назидания и спасения нашего, столь великими воспоминаниями благодеяний Божиих.

Письмо II

Ни одно событие Евангельское не празднует Церковь, с такою духовною радостью, после светлых дней Пасхи, как Рождество Спасителя, и ни к какому дню не собрано ею столько ликующих гимнов, единомысленных по предмету, разнообразных богатством созерцаний. Подражая пастырям Вифлеема, по зову Ангела приникшим к колыбели Воплощенного, многие пастыри и витии церковные воспели вокруг нее свои высокие гимны. Казалось, божественный Младенец в яслях доступнее был их священным восторгам, нежели мужественный Страдалец Голгофы и, сквозь детскую улыбку, менее ужасало Божество его, нежели сквозь кровавые капли пота. Устами их непрерывно достигла и до нас Ангельская песнь: «слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение».

Но как всякое торжество Христианское требует и духовного приготовления, чтобы с чистым сердцем приступить к созерцанию таин Божиих, то и пред великим воспоминанием воплощения Бога Слова, нас ради приявшего зрак раба, учрежден сорокадневный пост, по подобию великой Четырнадцатидневницы. В бдениях и молитвах должны мы смирать свою житейскую гордость, чтобы достигнуть духовной нищеты пастырей Вифлеемских, которые легко уверовали в спасительного Младенца, не потому только, что им отверзлось небо Ангельскими гимнами, но и потому, что их собственное сердце уже готово было вместить небесные песни и, подобно убогим яслям, приять земное убожество небесного Владыки.

«Христос рождается! восклицает еще среди поста, на утреннем каноне, Григорий Богослов, – славьте: Христос, с небес – сретайте; Христос на земле – возноситеся!» и тот же певец заключает свою дивную песнь: «Таинство странное вижу и преславное: небо – вертеп! престол Херувимский – Деву! ясли – вместилище, в коем возлежит неприступный Христос Бог».

Светлостью наступающего торжества озаряются предшествующее дни, озаряются и последующие, как будто бы звезда, руководившая Волхвов к колыбели, однажды и навсегда стала вверху, на тверди церковной: ибо, при кротком ее сиянии, сокупила Церковь, вокруг величаемого ею Младенца, все божественное Его семейство и самых Праотцев. Так памяти Адама и Евы, искупленных от клятвы Божественным семенем жены, которое, по глаголу Моисея, стерло главу искусителя змея, и памяти всех Богоотцев Христа по плоти, посвящены

два предыдущие воскресения; а последующее празднует кроткого предка его Давида, и мнимого отца Иосифа и брата Иакова, первого Святителя Иерусалимского. Не забыты и невинные младенцы, избитые жестоким Иродом, искавшим погибели воплощенного; на другой же день Рождества торжественно собирается вся Церковь воздать должные хвалы Пресвятой Деве Матери, послужившей орудием нашего спасения.

За пять дней до самого праздника уже начинается предпразднество. «Незаходимое солнце грядет воссиять из девственного облака и просветить всю подсолнечную, воспевают лики духовные. Потщимся встретить Его, чистыми очами и чистыми деяниями, и приготовимся духом приять ныне грядущего к своим, чрез странное рождество, который, дабы возвести опять устранившихся от жизни Эдемской, человеколюбиво рождается в Вифлееме».

«Бог слово, носимый на раменах Херувимских, облекшись плотию, вселился в непорочную утробу и сделался человеком, и грядет на землю родиться от племени Иудова; святой вертеп украшается для Царя всех, как бы величайшая палата, и ясли, как престол огнезрачный, в коих полагает неопisanного Младенца Дева Мария, в обновление создания».

«Готовься Вифлеем, откройтеся врата Эдема, красуйся дом Давида Ефрафа! се древо жизни процвело в вертепе от Девы, и утроба ее явилась для нас мысленным раем, с божественным насаждением; вкушая от него, мы не умрем подобно Адаму, но живы будем: Христос рождается прежде падший восставить образ».

«Восприими, Вифлеем, Божию митрополию, ибо свет незаходимый в Тебе приходит родиться. Ангелы удивляйтесь на небесах, человеки воспойте на земле, волхвы от Персиды преславные дары принесите, пастыри на свирелях трисвятую песнь сладко воспойте: всякое дыхание да хвалит Вседетеля».

Внимая столь возвышенным гимнам, кажется внемлешь небесным антифонам самих Ангелов, которые земля подслушала у неба и, устами пастырей, передала Церкви.

«Ангельские предыдите силы, приготовьте ясли в Вифлееме: Слово рождается, мудрость происходит, приемлет целование Церковь».

«Горы да каплют сладость, се Бог приходит от юга; языки покоряйтесь, радуйтесь Пророки, Патриархи възграйте, человеки воспещите руками: великий и крепкий Князь Христос рождается, Царь небес на землю приходит».

«Гряди, тяжкосердый Израиль, отвергни лежащий на сердце твоём облак, познай Создателя рождающегося в вертепе; Сей есть чаяние языков,

Сей разрушит твои праздники, ибо ты не хочешь взывать Ему: Христос Царь Израилев»!

Последний день, пред праздником Рождества Христова, особенным образом, посвящен посту и молитве, и верные, памятуя звезду Волхвов, не разрешают поста до появления первой вечерней звезды, сретая ее на молитве, ибо в сей день поздняя литургия Василия Великого соединена с вечернею. И особенные часы, называемые царскими, составлены для сего дня, из псалмов и пророчеств и чтений новозаветных, подобно часам великого пятка; – ожидание Спасителя, в смиренном образе человечества, столь же торжественно для Церкви, как и последующие страдания Богочеловека. Императоры Византийские всегда присутствовали в своих палатах, с великою пышностью, на сих часах, и отселе произошло название царских и многолетие, возглашаемое по их окончании на вечерни.

Посреди храма совершается служение: первый Давид воспевает в псалмах грядущую славу своего Божественного Сына, красного добротой паче сынов человеческих: «престол Твой, Боже, в век века, восклицает он, возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие; сего ради помазал Тя, Боже, Бог Твой, елеем радости паче причастник Твоих».

И Пророк Михей вдохновенно обращается к Вифлеему: «такко глаголет Господь: и ты Вифлеем, дом Ефрафов, неужели ты мал, чтобы быть тебе между владыками Иудовыми? ибо из тебя изыдет Мне старейшина, которому быть Князем во Израиле; – происхождение же Его от начала дней века».

Тогда Апостол Павел, в своем послании к Евреям, описывает сие безначальное происхождение Сына Божия, сияние славы Отчей и образ существа его; а Евангелист Матфей благовествует временное его рождение, от Духа Святого и Девы Марии, возвещенное Ангелом ее обручнику Иосифу.

Порядку первого часа следует третий, шестой и девятый: всегда начинает Давид и хвалы льются из уст его, от избытка отеческого сердца.

«Рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножию ног Твоих. С Тобою начало в день силы Твоея, во светлостях святых Твоих; из чрева прежде денницы родих Тя. Клятсся Господь и не раскается: Ты Иерей во век, по чину Мелхиседеку».

Вслед за Давидом восстают опять Пророки, и сперва Иеремия указывает на Христа: «Сей Бог наш и не приложится к Нему иной: Он изобрел всякий путь мудрости и дал Иакову отроку своему и Израилю возлюбленному Им; потом же на земли явился и с человеками пожил. Сия

книга повелений Божиих и закон сущий во веки: всем держащимся ее жизнь, а оставившие ее умрут: обратися Иаков и держись ее, пойдя к сиянию прямо на свет ее: не давай иному славы твоей и полезных тебе языку чуждому. Блаженны мы, о Израиль, яко разумеем, что угодно Богу!»!

Потом Исаия, как бы разгнев самое Евангелие, вещает: «и так внимайте дом Давидов: еще ли мало для вас труд давать человекам? и как даете труд Господу? сего ради Сам Господь дает вам знамение: се Дева во чреве примет и родит сына и нарекут имя Ему Еммануил. – Отроча родися нам, сын и дадеся нам, Его же начальство бысть на раме Его, и нарицается имя Его: великого совета Ангел, чуден советник, Бог крепок, властитель, начальник мира, отец будущего века».

Тогда опять Апостол Павел, призывающий всех нас к свободной вере из под закона иудейского, чтобы нам быть сынами Божиими во Христе Иисусе, крестясь в Него и Им облакаясь, продолжает свое возвышенное толкование к Евреям, о достоинстве едиnorodного Сына Божия; а Евангелисты, Лука и Матфей, постепенно описывают небесное призвание пастырей Вифлеемских к Его земной колыбели, и поклонение Волхвов, притекших за звездою с Востока, и наконец гнев Ирода, избившего Вифлеемлян, и бегство божественного Младенца в Египет.

Пред закатом солнца начинается литургия с вечернею, и первые стихиры ее, двух Патриархов Германа и Анатолия, уже достаточны, чтобы возбудить все внимание верных к наступающему торжеству: «приидите возрадуемся Господу, возвещая настоящую тайну: средостение вражды разрушилось, пламенное оружие обратило тыл, и Херувим отступает от древа жизни, и я приобщаюсь райской пищи Эдема, отколе был изгнан за преслушание; ибо неизменный образ Отца, образ Его вечного существа, зрак раба приемлет, рождаясь от неприкосновенной Матери, но пременения не терпит: Бог истинный, Он остается каким был, и то, чем не был, на Себя приемлет, по человеколюбию сделавшись человеком; воззовем к Нему: Боже, родившийся от Девы, помилуй нас».

«Что тебе принесем, о Христе, за то, что ради нас ты на земле явился человеком? каждая из созданных Тобою тварей благодарение Тебе приносит: Ангелы пение, небеса звезду, волхвы дары, пастыри удивление, земля вертеп, пустыня ясли, мы же Матерь Деву; предвечный Боже, помилуй нас».

И вот, пред торжественным входом с Евангелием и тихою песнью «свете тихий», какую верную обширную картину языческого мира, при появлении Христовом, развивает в песнях своих Церковь, и сия величественная песнь есть творение инокини, отшельницы Кассии.

«Августу, единоначальствующему на земле, престало многоначалие человеков, и Тебе, вочеловечшемуся от чистой Девы, упразднилось многобожие идолов: под единым царством мирским были все грады, и в единое владычество Божества уверовали все языки; повелением Кесаревым была перепись народам: мы же, во имя Тебя, вочеловечшегося Бога нашего, вписались в число верных; велия Твоя милость, Господи, слава Тебе».

Тогда начинается возвышенный ряд паремий, числом до восьми, по подобию ветхозаветных чтений великой субботы. Здесь соединены все предзнаменования и пророчества, о рождении Спасителя, но книгою Бытия, опять открывается чтение, чтобы в колыбели, как и на мертвенном одре, был познан тот же Спаситель.

Из книги Чисел Моисеевой избрана вторая паремия: Дух Божий нисшел на Валаама, призванного от Царя Моавитского, проклясть мимо идущих из Египта Израильтян, но Валаам благословляет их: «сколь добры дома твои, Иаков, и шатры твои, Израиль! они подобны тенистым дубравам, садам на берегу рек, и как скиния, которую водрузил Господь, как кедры при водах; изыдет человек от семени его и обладает народами многими и возрастет царство его; Бог руководствовать будет его из Египта, как славу единорога своего. Возлег и почил подобно льву и скимну, – кто возбудит его? благословляющие тебя благословенны, и проклинаящие тебя прокляты; воссияет звезда от Иакова и восстанет человек от Израиля».

Прежнее пророчество Михея, о Вифлееме заключает первую статью паремии, после коей восставшие лики поют: «тайно родился Ты в вертепе, Спаситель, но небо всем проповедало Тебя, как бы устами, звезду предъявляя, и волхвов привело к Тебе, поклоняющихся верою, с ними же помилуй нас».

Последние слова повторяются, как отголосок, на стихи красноречивого псалма, возглашаемого чтецом, о славе Сиона: «основания его на горах святых; любит Господь врата Сиона, паче всех селений Иаковлих; преславная глаголашася о тебе, граде Божий! – мати Сион, речет человек, и человек родися в нем, и той основа и вышний».

Следуют другие пророчества: «так глаголет Господь, восклицает Исаия, изыдет жезл от кореня Иесеева, и цвет от корени его взыдет; и почиет на Нем Дух Божий, дух мудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия, дух страха Божия исполнит Его; не по славе судит, ниже по глаголанию обличит, но судит праведно смиренных суд и обличит правостию славныя земли, и поразит землю словом уст Своих и духом устен Своих убьет нечестивого. – Тогда будет пасть волк с

агнцем и рысь почиет с козлицем, телец и лев и юнец вместе упасутся и отроча малое поведет их». Пророк, продолжая описывать всеобщий мир тварей на земле, когда вся земля исполнится познания Господа, говорит: «в тот день корень Иессеев восстанет владеть языками, на Него уповают языки и будет покой Его славен».

За прорицанием Иеремии, о явлении на земле Бога и о жизни Его между людьми, восстает Даниил и объясняет испуганному Царю Навуходоносору страшный сон его: как разбился исполинский златоглавый истукан, среброкованный по персям, мышцам и рукам, медный чревом и бедрами, железный до колен и скудельный ногами, и как, невидимо отторженный от горы камень, разбивший его в прах, сам возрос в гору великую и исполнил всю землю. – «Восставит Бог небесное царство, которое во веки не истлеет и измождит все царства, как от горы отсеченный без рук камень, стер скудель, железо, медь, серебро и золото».

Лики же опять поют другой тропарь: «воссиял от Девы, Христе, разумное солнце правды, и звезда показала Тебя, невместимого, вмещающимся в вертеп; Ты наставил волхвов на поклонение Твое, с ними же Тебя величаем, Жизнодавче, слава Тебе».

И снова чтец пресекает их пение стихами псалма: «Господь воцарися, в лепоту облечеса», в коем вся природа, гласом стихий своих, как бы рукоплещет рождающемуся: «воздвигоша реки, Господи, воздвигоша реки, волны своя, от гласов вод многих; дивны высоты морские, дивен в высоких Господь! свидения Твоя уверишася зело; дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней».

Наконец повторяются еще раз два пророчества Исаии, слышанные на часах царских, о дивном отрочати и таинственном рождении Еммануила, и последнее заключается сими словами, которые обратились в торжественную песнь, на всенощной наступающего дня: «с нами Бог, разумейте языки и покоряйтесь, услышите даже до последних земли, яко с нами Бог».

По окончании литургии все Священнослужители, подобно пастырям, собравшимся из ночной своей долины, где пасли стада, возглашают при сиянии светильника, как бы звезды вечерней, пред царскими вратами: «рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума: в нем бо звездам служащие звездою учахуся, Тебе кланялися солнцу правды и Тебя ведети с высоты востока, Господи слава Тебе».

«Дева днесь Пресущественного рождает и земля вертеп Неприступному приносит; Ангели с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют: нас бо ради родися, отроча младо превечный Бог».

Таково духовное приготовление, бывающее накануне великого дня Рождества Христова, дабы верные, однажды проникнутые всею важностью события, могли достойно его встретить. Когда же оно случается в субботу или воскресенье, дни, собственно не посвященные постному бдению, тогда царские часы переносятся на предшествующую пятницу, а литургия, накануне праздника, совершается в обыкновенное время, к вечеру же остается вечерня с ее паремиями. Но великое повечерие и утреня праздника неизменны, и они изобилуют красотами витийственными, ибо два великие певца, Косма Маиумский и Иоанн Дамаскин, излили свое вдохновение в стихирах и канонах.

«Небо и земля днесь совокупились чрез рождество Христово, днесь Бог снишел на землю и человек взошел на небо; днесь невидимый естеством, ради человека видим чувственно, и мы славословия возопием Ему: слава в вышних Богу и на земли мир, дарованный Твоим пришествием, Спасе».

«Небо принесло Тебе Младенцу, лежащему в яслях, начаток языков, и звездою призванные волхвы ужаснулись, видя не скиптры и престолы, но крайнюю нищету, ибо что хуже вертепа, и что смиреннее пелен, в коих просияло богатство Твоего Божества? и вот дары, принесенные ими: золото, как Царю веков, и ливан, как Богу всех, и смирна бессмертному трехдневному мертвецу. Молитвенно послала их дочери Давидовой Вавилонская дочь, повлекшая некогда в плен детей Сиона, и органы их, уклонившиеся тогда от песней плачевных, в земле чуждой, ныне разрешаются мусикийскими звуками в Вифлееме, над колыбелью Христа».

Праздник Рождества Христова соединен, в Российской Церкви, с отечественным воспоминанием, о избавлении от Галлов и с ними двадцати азыков, которые все сокрушились о краеугольный камень святыни Московской, Кремль, и радостным трепетом бьется сердце, внимая, после торжественной литургии, благодарственной молитве, которую на коленях воссылают сыны России, за спасение их отчизны.

Спустя восемь дней, другое гражданское торжество новолетия и другие умиленные молитвы, о благословении наступающего года и проведении его в подвигах благочестия, к пользе и спасению души, соединены с церковным праздником обрезания Христова, которое не возгнушался приять Он, сходя к человеческому роду, восьмидневный по Матери, безначальный по Отцу. Трогательно на молебствии Евангелие, в коем Сам Спаситель о Себе говорит: «Дух Господень на Мне, сего ради помаза Мя, благовестити нищим посла Мя, исцелити сокрушенные сердцем, проповедати плененным отпущение и слепым прозрение,

отпустить сокрушенные во отраду, проповедати лето Господне приятно».

Служба Василия Великого совершается в новолетие, потому что память святого Иерарха совпадает в день сей: нежною любовью исполнена к нему Церковь, за его ревность о соблюдении чистоты в догматах, ибо никто, после великого Афанасия, Патриарха Александрийского, не подвизался столько против богохульных Ариан, как сей кроткий Святитель Кесарии Каппадокийской и верный друг его, Св. Григорий Богослов. Иоанн Златоуст был достойным преемником обоих вселенских учителей, а Богослова и на самом престоле Цареградском; посему, то в совокупности, то отдельно, достойными хвалами ублажаются сии три Иерарха: «органы Духа, трубы божественного грома, молнии проповедания, которые, прияв премудрость от Бога, как три Апостола, силою Духа, сделались рыбаками в разуме, и утвердили догматы простой нашей веры».

На другой день нового года начинается предпразднество Крещения Господня, исполненное также красотою гимнов, подобно празднику Рождества. Сии два великие воспоминания соединены были некогда, под общим именем Богоявления, ибо, как в лице Христовом явился Бог человеку, так, и при крещении Спасителя, обнаружилось видимо миру недоступное таинство Святой Троицы. Когда же богохульные ереси, Ария и Македония, начали восставать против догматов о Троице, тогда, для большего Ее прославления, Св. Отцы разделили оба празднества, чтобы воздать каждому достойную хвалу и, в день крещения Господа, примером Его, удобнее привлечь к святой купели тех, которые часто отлагали, до последнего часа, совершение спасительного таинства. Посему праздник назывался также днем просвещения или святых светов, и на литургии его поется, как в великую субботу, крещальный стих, «елицы во Христа креститесь во Христа облекостесь»; а все гимны, стихирь и каноны, говорят о Иордане, живо представляя его взорам и сзывая к берегам его: ибо на них процветали певцы духовные, Иоанн и Косма, отшельники плачевной юдоли.

«Светел мимошедший праздник, еще светлее приходящий: – тот имел благовестником Ангела, а сей предуготовителем Предтечу, тогда, при излиянии крови избиваемых младенцев, как безчадный рыдал Вифлеем, ныне же, чрез благословение вод, многочадною делается купель: тогда звезда возвестила Тебя волхвам, ныне же Отец показал Тебя миру».

«Иордан река исполнись веселия, земля и море, горы и холмы, и человеческие ныне играйте сердца, принимая мысленный свет».

«Но как примут Тебя, Господи, реку мира и источник жизни, струи

речные? – нагим восходишь Ты из вод, облагавший облаками небо, и, обнажив всякую злобу вражию, нетлением одеваешь земнородных».

«Ангельские предыдите силы, от Вифлеема к струям Иорданским, гряди Иоанн, оставь пустыню; радуйся река и уготовься, вся же земля да радуется: Христос грядет очистить грехи Адама».

И вот уже на зов предстал Креститель: «чистая ласточка, предвозвещающая мысленную весну, сущим в зиме греховной и терпящим мрачную бурю страстей».

Приходит к реке и Господь, «исполнен вод тайных, как река мира, прося креститься от малых капли».

Тогда начинается таинственное прение Христа и Предтечи, и Иордан подымает глас свой: «Приидите все верные, оставив Иудейскую страну, пройдем пустыню Иорданскую; там узрим явившегося ради нас Господа, просящего крещения в струях Иорданских, и Крестителя, отрицающего со страхом: не смею коснуться брэнною дланию огня! Иордан и море бежали Тебя, Спаситель, а я как положу руку на главу Твою, которой трепещут Серафимы? бежал Иордан, когда погрузил в него Елисей мантию Илии, и как не скрылся ныне в пропасти земная, увидев Тебя нагим в своих струях? – Что медлишь, Креститель, крестить Господа моего? вопиет Иордан Предтече, что возбраняешь очищение многих? всю тварь освятил Господь, дай освятить и водную стихию, ибо на сие Он явился».

В песнях же отвечает Спаситель Иоанну: «да исполнится Отчее благоволение! Я пришел на землю одевшись нищетою; небо Мне престол, земля же подножие, но тебе преклоняю выю: крести Меня, очищающего в Себе согрешения человеков».

Столь величественную картину представляет Церковь, в своих гимнах, еще до пришествия спасительного дня крещения; предшествующий ему провождается в посте и молитве, на память крещения Иоаннова, которое ознаменовано вечерним освящением вод, после царских часов и поздней литургии Св. Василия.

Из псалмов, выражающих стремление души к Богу, как оленя на источники водные, и из пророчеств Исаии, зовущего на сии живые струи, из деяний и посланий Апостольских, объясняющих тайну крещения, и наконец, из Евангельского описания самого крещения, сперва Иоаннова, а потом Христова, составлены Царские часы.

Как лучи заходящего солнца, в более ярком и привлекательном свете, живописуют нам вечернюю природу, располагая к ней мысли и взоры: так и Церковь уловляет минуты сердечного внимания, на исходе дня, развивая вечерний ряд своих возвышенных созерцаний. Она выставляет,

одну вслед за другою, ветхозаветные картины спасительного очищения, дабы приготовить нас к таинству крещения, и на всех картинах знаменательно струится Иордан, тихо плещущий в библейские берега свои, доколе не втекает в Евангельскую повесть. Пением тропарей и псалмов разделены на три части сии тринадцать паремий.

Опять в начале их сотворение неба и земли, и тьма над бездною, и Дух Божий, носящийся над водами освящая живительное естество их. Потом первое знамение крещения: Израиль, проходящий сквозь Чермное море, бурно раздвинутое жезлом Моисея, и в пустыне Сур превращение им горькой воды Мерры в сладкую, чрез вложение таинственного дерева, и ополчение Израиля при двенадцати источниках, под тенью семидесяти пальм Элима, воспоминающих число Апостолов и учеников Христовых.

После Моисея является Иисус; он должен ввести Израильтян в землю обетованную, чрез расступившийся Иордан, по руслу коего проходят священники с кивотом, а за ними весь народ. – Опять разделяется Иордан, по гласу Илии, но прошедший его Пророк уже не странствует земным путем; он возносится на огненной колеснице, оставив мантию свою Елисею, который, именем Бога Илиина и ударением мантии его по водам, еще однажды разделяет их и преходит сухо. В них посылает он погрузиться, семь раз, Князя Сирийского Неемана, дабы очистить его от проказы, и сперва сомневается Нееман, сравнивая мутные воды Иордана с чистыми струями Дамасских рек, Аваны и Фарфара, но, исполнив волю Пророка, исцелен восходит.

Еще одна патриархальная картина из книг Моисеевых: свидание двух братьев на берегах Иордана, пастыря Иакова и воина Исава. Трепещет Иаков гневного брата и разделяет семью и стада на два полка, дабы спасся хотя один, если погибнет другой; сам же благодаря Бога отцов своих, за все блага земные на него излившиеся, смиренно воспоминает, что некогда, с одним только посохом, перешел он Иордан. Вот и сам бытописатель, младенцем, плавает в колыбели по водам Нила: приходит купаться дочь Фараонова, спасает младенца и дает ему имя Моисея, ибо взят от воды.

Потом предлагается, из книги Судей, таинственное знамение, дважды данное Богом, по молитве вождя Израильского Гедеона, во свидетельство спасения народа: то роса небесная сходит на одно лишь руно Гедеоново и вокруг него сухою остается земля; то, в течении целой ночи, роса по всей земле и сухо одно таинственное руно. Пророки Илия и Елисей снова являются и совершают чудеса над водою; первый, ревнуя по Боге Израилевом против идолов Ваала, воздвигает, в виду ослепленного народа, жертвенник Богу живому и трижды оросив, обильными потоками вод, его

камни и рвы, молитвою сводит небесный огонь на жертву и обращает народ к истинному Богу: другой же, по просьбе жителей Иерихона, солью исцеляет губительные воды градского источника.

Наконец Исаия заключает паремии, пророчеством о Спасителе, данном в день спасения, в завет языкам, чтобы устроить землю и наследовать пустыню, чтобы разрешить, просветить и утолить жаждущих, созвать к Себе от всех концов земли: «да веселятся небеса и радуется земля, да откликнут горы веселие и холмы правду, ибо помиловал Господь людей своих и утешил смиренных. Сион говорит: оставил меня Господь, Бог забыл меня! – но забудет ли мать своего младенца и не помилует ли изчадия чрева своего? если же и она забудет, Я не забуду тебя, глаголет Господь».

По совершении литургии Священнослужители идут, со крестами, в притвор храма, к обширной купели, знаменующей место крещения Иоаннова на Иордане, близ Вифавара; оба лика, предшествуя им, поют: «глас Господень на водах вопиет, глаголя: приидите, примите все духа премудрости, духа разума, духа страха Божия, явившегося Христа».

Ветхозаветный Исаия знаменует, тремя пророчествами, сие крещение Иоанна, ставшего на грани обоих заветов, и возвещает благодетельные его действия: «так глаголет Господь: да возвеселится пустыня жаждущая и да возрадуется пустыня и процветет подобно лилии, и возрадуются пустынные берега Иордановы, и слава Ливанова дана им будет, и честь Кармила, и люди мои узрят славу Господню и высоту Божию. Укрепитесь руки расслабленные, и колена расслабленные, утешьтесь и скажите малодушным мыслью: укрепитесь и не бойтесь, се Бог наш суд воздаст, Он придет и спасет нас; тогда отверзнутся очи слепых и уши глухих услышат, тогда, как олень вскочит хромый и ясен будет глагол косноязычных, ибо проразилась вода в пустыне и потоки в земле жаждущей. – Жаждущие на воду идите и не имеющие сребра, шедше купите и, без сребра и цены, пейте вино и ядите тук. Се языки, которые Тебя не ведали, призовут Тебя и люди, которые не познали Тебя, к Тебе прибегнут, ради Господа Твоего и Святого Израилева, ибо я прославил Тебя. Взыщите Господа и когда обрящете Его, призовите; когда же приблизится к вам, то да оставит нечестивый путь свой и муж беззаконный советы свои, и обратитесь к Господу Богу вашему, и помилованы будете и по многу оставит грехи ваши. Ибо советы Мои не суть подобны советам вашим, и пути Моя не как пути ваши, глаголет Господь; но как отстоит небо от земли, так отстоит путь Мой от путей ваших и размышления ваши от мысли Моей; ибо, как сходящий с небес, дождь или снег, не престаёт доколе не утолит землю, и

она родит и прозябнет, и даст семя сеющему и хлеб в пищу; так будет и глагол Мой, который, если изыдет из уст Моих, не обратится ко Мне тощ, доколе не скончает все, что Я восхотел».

После чтения Апостола Павла, о таинственном крещении иудеев, во имя Моисея, среди облака и моря, и о духовной их пище в пустыне и питии от духовного камня, который был грядущий Христос, благовествуется Евангелие от Марка, о крещении Господа.

Тогда начинают молитвы над купелью, об освящении вод и даровании им благодати Иордановой, наитием Св. Духа, и о спасительном их влиянии на души наши. Пространное молитвословие Священника подобно тому, которое произносится им пред совершением таинства крещения, а при погружении животворящего креста воспевается уже тропарь наступающего праздника, изображающий явление Св. Троицы: «во Иордане крещающуюся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение: Родителей бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленного Тя Сына именуя, и Дух, в виде голубине, извествоваше словесе утверждение: явлейся, Христе Боже, и мир просвещей, слава Тебе».

Сие вечернее подобие крещения Иоаннова, предуготовительно совершаемое к назиданию верных, в каждой церкви накануне праздника, обращается в самый день его, после торжественной литургии, в ликующее воспоминание благодатного крещения Спасителя. Уже не одни Пресвитеры, в малом кругу своих прихожан, но все градское духовенство, пред лицом Архипастыря, шествует с крестами и хоругвями, при пении радостных гимнов, к берегу реки на устроенный Иордан, и, с теми же молитвами и обрядами, освящает водные стихии.

Нам же, благоговейно предстоящим, мысленно изображается Спаситель, который облакаясь светом как ризою, одевается для нас в струи Иорданские и, восходя от воды, совозводит с собою очищенный им мир, отверзает заключенные Адаму небеса, и приемлет служителями своего таинства: от Ангелов Гавриила, от человеков Деву и Предтечу, от небес звезду и от вод Иордан.

Письмо III

В течении сих писем, я уже говорил тебе, любезный друг, о некоторых праздниках, воспоминающих евангельские события, из земной жизни Господа и Его Пречистой Матери. Ты уже видел его убогое рождение в вертепе, и таинственное крещение в Иордане, и торжественный вход в Иерусалим пред началом страданий. Светлое воскресение Богочеловека, как празднество из празднеств, своею необъятностью, выходит из ряда их, но к ним причислены славное его вознесение и утешительное послание Духа Святого на Апостолов в день пятидесятницы. Тебе остается еще созерцать славу Его преобразования на Фаворе, и сретить Его младенцем, вместе с Симеоном в храме, и внять благовестию Ангела Пречистой Деве, о Его рождении. С благоговейною мыслью обратишься ты и к Ее рождению, и таинственному введению в храм Соломонов, в знак предобручения Божеству, и земному ее успению для пробуждения на небесах. Наконец всемирное воздвижение креста Господня заключит тебе сей ряд возвышенных торжеств, дабы и ты, по словам Апостола Павла, хвалился только крестом Господа Иисуса.

Таковы сии двенадцать великих праздников; есть еще и другие дни менее торжественные, но столь же священные, в которые совершается: память рождения Предтечи, величайшего из всех рожденных женами, по словам Христовым, и усекновения главы его за проповедание истины; память верховных Апостолов Петра и Павла, и Иоанна друга Христова, и Андрея просветителя России, и других Апостолов, Великомучеников, Иерархов, каковы три Святителя: Василий, Богослов и Златоуст, и наши отечественные святые угодники.

Все сии воспоминания, наполняя круг Христианского года, молитвенно связывают между собою землю и небо, и отражают его в душе нашей, как бы в чистых струях тихого Галилейского моря, призывая и ныне, по примеру Апостолов, духовных рыбаей к созерцанию таинственной ловли Христовой; ибо весь круг церковный ничто иное, как спасительная мрежа, извлекающая нас из бездны житейского.

Краткий объем писем не позволяет мне развить, пред твоими глазами, всю церковную цепь торжеств, и может быть ты утомился, читая постепенно в мертвом рассказе то, чему ты живо можешь внимать в святыне храмов, на общей молитве; но коснувшись однажды двенадцати главных праздников, я хочу хотя вкратце о них сказать, и начну с тех двух, которые, являясь большею частью, около начала и конца триоди постной,

соединяют память о Христе с памятью о Его святой Матери: я понимаю здесь сретение и благовещение.

Все верные, подобно старцу Симеону, должны приготовить мысленно руки к прятию Творца веков, младенчески грядущего в храм, на объятиях благодатной Своей Матери.

Чтение трех паремий на всенощной, изображает сперва предзнаменовательную заповедь, данную Израилю и исполненную над Христом: посвящать Господу, на память избавления из Египта, всякого первородного мужеского пола, в сороковой день от его рождения. Потом предлагается дивное видение, Исаиею, Господа славы, в преддверии потрясенного храма, в противоположность смиренного Его сошествия в образе младенческом, и наконец, пророчество о сокрушении, сим божественным Младенцем, идолов Египетских, ибо везде знаменует Египет, в писаниях, тьму греховную.

«Ветхий днями, который древле дал, под мраком Синая, закон Моисею, ныне видится младенцем, воспевают лики, и по закону, как закона творец, закон исполняет, приносится в храм и старцу дается радостно вопиющему: ныне отпускаеши, Владыко, раба Твоего, по глаголу Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты приготовил пред лицом всех людей, свет во откровение языков и славу людей Твоих Израиля».

«Ветхий днями, ради нас, младенчеству с плотию, носимый на Херувимах и певаемый от Серафимов, ныне как на престоле сидит на старческих руках, и приемлет в дар от Иосифа два голубя, – пречистую Церковь и новоизбранных язычников».

«Сион укрась храм твой и подыми Царя Христа, целуй Марию небесную дверь; облак света есть Дева, носящая рожденного прежде денницы, которого Симеон, взяв от нее, проповедает Владыкою жизни и смерти и Спасом мира».

И вот что, в сих сладостных песнях, невинно говорит кроткий младенец: «не старец Меня держит, но Я держу его, ибо он у меня отпущения просит».

Предпразднество благовещения и самый праздник, исполнены еще глубочайших созерцаний, ибо тогда открывается таинство, сокрытое от начала веков, и Сын Божий делается сыном человеческим, чтобы, восприяв от нас худшее, подать нам лучшее.

«Древле обольстил Адам, желая быть Богом, и не был; Бог же сделался человеком, чтобы обоготворить Адама. Тайну сию, искони неведомую самим Ангелам, возвещает ныне Архангел Гавриил единой

нетленной и доброй голубице, воззванию рода нашего, дабы, чрез слово, она прияла в лоно свое Бога Слово».

«Земля же, печально возрастившая терния страстей, призывается к веселию, ибо приходит земледелец бессмертный, чтобы снять с нее клятву».

Пять паремий знаменуют нам на вечерне, ветхозаветными образами, спасительное воплощение; Иаков древний труженик, видит на пути своего странствия, во время сна, таинственную лестницу, утвержденную от земли на небо, и Ангелов по ней сходящих и восходящих, Господа же на верху ее, обещающего ему великое племя и благословение всей земле, ради его семени. А Моисей, в пустыне Хорива, пася стада свои, с ужасом видит купину, неопалимо горящую огнем, и слышит из нее глас Божий, посылающий его в Египет, дабы он извел оттуда Израильтян в землю обетованную. И Пророк Иезекииль, обращенный Господом Адонаи на путь внешних врат храма Соломонова, зрящих на восток и затворенных, внемлет, что сквозь сия врата пройдет Господь Бог Израилев и они останутся заключенными.

Тогда Соломон возвещает сперва о премудрости, которая создала себе дом и утвердила столпов семь, а потом о безначальном бытии ее у Бога, прежде всех дней века, когда, подобная Божеству, вечно радовалась она пред лицом Его и о ней радовался Бог.

Отселе, и в песнях благовещения и в акафисте Пресвятой Деве, когда Архангел Гавриил открывает Ей совет превечный, он приветствует Ее подобиями ветхозаветными: «радуйся земля ненасеянная, купина неопалимая, глубина неудобозримая, мост возводящий к небесам и лестница, которую видел Иаков».

«О чудо, восклицает восторженная Церковь, Бог в человеках! неместимый в ложеснах! бездетный во времени! и о, какая тайна! безсеменно его зачатие и невыразимо уничтожение»!

Внесение кивота заветного в пустынную скинию, созданную Моисеем, которую внезапно осенил облак и исполнила слава Господня, и внесение того же кивота в великолепный, Соломоном созданный храм, который также исполнился облаком и нестерпимую для самих Левитов славою Господа, предобразуют таинственное вшествие младенческой Девы в храм сей. Там, подобно священному кивоту, готовясь вместить в себя Господа, провела Она, по преданиям Апостольским, первые годы своего отрочества, а верные празднуют сие введение Божией Матери, начиная уже от того дня гимны о рождестве Ее божественного Сына.

С такой возвышенной точки созерцает Церковь, в своих песнопениях

и празднествах, сию божественную Деву, живой храм необъятного Бога, и движимая тем же чувством благоговения, прежде, нежели приступить к торжеству успения, давшего Ей сан заступницы на небесах, она положила двухнедельный, пригготовительный пост. Подобно сему, и пред днем мученической смерти верховных Апостолов Петра и Павла, учрежден пост, начинающийся после недели всех Святых, ибо по словам писания, Апостолы и Божия Матерь, пребывали в пощении и молитве: а верные должны подражать им, хотя в течении немногих дней, посвященных их памяти. Таким образом, четыре поста христианского лета, встречаясь с четырьмя временами года, уделяют, как бы десятину каждого из них, на благую жертву Господа, содержащего времена и лета.

В день Всемиловитого Спаса, начинается Успенский пост, и на память двойной победы, единовременно, в двух отдаленных краях одержанной Царем Греческим Мануилом над Сарацинами и Князем Андреем Боголюбским над Болгарами, совершается крестный ход на воды, ибо знамение животворящего креста, носимо было пред воинствами обоих Государей. На половине поста другое важнейшее торжество преобразования Господа, служит предзнаменованием второго славного пришествия Сына человеческого, на облаках небесных, для страшного суда мира, и таким образом дополняет евангельскую повесть о искуплении нашем.

Мы же должны иметь сердце очищенное от страстей, как превысокую гору, отколе бы созерцать нам преобразование Христово, просвещающее душу, тогда можем взойти на гору Господню, в дом Бога нашего, чтобы видеть славу Его, как едиnorodного от Отца, и прияв от света свет, возвышенным духом воспеть единосущную Троицу. Так гласят гимны: «ты преобразился на горе, Христе Боже, показав ученикам славу Твою, сколько возмogli ее вместить; да воссияет и нам грешным свет Твой всегда пребывающий, о Светодавец».

Присутствие на Фаворе двух Боговидцев: ветхого законодателя Моисея и Илии, на огненной колеснице взятого на небо, таинственно разгадано Церковью: ибо, в лице их, Закон и Пророки служат Творцу и исполнению закона, Христу Богу, который древле, когда давал закон Моисею, явился ему на горе Синайской во мраке; ныне же на Фаворе, является в неприступном свете, изменив мрак законный в светлый облак преобразования. Они раболепно предстоят Тому, кто некогда беседовал к ним, в пламени бурном и во гласе тишины тонкой, и возвещают о крестных Его подвигах, дабы Апостолы, после славы Фаворской, могли перенести зрелище вольного Его распятия, и проповедать миру Отчее сияние в Сыне.

«Как владеющему небом и господствующему над землею и имеющему власть над преисподними, предстали Тебе, о Христе, на Фаворе, от земли Апостолы, с неба же Фесвитянин Илия, и от мертвых Моисей».

Накануне праздника предлагаются три паремии, описывающие ветхозаветное созерцание Господа славы, на Синае и на Хориве. По гласу Господа Моисей возшел на гору, и облак покрыл гору, и сошла слава Божия на гору Синайскую, и покрывал ее облак шесть дней, а на седьмой призвал Господь Моисея из среды облака; видение же славы Господней, как огонь палящий на верху горы, прямо сынов Израилевых; и вступил Моисей внутрь облака и был там на горе сорок дней и сорок ночей. – В другое время дерзновенно молит Моисей Господа показать ему славу Свою, Господь же отвечает: «не можешь узреть лица Моего, ибо человек, узревши лице Мое, не останется в живых; но се место у Меня, и станешь на камне, доколе не прейдет слава Моя, и положу тебя в расселине камня и покрою рукою Моею, доколе не мимо иду, и отыму руку Мою и в тыл Меня узришь, лице же Мое не явится тебе».

А на Фаворе созерцает Моисей, уже лицом к лицу, неприступного Господа, хотя и в прославленном виде, одеянного светом как ризою, но умеряющего славу Свою кротким образом человеческим, который один только мог сделать Бога доступным для смертных; вместе с трепещущими Апостолами и он слышит божественный голос, из осенившего облака: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих, Того послушайте».

Внемлет ему и Илия, который слышал глас Божий на Хориве, когда повелел ему Ангел выйти из пещеры и стать на горе пред Господом, предварив его: «се Господь мимо идет, и буря великая и крепкая, разоряющая горы и сокрушающая камни пред Господом, но не в буре Господь; и по буре сотрясение, и не в сотрясении Господь; и по сотрясении огонь, и не в огне Господь; и по огне глас тишины тонкой – и там Господь».

После славы преображения, которое утешает нас мыслию о грядущем прославлении собственных телес наших, в день общего воскресения, праздник Успения представляет нам другое небесное уверение сего радостного ожидания, ибо, по преданиям церковным, пречистое тело Божией Матери восхищено было на небеса, на третий день ее погребения в Гефсиманском вертепе. Патриарх Энох, до потопа, и Пророк Илия, в царство Израиля, живыми преставились на небеса, сколько ради их праведности, столько же и в знамение славного пременения нашего в

будущем веке; священный же кивот Божества, Матерь Дева, волею сыновнею допущена была вкусить краткую минуту смерти, чрез врата которой победоносно прошел и Сам воплотившийся из девственной утробы, чтобы, подобно Ему, прославилась на третий день, и вознеслась на лоно носимого Ею некогда в объятиях, Бога.

«О дивное чудо, восклицает Церковь, источник жизни во гробе полагается и лестницею к небеси служит гроб: веселися Гефсимания, святой дом Богородицы, возопием верные имея чиноначальником Гавриила: радуйся благодатная, с Тобою Господь, подающий Тобою миру велию милость».

«Дивны Твои тайны Богородица! Ты, Владычица, явилась престолом Вышнего и ныне преставилась от земли на небо; боголепная Твоя слава сияет чудесами богоподобными; девы вознеситесь на высоту с Материю Царевую; двери небесные отверзитель видя дверь Вышнего со славою идущую к Сыну и Богу».

Но, воспевая Ея небесное отшествие, Церковь не разлучается с Нею: «в рождестве Ты сохранила девство, и в успении не оставила мира, Богородица, как мать жизни, Ты преставилась к жизни, и молитвами Твоими избавляешь от смерти наши души».

«Приидите, составим лики, приидите и упокоением ковчега Божия, в песнях увенчаем Церковь, ибо ныне простирает небо свои недра, приемля родившую Невместимого всеми, и земля, источник жизни, возвращая небу данное ей благословение, украшается благолепием».

Подобно как в Иерусалиме, не много шагов отделяют гробницу Богоматери, на юдоли плача, от места Ее рождения внутри Св. града, у врат Гефсиманских: так и на поприще церковном, не многими днями удалена, от памяти Ее успения, память Ее благословенного рождества, которое принесло спасение миру, ибо по словам песней духовных: «все небесные ныне радуются, с ними празднует человеческий род, и втайне веселятся все Пророки: ибо Та, которую предвидели они в древних поколениях, в образе купины, стамны и жезла, облака, двери и престола и горы великой, – ныне рождается».

На утреннем каноне предпразднества изображены, во славу Девы, все сии видения пророческие, которые разрешились ее рождением.

«Ныне Бог, почивающий на разумных Ангельских престолах, предуготовил Себе на земле святой престол; утвердивший премудростью небеса, человеколюбием создал одушевленное небо, ибо от неплодного корня возрастил нам живоносный сад, Свою Матерь, как Бог чудес и безнадежных надежда».

Наконец, является последний двенадцатый праздник, всемирное Воздвижение честнаго креста Господня, замечательный, как по величию своих обрядов, которые живописуют очам самое торжество, во время всенощной, так и потому, что от сего дня оканчиваются всенощные бдения с вечера, и опять до Пасхи бывают утром; праздник сей как бы заключает собою духовную цепь празднеств, начинающихся с Рождества Христова.

Накануне Воздвижения, в день обновления Иерусалимского храма, читается разительное пророчество Исаии, о необходимости духовного Иерусалима, т. е. Церкви, для спасения народов, и о славе креста.

«Сие глаголет Господь: отверзутся врата твои Иерусалим, всегда, день и ночь, и не затворятся, чтобы ввести в тебя силу языков и Царей их ведомых. Ибо и языки и Цари, которые тебе не поработают, погибнут, и языки запустением запустеют: и слава Ливанова к тебе придет вкупе, в кипарисе, в певке (сосне) и кедре, и прославится место святое Мое и место ног Моих прослаблю. И се страхом пойдут к тебе сыны смиливших тебя и прогневавших, и поклонятся следам ног твоих все прогневавшие тебя, и наречешься град Господень, Сион Святого Израилева. За то, что ты был оставлен и возненавиден и не было тебе помогавшего, – Я положу тебя в радость вечную, в селение родов; и ты изсосешь млеко языков и богатством Царей питаться будешь и уразумеешь, что Я Господь, тебя спасающий и избавляющий тебя Бог Израилев».

Две были причины установления праздника Воздвижения. Небесное видение креста, Константином великим, побудило сперва его благочестивую мать, Царицу Елену, искать в недрах земли Иудейской сие чудное знамение побед ее сына, и воздвигнуть для всемирного поклонения, ибо вера Христианская восторжествовала и признана была господствующею, после трехсотлетних гонений. Другое обстоятельство удвоило праздник и присоединило к нему обязательство поста: в начале седьмого века древо креста похищено было из Иерусалима, Царем Персидским Хозроем, и возвращено, из плена Императором Ираклием: радуясь победе, Ираклий, конный, в венце и багрянице, хотел внести животворящий крест, во врата Иерусалима, но под ним стал его конь, и Патриарх Захария, бывший сам в числе освобожденных пленников, напомнил Царю, что не в таком торжественном виде, Сын Божий влачил сие самое древо, по стогнам Иерусалимским; смирился тронутый Ираклий, и пеший, без обуви, венца и багряницы, вознес на плечах своих честное древо на Голгофу. Посему, в память первого и второго события, поются стихиры, то ликующие, то умилительные.

«Крест воздвигается днесь и мир освящается; ибо со Отцом сидящий и

Духом Святым, распростер на нем руки, и мир весь привлечен к Твоему Познанию, Христе: Ты же сподоби надеющихся на Тебя божественной славы».

«Ныне приходит крест Господень и верные приемлют его с желанием, и получают исцеление души и тела и всякой болезни; целуем его с радостью и страхом: страхом, греха ради, как недостойные, с радостью же, ради спасения, которое подает миру пригвоздившийся на нем Христос Бог, имеющий велию милость».

После великого гимна: «слава в вышних Богу», при умиленном пении: «Святой Боже» Архиерей, во всем облачении, окруженный сослужащими, подымлет честный крест, оплетенный цветами, с престола на главу свою, и не царскими вратами, но тесною северною дверью, как бы из недр земли, износит его в церковь на предолтарный амвон. Там подражает он Св. Архиепископу Иерусалимскому Макарию, который удостоверясь в подлинности животворящего древа, обретенного Царицею, чрез воскрешение мертвой жены, стал на возвышенное место и непрерывно воздвигал его для зрелища и поклонения народного, хотя и опускались иногда его утомленные старческие руки, под тяжестью великого креста; он осенял им на все страны, народ же непрестанно зывал: «Господи помилуй, Господи помилуй».

Подобно сему действию и донныне, по древнейшим уставам Церкви, Архиерей, держа на главе своей крест, сам склоняется с ним долу, как бы знаменуя тяжесть гонений, какие переносила три столетия Церковь, и потом опять воздвигается, как бы вместе с торжествующею; лики же во все сие время медленно и сладко поют: «Господи помилуй» понижая голос, по мере склонения креста, и с ним возвышая. Краткие молитвы, о всеобщем спасении, возглашаются между каждым воздвижением, ибо на все четыре страны поклоняется Архиерей, осеняя крестом все концы мира, и наконец, опять обращается к востоку в пятый раз, на память пяти единых союзных вселенских Церквей: Иерусалима, Антиохии, Александрии, Константинополя и некогда Рима, ныне же России.

Письмо IV

Но беседуя с тобою о празднествах, совершающих посреди ликующей Церкви, умолчу ли о торжестве ее собственного освящения, когда воздвигается в ней престол и жертвенник Богу и вся она созидается в единый дом молитвы? Таинственный обряд сей проникнут тою же благодатью, какою были исполнены Св. Отцы, его учреждавшие, и наипаче Василий Великий, главный строитель чина церковного, и нет здесь ни одного действия, ни одной молитвы, которые бы не заключали в себе глубокого созерцания или сокровенного смысла. Под видом наружного храма разумел сей Вселенский учитель, другой внутренний храм, живую Церковь Бога Живого, собрание верных членов единого тела, главою коего Сам Христос; а потому новый храм как бы олицетворяется пред его глазами, и над ним совершаются тайнодействия подобно как над человеком, облакающимся во Христа чрез крещение и миропомазание: к ним присоединяется еще нечто от таинства священства, ибо Церковь посвящается на вечное служение Господу.

Когда уже все заблаговременно приготовлено к освящению, Архиерей, облачившись, надевает со всеми Пресвитерами, белый хитон сверх одежды, для ее охранения. Тогда входит в алтарь и вслед за ним Священнослужители вносят, царскими дверями, стол, покрытый пеленою, на коем лежат крест, евангелие, сосуды и все нужное для освящения; святое же миро стоит, на другом подобном столе, у горнего места, и алтарь заключается от взоров непосвященных, чем уже с первой минуты указывается на его таинственное назначение.

Прежде всего Святитель, благословив своих сослужителей, окропляет святою водою четыре столба, основанье престола, и поливает по их углам крестообразно кипящую мастику, охлаждаемую устами Пресвитеров: она служит для утверждения верхней доски трапезной, и знаменует ту драгоценную мастику, какою помазал Аримафей тело Господне, положенное во гроб, ибо и здесь созидается вместе престол и гроб Агнцу. По краткой молитве Господу, Творцу и строителю спасения нашего, о даровании неосужденно освятить новый храм, окропляет Архиерей с обеих сторон доску престольную, которая возлагается на столбы при пении псалма: «вознесу Тя Боже мой, Царю мой, и благословлю имя Твое во век и в век века» и другого еще более выразительного: «Господь пасет мя и ничтоже мя лишит; на месте злачне тамо всели мя, на воде покойна воспита мя; душу мою обрати, настави мя на стези правды, имени ради

Своего; аще бо и пойду посреди сени смертных, не убоюся зла, яко Ты со мною еси; жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста; уготовал еси предо мною трапезу сопротив стужающих мне; умастил еси елеем главу мою, и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна, и милость Твоя поженет мя вся дни живота моего, и еже вселитимся в дом Господень в долготу дний».

Тогда, с благословением имени Божия, он окропляет еще четыре гвоздя и, вложив их в углы трапезы, утверждает камнями с помощью Священнослужителей.

Здесь бывает первый отдых в деле созидания храма, как бы для обозначения первого дня сотворения мира, когда рече Бог: «да будет свет и бысть свет, и виде Бог свет яко добро, и бысть вечер и бысть утро, день един». В тоже время отверзаются впервые двери царские, дотоле заключенные, дабы верные могли видеть начало созидания храма, а Святитель, обратясь к ним лицом, ибо они сами образуют уже освященную Церковь, на коленях, произносит пространную молитву храмоздания, составленную частью из слов Соломона, при совершении им храма Иерусалимского.

Он умиленно взывает к Богу безначальному, живущему в неприступном свете, имеющему престолом небо, подножием землю, который дал начертание Моисею для скинии свидения, Соломону же широту сердца для устройства храма, а Св. Апостолам благодать нового служения, в духе и истине, и чрез них распространил церкви свои по вселенной, для принесения бескровной жертвы, ко славе Своей и едиnorodного Сына и Святого Духа, – молит: да не возгнушается ныне грехов наших и не разрушит с нами своего завета, но ниспошлет Духа Своего Святого, к освящению храма, и исполнит его света вечного; да изберет Себе жилище, как место селения Своей славы, украсит божественными дарованиями и сделает пристанищем обуреваемых, врачевством страстей, прибежищем немощных и прогнанием бесов. Он молит также, чтобы день и ночь были отверсты уши Господни к молящимся в храме сем, со страхом и благоговением, исполняя горе просимое долу, и чтобы сей новозаветный жертвенник прославился паче ветхозаветного, а бескровные жертвы, возносясь от него к мысленному пренебесному жертвеннику, приносили бы нам благодать свыше, ибо дерзаем не на наших рук служение, но на неизреченную благостыню Божию.

После обычной великой ектении Диакона, опять обращается Архиерей к предначатому делу таинственного строения, и здесь уже он только освящает созданное им прежде. Сперва благословляет, в тайной

молитве, подносимую ему теплую воду, испрашивая на нее благословение Иорданово, и возливая на трапезу трижды, как при крещении, во имя Отца и Сына и Св. Духа, отирает ее вместе со Священнослужителями, при пении псалма: «коль возлюбленна селения Твоя Господи сил! желает и скончается душа моя во дворы Господни, сердце мое и плоть моя возрадовастся о Боже живе; ибо птица обрете себе храмину, и горлица гнездо себе идеже положити птенцы своя: олтари Твоя Господи сил, Царю мой и Боже мой. Блажени живуции в дому Твоем, во веки веков восхвалят Тя; яко лучше день един во дворех Твоих паче тысяч; изволих приметатися в дому Бога Моего, паче неже жити ми в селениях грешных».

За сим первоначальным омовением следует второе, столь же знаменательное. поелику на освящаемой трапезе должна возобновляться Голгофская жертва, а Голгофа омыта кровью и водою, истекшими из ребер Спасителя, то вино соединенное с розовою водою, крестообразно возливается на трапезу, сообщая ей чистоту и благоухание, святыне свойственные.

Тем же смещением окропляется антиминос, т. е. вместо-престолие, долженствующий лежать на трапезе, по древнему уставу Церкви, когда во дни гонений, на сих подвижных антиминосах, Архиереи благословляли служить литургии, за недостатком постоянных престолов. Во время кропления Святитель читает 50-й псалом, от сего стиха: «окропиши мя иссопом и очищуся, омыеши мя и паче снега убелюся», и, отерши губою трапезу, с благословением имени Божия, приступает к таинственному помазанию престола миром.

Сперва изображает он три креста на поверхности трапезы, предозначая места, где во время литургии, будут стоять евангелие, дискос и чаша; потом по три креста на каждой стороне престола, чтобы он освящен был отовсюду, и наконец, три же креста на антиминосе, подобно как и на доске престола. При сем Диакон, знаменуя важность совершаемого действия, пред каждым крестным знамением, возбуждает внимание словом: «вонмем», а Святитель, изображая цель освящения и выражая восторг духовного помазания, восклицает: «аллилуйя». Лики же поют: «се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе: яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его, яко роса Аэрмонская, сходящая на горы Сионския: яко тамо заповеда Господь благословение, и живот до века».

Архиерей окропляет также белую нижнюю одежду, надеваемую на трапезу, как на восходящего от купели, и держит конец верви, которою престол обвязывается трижды, так что знамение креста является со всех

четырёх сторон, а лики опять поют трогательный псалом, воспоминающий, чрез три тысячи лет, кротость Давида и его пламенное желание устроить жилище Господу, что только суждено было его сыну: «помяни Господи Давида и всю кротость его, яко клятвася Господеви, обещаеши Богу Иаковлю: аще вниду в селение дому моего или взыду на одр постели моя, аще дам сон очима моима и веждама моима дремаше и покой скранияма моима, дондеже обрящу место Господеви, селение Богу Иаковлю. Се слышахом я во Ефрафе, обретохом я в полях дубравы: внидем в селения его, поклонимся на место, идеже стоясте ноге его. Воскресни Господи в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоя; священницы Твои облечутся правдою, и преподобнии Твои возрадуются».

Тогда Священники приносят верхнее одеяние престола, как бы ризу пресвитерскую, которую возлагают по окроплении оной Святителем, ибо отныне престол будет носить на себе священнодействие; они простирают на нем антиминос и литон, т. е. плат его облакающий, в память могильного плата, которым обвито было мертвенное чело Спасителя, и обретение коего, в упраздненном гробе, засвидетельствовало Апостолам истину воскресения. Они возлагают также святое евангелие и крест, покрыв все сие пеленою, и когда таким образом совершенно украшен престол, возглашается торжественный псалом: «Господь воцарися, в лепоту облечеса, облечеса Господь в силу и препоясася, ибо утверди вселенную, яже не подвижится; готов престол Твой оттоле, от века Ты еси. Воздвигоша реки гласы своя, вознесут реки волны своя от гласов вод многих; дивны высоты морские, дивен в высоких Господь, свидения Твоя уверишася зело; дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней».

По совершенном устроении престола, начальствующий велит старшему по нем облечь одеждою жертвенник, с окроплением также святою водою, и поставить на него освященные сосуды без всяких молитв, ибо это только место их хранения и приготовления жертвы, а не страшного ее совершения, подобно престолу. Тогда снимается с Архиерея и со служащих белый хитон: он приемлет кадило и кадит сперва престол и жертвенник и весь алтарь, при пении псалма: «суди ми Господи, яко аз незлобою моею ходих и на Господа уповая не изнемогу». Потом исходит в церковь, последуемый двумя старшими Пресвитерами, из коих один окропляет стены святою водою, а другой помазует миром крестообразно четыре стены храма, начиная над горним местом в алтаре, и далее над вратами западными, южными и северными.

По возвращении духовного собора совершается второй отдых от дела и возобновляется молитва. Архиерей, сняв митру и обратясь уже не к на-

роду, но к освященному престолу, громогласно молит Господа неба и земли, основавшего неизреченною премудростью Церковь святую, и уставившего на земле чин священства, по подобию Ангельского на небесах служения, – приять молитву недостойных рабов, по превосходству Своей благодати, знамением коей было послание Сына, воплотившегося для спасения рода человеческого, и изливание Духа Святого, коим Апостолы утвердили Церковь и предали ей таинства. На сие уповая, испрашивает он новому храму и жертвеннику исполнение славы Господней, а служащим неосужденное приношение бескровной жертвы за грехи людей.

Когда же все верные, по гласу Диякона, преклонят главы, Святитель тайне благодарит Господа, за непрерывное изливание благодати, нисшедшее до него от Апостолов, и продолжая молитву, чтобы и на сем жертвеннике таинственно предлагались тело и кровь Христовы, ко спасению всех людей, воссылает громко славу имени Пресвятой Троицы.

После сего возжигает первую свечу и поставляет ее на горнем месте, позади престола, как бы в самой глубине Востока, отколе должен изливаться духовный свет на всю просвещаемую церковь; он раздает евангелие, крест и иконы Пресвитерам в алтаре, мирянам же свечи на амвоне, и, взяв посох, следует сам за торжественным ходом, возгласив: «с миром изыдем», а лики, шествуя за хоругвями, поют: «Церковь твоя, Христе Боже, украсившаяся во всем мире кровью мучеников Твоих, как бы пурпуром и багрянцею, устами их вопиет к Тебе: ниспошли людям Твоим щедроты, даруй мир Твоему жилищу и душам нашим велию милость».

«Как начатки существ Создателю всех творений, вселенная приносит Тебе, Господи, богоносных Мучеников; многомилостивый, молитвами их и Богородицы, сохраняй в глубоком мире Церковь, Свое жилище».

Но куда шествие? зачем исходит духовный Собор и пуст остается обновленный храм, как будто чуждый для обновивших? зачем о Мучениках песнь? – За их мощами идет Собор; воздвигнуть жертвенник Богу, но не утвержден, доколе не положены ему в основание нетленные частицы святых мощей, ибо на костях мученических утвердилась Вселенская Церковь, в три первые века кровавых гонений, и над гробами их созданы были первые святилища Христиан. Ликующая Церковь не хочет забыть древних бедствий и как воин украшается своими ранами: она внемлет откровению Св. Иоанна Богослова, видевшего в духе, на небесах, пред лицом Божиим, алтарь, и под алтарем души избивенных за слово Божье и за свидетельство, которое они имели, и хочет подражать на земле небесному видению.

В ближайшем храме приготовлены, еще с вечера, святые мощи, и дискос, на коем они лежат, покрытый воздухом, поставлен на престоле в ожидании прихода Архиерейского. – Он входит в алтарь, без посоха и митры, и возглашает на малую ектению Диакона: «яко свят еси Боже наш, иже на пострадавших по Тебе честных Мученицех почиваеши, и Тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Св. Духу, ныне и присно и во веки веков».

Потом творит молитву к Господу, верному в словах Своих и неложному в обещаниях, который даровал святым Своим Мученикам, подвигом добрым подвизаться, течение благочестия совершить и сохранить веру истинного исповедания, – чтобы Он, и недостойным рабам Своим, дал участие в наследии с ними и сделал благими их подражателями.

По другой тайной молитве, воздав им честь фимиамом, он поднимает дискос обеими руками на главу свою, и поддерживаемый Пресвитерами, в сопровождении всего духовного Собора, с иконами и хоругвями, идет опять к новому храму и обходит его торжественно, а между тем один из Священников окропляет святою водою наружные стены, и воспеваются первые два гимна, которые слышны внутри алтаря, при таинстве рукоположения во священство.

«Святити Мученицы, добре страдальчествовавшии и венчавшиися, молитесь ко Господу, помиловатися душам нашим».

«Слава Тебе, Христе Боже, Апостолов похвало, Мучеников радование, их же проповедь, Троица единосущная».

Достигнув западных врат, певчие входят в храм и заключают его; Святитель же, со всем Собором, остается вне и слагает с главы своей дискос, на приготовленный пред вратами аналой.

Здесь совершается один из самых возвышенных и трогательных обрядов нашей Церкви. Подобно как, при торжественном вознесении Господа, Ангелы, видя его в образе человеческом, в ужасе недоумевали, кто есть сей Царь славы? когда отверзлись ему врата небесные: – подобно сему и когда Архиерей, благословив имя Христа Бога, как бы от лица Его, взывает к заключенным вратам: «возьмите врата князи ваша, и возьмитесь врата вечная и внидет Царь славы!»! – изнутри заключенного храма ему тихо отвечают лики, как бы из глубины неба; «кто есть сей Царь славы»? и снова Архиерей: «возьмите врата верхи ваша, и возьмитесь врата вечная и внидет Царь славы!»! и снова хор: «кто есть сей Царь славы»?!

Тогда Святитель умоляет Бога, Отца Господа Иисуса, чрез воплощение Сына своего, даровавшего нам вход в небесную ликующую

Церковь, призреть и на обновление сего храма, созидаемого по образу нас самих, то есть живой Церкви, членов тела Христова, и утвердить оный до конца века, для приношения в нем достойной хвалы Пресвятой Троице. Он молит, чтобы вместе со входом Священнослужителей, был вход и святых Ангелов во врата храма, пред коими знаменует крест, воздвигнутыми на дискосе мощами, и громко восклицает в ответ вопрошающим ликам: «Господь сил, той есть Царь славы»!

Как эхо повторяют лики таинственные слова сии внутри храма, и внезапно отверзаются врата Господу сил, и прямо в алтарь шествует Святитель, где поставив на престоле дискос, кадит фимиамом и, помазав миром святые частицы мощей, влагает их в антиминос и в малый ящик с благовонною мастикою. Он велит поставить его на столбец, под серединою престола, в незыблемое основание; сам же обращается к Богу, даровавшему и сию славу пострадавшим за него Мученикам, чтобы сеялись по всей земле мощи их в основание храмов, произрастая плоды исцелений, – да молитвами их и в возмездие за их страдания дарует нам спасение.

Так некогда Соломон, соорудив великолепный храм Богу Израилеву на высотах Иерусалимских, с Левитами и жрецами взошел на гору Сионскую, во град отца своего. Там, из древней пустынной скинии, подняли они кивот завета, устроенный Моисеем, и при пении псалмов Давидовых, заранее изобразивших сие духовное торжество, с принесением бесчисленных жертв, внесли неприступную святыню, залог завета Божия с Израилем, во внутренность храма, во Святое святых, под крылья Херувимов, и внезапно исполнился храм весь облаком славы Господней, нестерпимой для самих Левитов, так что оставили свои жертвы, и воззвал Соломон пред всем народом, к Богу отцов своих.

И в новом храме совершается третий молитвенный отдых; Архиерей, со всем народом, преклоняет колена и молит Господа, творца света, обновившего нас чрез Сына Своего, по благодати Св. Духа, и благоволившего издревле обновлять Свое творение, образами нового завета в скинии Синайской и в храме Соломонове: воззреть милостиво на рабов Своих, в новом жилище Своей славы, и обновить их Духом Святым, даровать Царю победы, священникам мир и единомыслие, благочестивым же строителям храма спасение и оставление грехов и дары духовные, для поклонения единому Богу и Господу Иисусу, молитвами Богородицы и всех Святых.

Тогда становится Святитель на амвоне посреди церкви, и при возглашении многолетия Государю, Синоду и Вселенским Патриархам,

осеняет на все четыре страны животворящим крестом.

Письмо V

Между многими обрядами и молитвами, которыми Церковь Христова усеяла жизненное поприще детей своих, чтобы на каждом шагу встречаясь с ними, не совратились с истинного пути, есть одно священное действие, в течении нескольких лет редко совершаемое, но чрезвычайно важное, ибо имеет необходимое участие в других таинственных действиях Церкви: – это освящение мира, рукою Архиерейскою, в Успенском Московском и Киевском Софийском соборах. Я полагаю необходимым говорить с тобою о сем предмете, ибо часто замечал, что по неведению ты смешиваешь святое миро, употребляемое при миропомазании, как печать дара Духа Святого, со священным елеем, которым помазывают болящего при другом таинстве елеосвящения, и таким образом не распознаешь двух таинств; ты даже не отличаешь его от простого елея, благословляемого на праздничной всенощной, или выливаемого из лампад, горящих пред святыми иконами и мощами, чтобы творить крестное знамение на челе верных, в знак их духовной радости и благословения от того, кому празднуют.

Но совсем иное, возвышенное значение святого мира. Пророк Моисей, по глаголу Божию, впервые излил оное на главу брата своего Аарона, возводя его в сан Первосвященника Израильского, и другой Пророк Самуил совершил то же действие над Саулом и Давидом, помазуя их на царство. Первосвященники и Цари, по закону, а Пророки Иуды и Израиля, по чрезвычайному повелению Божию, принимали сие таинственное помазание, от руки других Пророков или Первосвященников, в знамение нисходящего на них Духа Божия, которым священнодействуют Святители, царствуют Цари и прорекают Пророки. Еврейское слово Мессия и Греческое Христос выражают помазанника, и в тройком смысле оно дано было на земле Сыну Божию, в образе сына человеческого: как Пророку небесного Отца своего, как Царю Израиля и вселенной от колена Давидова, и наконец как Первосвященнику Бога Вышнего, заступившему место жрецов Иудейских, который Сам Себя принес в жертву за грехи мира.

Посему и в новом завете, святое миро служит нетленною печатью даров, сообщаемых Духом Святым восходящему от купели, и самого имени Христианина. Оно же знаменует, при торжественном венчании Царей наших, в том древнем храме, в котором и само приемлет освящение, умноженную благодать Божию, укрепляющую их на трудный подвиг царства. Оно, наконец, освящает все престолы или, по крайней мере, анти-

минсы храмов, на коих должна совершаться бескровная жертва Христова, чтобы не дрогнули и не расселись, подобно Голгофскому утесу, не вынесшему ее ужасов.

Сказав тебе таинственное значение святого мира, я объясню и самый обряд его приготовления и освящения, в великие дни страстной седмицы, в первопрестольной столице.

С недели крестопоклонной великого поста уже начинается приготовление масла и вина, благовонных трав и ароматов, потребных для варения мира: в первый же день страстной седмицы собирается духовенство в Кремль, близ Успенского собора, в крестовую Патриаршую палату, где приготовлены серебряные котлы и сосуды. Архиерей, благословляя начало обычных молитв, освящает воду, при пении тропарей, на сошествие Св. Духа и успение Богоматери, и кропит все вещества, из коих должно образоваться миро; он вливает воду сию в самые котлы, а священники льют масло и вино, и полагают горящие угли; Святитель же, по краткой молитве к Господу Иисусу, о совершении начинаемого дела, которое благословляет именем Пресвятой Троицы, отходит, оставив диаконов и священников, при непрерывном чтении святого Евангелия, продолжающих мироварение в течении трех дней; в великую среду они влагают уже ароматы в изготовленное миро и разливают его в двенадцать больших сосудов, напоминающих число Апостольское.

Самое освящение совершается, во время литургии великого четверга, и тогда отменяется обряд умовения ног, но не оставляется таинство елеосвящения, которое, по примеру Церкви Иерусалимской, и в храме Успенском соборно совершается пред литургиею, на память жены помазавшей на смерть Иисуса; все желающие приемлют от пресвитеров участие в таинстве, чрез помазание освященным елеем.

Прежде чтения часов, Архиерей, со всем духовенством, идет из собора в крестовую палату, за приготовленными сосудами мира, и священники торжественно несут их в соборный алтарь, где поставляют вокруг жертвенника, а лики поют во время шествия: «Благословен еси, Христе Боже наш, иже премудры ловцы явлей, ниспослав им Духа Святого, и теми уловлей вселенную: Человеколюбче, слава Тебе».

Тоже торжественное перенесение двенадцати сосудов, руками иерейскими, повторяется на великом входе пред святыми дарами, ибо подобно им миро должно освятиться на престоле. Впереди всего шествия идет старший Архимандрит и несет под осенением двух рипид, как бы под крылами Херувимов, драгоценный алавастр или сосуд исполненный мира, напоминающий тот алавастр с драгоценным миром, какой излила на главу

и ноги Иисусовы кающаяся Магдалина. Затем следуют прочие сосуды и поставляются по сторонам престола, а самый алавастр приемлет, в дверях царских, Архиерей и ставит на трапезу; когда же должно совершаться освящение святых даров, он открывает постепенно каждый сосуд и благословляет трижды, крестным знамением, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Потом произносит, вслух всей Церкви, молитву освящения над миром, взывая к Господу милости и Отцу светов, да даст и ему благодать тайнодейственного служения, подобно Моисею, Самуилу и Апостолам, и ниспошлет Духа Святого на миро сие, сотворив оное помазанием духовным, хранилищем жизни, освящением душ и телес и елеем радования, из ветхого завета воссиявшим в новом. Он молит, чтобы чрез сию печать совершенства духовного, все восходящие от бани крещения признаваемы были гражданами и домашними Божьими, от святых Ангелов, и страшны были демонам. Да будут они, продолжает Святитель, людьми избранными, царским священством, народом святым, запечатленным таинством и носящим в сердцах своих Христа, дабы сотворилась в них обитель всей Троицы.

Тогда обращается Архиерей к церкви, с желанием мира, и по зову Диякона к верным, дабы преклонили главы свои, опять приступает к престолу и втайне благодарит Господа, даровавшего ему благодать служения; он просит о излинии и на него самого освящения, подобно миру, ибо миро излинное есть самое имя Христа единородного Сына Божия, в коем благоухается весь видимый и невидимый мир. – По возгласении славы Пресвятой Троице, еще трижды благословляет он, крестным знамением, каждый из сосудов, которые относятся после литургии столь же торжественно в хранилище, при пении псалма: «отрыгну сердце мое слово благо», изображающего таинственное помазание и славу Сына Божия.

Все сии молитвы и действия освящения мира принадлежат собственно к таинству миропомазания, ибо, как я и прежде уже изъяснил тебе, одни Архиереи имеют высшую власть запечатлевать Христиан в вере, по примеру Апостолов, и освящают миро для всей Церкви, дабы в последствии Священники могли, без замедления, сообщать при самом крещении благодатные дары Духа Святого, чрез животворящее миропомазание. А святое миро, проливаясь по всей Церкви, из одного благодатного источника, содержит ее в неразрывном союзе мира, печатью имени Христова, в залог общего спасения во едином Христе Иисусе.

Письмо VI

Наконец, любезный друг, прежде нежели заключить сей длинный ряд писем духовных, я хочу еще говорить тебе о последнем милосердном действии, которое над нами совершает нежная мать наша Церковь, когда мы сами уже повержены, бездыханные, пред лицом ее, и не в силах более радеть о пище душе своей. Это погребальное действие, трогательное по самому существу своему, ибо, вместе с пронзительною скорбью разлуки, напоминает нам о неизбежном отшествии в путь усопшего, было еще украшено умилительными песнями Иоанна Дамаскина. Сострадание исторгло их, из красноречивых уст святого отшельника плачевной юдоли, в утешение иноку, плакавшему о потере своего друга, и милость певца, в созвучии с милостью Церкви, произвели ту дивную гармонию мыслей и чувств и рыданий, которых отголосок слышится в каждом сердце, сокрушает каждую душу, но и воскреляет к небу смятенный дух.

Но есть еще и на пределах бытия временного и вечного, на последней жизненной ступени, одно укрепляющее моление на исход души, поручаемой Пречистой Деве, которой помощь призывается в стихах отрадного канона: «Подобно дождевым каплям, злые и малые дни мои, оскудевая понемногу течением лет, уже исчезают, – Владычица спаси меня».

«Ныне великий страх содержит мою душу, и болезнен мне неисповедимый трепет отходящей души моей, – Пречистая утешь ее».

«Се время помощи, се время Твоего заступления, се Владычица время, о коем день и ночь я припадал к Тебе в теплых молитвах».

«Приидите и вы, святые мои Ангелы, предстаньте судилищу Христову, и мысленно преклонив свои колена, плачевно к Нему воззовите: Создатель всех, помилуй и не отринь дела рук Твоих».

«Уста мои молчат, и язык не глаголет, но сердце вещает, ибо огонь сокрушения, снедая его, разгорается и неизреченным гласом Тебя призывает, о Дева».

От самой минуты разлучения души и тела, до тех пор, пока не предадут земле мертвенные останки, совершаются панихиды и читается непрестанно, днем и ночью, псалтирь над умершим, а по уставу еще долее, до сорока дней, чтобы молитвами облегчить душе страшный переход ее в неведомый мир и избавить от мытарств или испытаний, которым подвергается она, в первые дни своего отшествия, по преданиям церковным. Как третий день избран для погребения, ибо мертвенность уже

слишком ясно начинает проявляться в теле, так девятый и двадцатый и сороковой, поминаниями соответствуют постепенному его разложению, по законам естественным, бывающему в сии промежутки времени. Число же сорока дней искони уважается Церковью, как то время, которое Господь благоволил провести на земле по своем воскресении, в теле прославленном, ожидающем нас в день общего воскресения.

С духовною же целью, при божественной литургии, вынимаются из просфор части за упокой отшедшей души, и кладутся на дискос к Агнцу, чтобы на небесах всегда предстояла она Агнцу Божию; после же приобщения, Священнослужители, части сии погружают в божественную кровь Христову, чтобы ею омылись грехи поминавшихся. Потом уже начинается надгробное пение, и псалтирь Давида его открывает, псалтирь, сие чудное излияние радости и плача, торжеств и сокрушений, многострунное орудие молитвы, настроенное Царем Пророком на все разнообразные тоны человеческого сердца, так что все смертные слабые руки могут смело бряцать в него, а сердце высказывать себя Богу. Краткие молитвы за упокой прерывают тихое чтение псалмов, которых одни начальные и окончательные стихи возглашаются иногда песнью, как восклицания плача, прорывающегося временно из разбитого сердца, как тяжкие вздохи, внезапно и только на минуту, облегчающие стесненную грудь.

«Блажени непорочнии в путь ходящии в законе Господни, аллилуйя».

«Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя Твое, аллилуйя».

«Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим».

Здесь, при частом повторении сего стиха, поются другие новозаветные стихи, изображающие таинственную судьбу человека: «Святых лик обрел источник жизни и дверь райскую, да обрету и я путь покаянием; я погибшая овца, но воззови и спаси меня, Спаситель».

«Агнца Божия проповедавшие и сами закланные как агнцы, и представившиеся к вечной нестареющей жизни, святые Мученики, молитесь Господа даровать нам разрешение грехов».

«Вы все, прискорбно вшедшие в тесный путь, и взявшие на себя в жизни иго креста и Мне последовавшие верою, приидите насладитесь почестями, которые Я вам приготовил, и венцами небесными».

Так говорит Спаситель своим верным и они отвечают: «я образ Твоей неизреченной славы, хотя и ношу язвы прегрешений: ущедри Твое создание, Владыко, и очисти Твоим благоутробием и возврати мне желанное отечество, делая меня опять жителем рая».

«Древле Ты создал меня из небытия и почтил Своим божественным

образом; за преступление же заповеди опять возвратил в землю, отколе я взят был: но возведи меня в Свое подобие, в образ древней красоты».

Начинается канон погребальный, пресекаемый также молитвами за упокой усопшего, и после первой молитвы воспоминается вся суэта временного: «поистине все суэта, а жизнь лишь тень и сон, и тщетно труждает себя земнородный; ибо, по словам писания, когда мир весь приобретаем, и тогда во гроб вселимся, где вместе нищие и цари».

Когда же шестая песнь изобразит нам бурю жизни: «житейское море воздвигаемое зря напасти бурю, к тихому пристанищу притекши, вопию Тебе, возведи от тления жизнь мою, Многомилостивый»: тогда и Собор духовный, стоящий со свечами вокруг гроба, знаменуя свет Христов, который ныне зрит пред собою усопший, от лица всей Церкви возглашает ему желание сей мирной пристани: «со Святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

По окончании канона, один лик перекликает другому грустные антифоны, основанные на горьком опыте жизни: «какая житейская сладость пребывает не причастна печали? какая слава стоит на земле постоянно? Не все ли слабее тени? не все ли обманчивее сна? – одно мгновение и всему наследует смерть! но во свете лица Твоего, о Христе, и в наслаждении Твоей красоты, упокой избранного Тобою, Человеколюбец».

«Плачу и рыдаю, когда помышляю о смерти и вижу, по образу Божию, созданную нашу красоту, безобразною, бесславною, не имеющею вида. О чудо! какое таинство сбылось над нами? как предалися мы тлению? как сопряглись со смертью? – поистине волею Бога, подающего покой преставившемуся».

И посреди сего плача земли, безутешной, как древле Рахиль о своих избитых чадах «яко не суть», предлагаются, во услышание верных, два отрадные уверения будущей жизни, в словах Апостола и Евангелия, ибо одно только небесное откровение, о восстании мертвых, может примирить духовную природу человека с картиною предлежащей временной смерти ее тела.

«Братие, говорит Апостол Павел (Сол. 4:13–17), не хочу оставить вас в неведении о умерших, дабы и вы не скорбели, как прочие не имеющие надежды. Ибо если мы веруем, что Христос умер и воскрес, то также и умерших в Иисусе, Бог приведет с Ним; ибо сие сказываем вам, словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших: потому что Сам Господь, по предвозвещении

гласом Архангела и трубою Божией, снидет с неба и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом и мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках по воздуху, навстречу Господу, и таким образом всегда с Господом будем».

Господь же Иисус Христос, устами Евангелиста Иоанна (V:24–35), обещает нам еще большую радость: «истинно, истинно, говорю вам, слушающий слово Мое и верующий пославшему Меня, имеет жизнь вечную и суду не подлежит, а перешел уже от смерти в жизнь. Истинно, истинно, говорю вам, наступает время и настало уже, что мертвые услышат глас Сына Божия и услышав оживут».

Во время погребения Священников, как ближайших служителей Христовых, пять Апостольских и пять Евангельских чтений предлагаются верным, лишившимся своего пастыря, как бы в утешение от лица пяти Вселенских Церквей, о них пекущихся и с ними участвующих в погребении.

Тогда приближается, в последний раз, духовник к своему бывшему сыну и, по прочтении разрешительной молитвы, в коей, по власти, дарованной от Господа ученикам Своим, отпускаются умершему все грехи его, он влагает свиток в его остывшие руки, как последний залог Христианской любви. Ближние же все, по примеру отца духовного и прочих Священнослужителей, призываются к горькому прощанию с их единокровным, готовым предаться земле, и невыразимо плачевны прощальные стихи, воспеваемые во время сего последнего долга, даже и вчужде раздирающего душу.

«Приидите братие и, благодаря Бога, дадим усопшему последнее целование; он оскудел от родства своего и течет ко гробу, не заботясь более о суетном и о многострастной плоти. Где ныне сродники и друзья? вот уже разлучаемся! помолимся же, да упокоит его Господь».

«Какая разлука, братие, какой плач, какое рыдание в настоящий час! приидите, целуйте недавно бывшего с нами; – он предается гробу, покрывается камнем, вселяется во мрак, погребается с мертвыми: помолимся же, да упокоит его Господь».

«Ныне разрушается все лукавое житейское торжество суеты! душа исторглась из своей скинии, помрачилось брение, разбился сосуд, безгласен, бесчувствен, мертв и недвижим. Вверяя его гробу, помолимся, да даст ему Господь упокоение во веки».

«Великий плач и рыдание, великое стенание и болезнь при разлучении души! – Тогда вся привременная жизнь для нее ад и гибель, тень непостоянная, сень заблуждения! безвременно мечтателен труд

жития земного! О, убежим далеко от греха мирского, да наследуем небесные блага».

«Видя предлежащего мертвого, все да помыслим о последнем часе: как пар от земли отходит человек, и как цветок увял он, как трава поблек; пеленается саваном, покрывается землею; невидимым его оставляя, помолимся ко Христу, да даст ему во веки упокоение».

«Когда страшные Ангелы, силою хотят исторгнуть душу из тела, забывает она всех сродников и знаемых, и помышляет только о предстании будущему судилищу и о разрешении от суеты многотрудной плоти. И мы, к Судие прибегая, помолимся все, да простит Господь содеянное человеком».

«Видя меня лежащего, безгласным и бездыханным, восплачьте обо мне все братия и сродники и знаемые. Вчерашний день беседовал я с вами, и внезапно настиг меня страшный час смерти; но приидите все любящие меня и целуйте последним целованием. Я уже более не поживу с вами или о чем-либо не беседую; к Судие отхожу, где нет лицепрятия: там раб и владыка вместе предстоят, царь и воин, убогий и богатый, в равном достоинстве; каждый от своих дел прославится или постыдится. Но прошу и умоляю всех – непрестанно о мне молитесь ко Христу Богу, да не буду низведен по грехам моим в место мучений, но да вселюся в жизненный свет».

Наконец, когда сын Адама уже опущен в землю, отколе взят был его праотец, Священник посыпает его пеплом от фимиама кадильного, подобно коему он угас, с сими словами: «земля еси и в землю внидеши», и возглашает ему от лица всех, готовых скоро за ним последовать: «вечная память»!

Письмо VII

Итак, мой труд окончился! – С помощью Божией, я начертил тебе, любезный друг, по мере моей неопытности, хотя и вкратце, почти весь круг богослужения церковного. Сперва старался я объяснить, из чего собственно состоит молитвенный день Христианина, и говорил о службе утренней и вечерней, о часах и литургии трех великих Святителей; потом я перешел ко времени года, исключительно посвященному Церковью для покаяния, по великим воспоминаниям Пасхи Христовой; далее желал я обратить твое внимание к благодетельному влиянию святых семи таинств на все течение нашей жизни, которую направляют они по заповедям Христовым, держа нас в непрерывном с Ним союзе; наконец довершил картину Христианского лета, описанием двенадцати главных праздников и четырех разновременных постов, и все сие заключил погребальными молитвами, которые также запечатлевают жизнь каждого Христианина. – Итак, мой труд окончился!

Удовлетворил ли он твоим ожиданиям? – не знаю, но, кажется, я исполнил долг дружбы, ибо не мог оставаться равнодушным к твоей душевной пользе; еще однажды повторяю, прими слова мои с тою же любовью, какая их внушила моему сердцу, и я буду доволен.

Но письма сии, в начале писанные единственно для тебя, чтобы в твоей памяти могли сохраниться предметы дружеских бесед наших, о святой Церкви, теперь уже сделались гласными, и не все будут одинаково к ним снисходительны. Может быть некоторые пожелали бы более подробностей, в изложении постепенного хода богослужения, с объяснением каждой молитвы, каждого обряда; другим же хотелось бы дойти исторически до их начала и следовать за всеми изменениями, в течение стольких веков. Но друг мой, ты знаешь, совсем иная цель меня руководила. С одной стороны, опасаясь утомить твое внимание излишними подробностями, я также не предполагал, чтобы доводы исторические могли возбудить тебя к молитве и вызвать из рассеянности, которой ты невольно предавался в храме, по неведению божественной службы. Напротив того, я был твердо уверен, что для сего достаточно было раскрыть пред тобою таинственный смысл молитв и обрядов, а иногда только и передать молитву на языке более тебе доступном: ибо все священные действия нашей Православной Церкви, сами по себе, столь возвышенны и глубоки, молитвы ее истекли с таким обилием благодати, из сердечных сокровищ Св. Отцов, что никакая витийственная проповедь не

может с ними сравниться и произвести столь спасительного впечатления на душу.

В заключение сих писем, могу ли однако же, любезный друг, довольно просить тебя, чтобы обратил на них все твое внимание. Не чувство мелкого самолюбия внушает мне сию просьбу, ибо в описании богослужения нашего, нет почти ничего собственно моего, а все только вкратце извлечено мною из прежних источников; но я пламенно желаю, чтобы, ты хотя из слабых сих очерков, начертал себе мысленно великий образ Церкви, которая, как некое развесистое древо, насажденное на стечении путей человеческих, призывает всех утомленных странников под освежающую тень свою. Да обретем и мы, в сени ее, отрадное себе пристанище и, с чувством живейшего благодарения, вознесем молитвенный голос к Господу Иисусу, чтобы некогда он принял нас, из под щита сей воинствующей на земле Церкви, в лоно торжествующей на небесах.

Петербурга.

Октябрь 1836 г.

Список всех сочинений А. Н. Муравьева

- 1) Путешествие по Св. местам, в 1830 г;
- 2) Путешествие по Св. местам Русским, (с приложением Русской Вильны и Почаевской Лавры);
- 3) Римские письма (с приложением);
- 4) Грузия и Армения;
- 5) Письма с Востока, 1849 и 1850 г.;
- 6) Русская Фиваида на Севере;

II

- 7) Первые четыре века Христианства;
- 8) История Российской Церкви;
- 9) Священная История Ветхого Завета;
- 10) Священная История Нового Завета;
- 11) История Иерусалима;
- 12) Раскол обличаемый своею историей
- 13) Сношения Российской Церкви с Востоком по делам церковным

III

- 14) Письма о Богослужении;
 - 15) Письма о спасении мира Сыном Божиим;
 - 16) Изложение Символа веры;
 - 17) Правда Вселенской Церкви;
 - 18) Слово Кафолического Православия;
 - 19) Жития Святых Российской Церкви, также Иверских и Славянских;
 - 20) Questions religieuses d'Orient et d'Occident;
 - 21) Письма о Магометанстве;
 - 22) Письма о Православии, тут же и о Спиритизме;
 - 23) Письма Московского Митрополита Филарета к А. Н. Муравьеву с 1832 по 1867 г.;
 - 24) Акафист Св. Апостолу Андрею Первозванному.
-

Примечания

- ¹ - Злат. толк, на посл. к Римл. ст. 558.
² - 1-я Беседа об Анне.

Содержание

Письма о богослужении восточной Кафолической Церкви Андрей Николаевич Муравьев	1
Книга первая. О литургии и всенощной	3
Письмо I	4
Письмо II	6
Письмо III	9
Письмо IV	15
V. Еще о литургии	20
Письмо VI	38
Письмо VII	42
VIII. Воскресная всенощная	48
Письмо IX	61
Приложение. Наставление о божественной литургии новообращенным из язычества	66
Книга вторая. О Великом посте и Пасхе	77
Письмо I	78
II. О Посте	81
Письмо III	92
Письмо IV	99
V. Неделя православия	106
Письмо VI	112
Письмо VII	118
Письмо VIII	124
Письмо IX	135
Книга третья. О семи таинствах	141
Письмо I	142
Письмо II	144
Письмо III	152
Письмо IV	161
Письмо V	166
Письмо VI	170
Письмо VII	178
Книга четвертая. О праздниках и погребении	185
Письмо I	186

Письмо II	195
Письмо III	207
Письмо IV	215
Письмо V	223
Письмо VI	226
Письмо VII	231
Список всех сочинений А. Н. Муравьева	233
I	234
II	235
III	236
Примечания	237